

ISSN 0201-7245

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

6

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК

6

Республиканский
межведомственный
научный сборник

Основан в 1976 г.

код экземпляра

289496

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения „Вища школа“
1980

Проблемы социалистической законности, вып. 6. — Респ. межвед. науч. сборник. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. — 144 с.

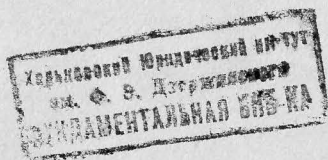
Сборник выходит в свет в год 60-летнего юбилея Харьковского юридического института им. Ф. Э. Дзержинского. Публикуются материалы, связанные историей института, состоянием его учебной и научной работы. Большое внимание уделяется изучению актуальных вопросов теории государства и права, а также отдельных отраслей советского права (государственного, гражданского, уголовного, колхозного и др.).

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Таций (отв. ред.), М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (отв. секр.), М. И. Бажанов, В. М. Горшенев, Л. Я. Носко, Р. С. Павловский, А. А. Пушкин, И. Е. Середа, Н. Н. Страхов, В. В. Штерн.

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы.

ХАРЬКОВСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ
им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО — 60 ЛЕТ

В соответствии с решениями XXV съезда КПСС, положениями Конституции СССР в нашей стране последовательно проводится курс на дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка. Осуществлены важные меры по совершенствованию законодательства, улучшению деятельности правоохранительных органов, обеспечению охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, развитию активности общественности. В этой многогранной и целенаправленной работе первостепенную роль играют правоохранительные органы, их работники.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...Мы уделяем и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности **милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции**, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан. Партия, государство высоко ценят нелегкий и почетный труд работников этих учреждений, заботятся о том, чтобы их состав пополнялся подготовленными, достойными кадрами»¹.

Дальнейшее совершенствование деятельности правоохранительных органов зависит от теоретической и профессиональной подготовки их работников, их идейной закалки, готовности самоотверженно служить своему Отечеству, делу Коммунистической партии. В связи с этим постоянно возрастают требования к юридическим вузам, которые призваны готовить высококвалифицированные кадры специалистов, развивать научные исследования.

Определенный вклад в подготовку квалифицированных юристов для органов прокуратуры, внутренних дел, судов, юстиции и правовой службы народного хозяйства, в развитие юридической науки вносит Харьковский юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского — один из крупнейших юридических вузов страны. В сентябре 1980 г. институту исполнилось 60 лет.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 82.

Харьковский юридический институт является единственным специализированным институтом в Украинской ССР по подготовке юристов. Его выпускники — всесторонне подготовленные специалисты, хорошо знающие свое дело, имеющие опыт общественной работы. Тысячи юристов с дипломом юридического института самоотверженно трудятся в различных правоохранительных органах, активно содействуют претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС, реализации положений Конституции СССР.

Харьковский юридический институт, основанный в сентябре 1920 г.¹, начал свою деятельность в объединении гуманитарных вузов как его крупнейшее подразделение, обеспеченное профессорско-преподавательскими кадрами, условиями для научно-исследовательской работы. В становлении института непосредственно участвовали выдающиеся партийные и государственные деятели, такие как Г. И. Петровский, Н. А. Скрыпник, В. П. Затонский и др. В институте готовились пролетарские кадры для руководящей работы в партийно-государственном и судебно-прокурорском аппарате. Наряду с юридическими знаниями студенты получали определенную подготовку в области политики управления и конкретной экономики. Значительное внимание в институте уделялось также подготовке новых преподавателей, которые должны были пополнять ряды профессуры, и привлеченных к преподавательской работе коммунистов из числа теоретически грамотных руководящих практических работников. Для обучения преподавателей при кафедре проблем современного права была образована аспирантура. В 1922 г. в институте было шесть аспирантов, в 1926 — 15. Ученые института уже в 20-х годах оказывали значительную помощь соответствующим государственным органам в разработке законопроектов, кодификации законодательства, вели консультационную работу, участвовали в проведении различных мероприятий по укреплению социалистической законности.

В 1930 г. в связи со специализацией учебных заведений по отраслевому принципу институт был ориентирован на подготовку руководящих работников для советского аппарата и кадров для органов юстиции. Он стал именоваться Харьковским институтом советского строительства и права². В 1932 г. институт был отнесен к системе коммунистических вузов и переименован во Всеукраинский институт советского строительства и права. Годом позже его передают из ведения Наркомата просвещения УССР в непосредственное подчинение Президиуму ВУЦИК³. В тот период институт состоял из четырех факультетов.

¹ ЦГАОР УССР, ф. 116, оп. 1, д. 375, л. 3; д. 931, л. 61, об.; Архив Харьковского юридического института, оп. 2, д. 561, л. 59; оп. 19, д. 44, л. 65.

² 33 УРСР, 1930, № 38, ст. 441; ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 9, д. 1718, л. 34—44; д. 1803, л. 88.

³ 33 УРСР, 1933, № 130, ст. 387.

тетов: советского строительства, правового, хозяйственно-правового и международного, а также подготовительного и заочного отделений. В 1930 г. на первом курсе училось 143 студента, в 1931—485, в 1932—529. После принятия 1 июля 1937 г. СНК УССР постановления о развитии и улучшении юридического образования он стал называться Харьковским юридическим институтом¹. Основное внимание вуза сосредоточилось на подготовке юристов для работы в судах, прокурорско-следственных органах, адвокатуре.

Плодотворная деятельность института прервалась нападением фашистской Германии на СССР. Многие преподаватели, аспиранты и студенты ушли на фронт. Выпускной курс 1941 г. почти в полном составе направился для специальной подготовки в Военно-юридическую академию, а вскоре и в действующую армию. Студентки, которые еще до войны окончили курсы медсестер, получили назначение в воинские части и госпитали. В сентябре 1941 г. в связи с угрозой оккупации Харькова преподавателей и студентов, не подлежавших мобилизации, направили в юридические институты, расположенные в восточных районах страны.

С сентября 1943 г. в освобожденном от фашистов Харькове институт возобновил свою деятельность.

За 60 лет Харьковский юридический институт дал стране многотысячный отряд специалистов с высшим юридическим образованием, которые успешно работают в судебно-прокурорских и следственных органах, системе МВД СССР, аппарате управления местных Советов народных депутатов, адвокатуре и народном хозяйстве. Только за 1946—1980 гг. институт выпустил свыше 21 тыс. специалистов.

В Харьковском юридическом институте работали выдающиеся ученые-юристы: академики АН УССР В. М. Гордон и Н. И. Палиенко, члены-корреспонденты АН УССР Н. А. Максимейко и П. Е. Недбайло, профессора С. И. Вильнянский, Г. И. Волков; М. В. Гордон, М. М. Гродзинский, А. Ф. Евтихий, С. М. Канарский, А. Д. Киселев, В. П. Колмаков, А. Л. Малицкий, П. Т. Полежай, А. Л. Ривлин, В. И. Сливичский, В. С. Трахтеров, С. Л. Фукс. Длительное время заведовал кафедрой в институте профессор В. М. Корецкий, ныне Герой Социалистического Труда, академик АН УССР, почетный директор Института государства и права АН УССР. Среди выпускников института — заведующий отделом ЦК Компартии Украины Г. К. Крючков, прокурор УССР Ф. К. Глух, заместитель министра внутренних дел СССР П. А. Олейник, первый заместитель прокурора УССР П. Г. Осипенко, заместитель Председателя Верховного Суда УССР П. Г. Цупренко, заместитель министра внутренних дел УССР А. М. Сербулов, заместитель прокурора УССР В. Н. Прик. Большая группа выпускников института

¹ ЗЗ УРСР, 1937, № 36, ст. 134.

возглавляет в настоящее время областные правоохранительные органы. Это прокуроры областей Б. Т. Антоненко, В. С. Богачев, В. И. Зимарин, В. А. Князев, А. А. Кравченко, В. П. Ольшанский, И. Г. Цесаренко, Г. М. Ясинский, начальники областных управлений внутренних дел Н. П. Водько, Н. А. Ковшарь, П. И. Коротеев, Ю. Л. Титаренко, начальники областных отделов юстиции Н. Д. Ворона, А. Т. Терно, Г. С. Ключко, В. Г. Попов, А. П. Шпилевой, председатели областных судов В. Ф. Бойко, Н. П. Волянский, Ф. Д. Дьяченко, С. С. Жила, К. П. Марченко, В. И. Потапенко и многие другие.

Большой отряд выпускников института находится на преподавательской работе во многих вузах страны, трудится в академических и других научно-исследовательских институтах. Это доктор юридических наук, профессор Саратовского юридического института В. А. Познанский, доктор юридических наук, профессор Одесского государственного университета И. Е. Середа, декан юридического факультета этого же университета, доцент Ю. С. Червоный, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета А. А. Головкин, заведующий отделом Института государства и права АН УССР А. П. Таранов, доктор юридических наук, профессор В. Г. Танасевич и др. В разное время институт окончили 13 Героев Советского Союза.

В связи со 100-летием со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, активного участника польского и русского революционного движения Феликса Эдмундовича Дзержинского 8 сентября 1977 г. его имя было присвоено Харьковскому юридическому институту. Это обязывает коллектив вуза постоянно повышать качество и эффективность учебно-воспитательной, научно-исследовательской и культурно-массовой работы, совершенствовать подготовку специалистов-юристов, расширять научные исследования и внедрять их в практику, активнее вести пропаганду правовых знаний среди трудящихся.

В Харьковском юридическом институте пять факультетов (три — на дневном отделении, заочный и вечерний), на которых сейчас учатся свыше 6,5 тыс. студентов. Подготовка специалистов на всех факультетах ведется по одной специальности — правведению. За последние годы набор в институт увеличился в несколько раз, значительно укрепилась его учебно-материальная база, улучшилось жилищно-бытовое обеспечение студентов. В 1980 г. институт окончило 1300 специалистов, которые были направлены на работу в судебные и следственно-прокурорские органы, следственный аппарат органов внутренних дел и в другие юридические учреждения Украинской ССР, Российской Федерации, Белорусской ССР, Молдавской ССР и Литовской ССР.

Действующие с 1955 г. условия приема направлены на то, чтобы в институт принимались лица, имеющие определенный жизненный опыт и опыт общественной работы. Огромное внимание уделяется формированию у студентов коммунистического мировоззрения, широкого идейно-политического кругозора, изучению великого идейного наследия классиков марксизма-ленинизма, прохождению производственной и общественно-политической практики. Неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса является научно-исследовательская работа студентов.

Преподавание общественных и правовых наук ведет 21 кафедра, в составе которых свыше 270 преподавателей. Среди них 26 профессоров и докторов наук, более 100 доцентов и кандидатов наук. Большинство докторов и кандидатов наук — воспитанники института. Среди преподавателей много участников Великой Отечественной войны. В институте обучается свыше 40 аспирантов. Значительный вклад в подготовку высокообразованных юристов и развитие советской правовой науки вносят такие преподаватели, как М. И. Бажанов, В. А. Барахтян, М. И. Бару, С. П. Виноградская, В. М. Горшенев, Ю. М. Грешевой, И. Н. Даньшин, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коновалова, А. Я. Лебедев, И. А. Лозо, В. А. Ломако, В. Ф. Маслов, Р. С. Павловский, И. Ф. Прокопенко, А. А. Пушкин, А. И. Процевский, А. И. Рогожин, А. И. Свечкарев, В. В. Сташис, Н. Н. Страхов, В. Я. Таций, В. С. Шелестов, С. А. Черниченко, В. А. Чифранов, О. М. Якуба и многие другие.

Основные усилия ректората, парткома, деканатов, кафедр, общественных организаций института постоянно сосредоточены на дальнейшем совершенствовании учебно-воспитательного процесса, повышении качества профессиональной подготовки специалистов. Усиливается роль кафедр как главного звена вуза, определяющего содержание и единство учебного, научного и воспитательного процесса. Основой повышения качества подготовки специалистов служат исторические решения XXV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов», ряд других партийных документов по вопросам деятельности вузов и улучшения воспитательной работы среди студенческой молодежи.

Первостепенное внимание кафедры уделяют совершенствованию учебных программ. Благодаря этому обеспечивается своевременное информирование студентов по различным проблемам, которые представляют для них интерес, правильное их понимание. Немало усилий кафедры прилагают для дальнейшего повышения уровня лекций и их значения в формировании у студентов научного мышления и марксистско-ленинского мировоззрения. В институте предпринимаются действенные меры к тому, чтобы лекции носили проблемный характер, отражали актуальные вопросы теории и практики, современные

достижения общественного и научно-технического развития, способствовали углубленной самостоятельной работе студентов. Преподавательский состав серьезно занимается вопросами дальнейшей активизации семинарских и практических занятий исходя из того, что они являются эффективными формами закрепления знаний и проявления творческих способностей студентов. В преподавании используются структурно-логические схемы учебных курсов, технологические карты лекций и семинарских (практических) занятий. Эффективнее стали применяться технические средства обучения, программированный контроль, индивидуальные консультации.

Важными факторами повышения качества подготовки специалистов служат внедрение в учебный процесс различных форм научно-исследовательской работы студентов, четко спланированная организация их самостоятельной работы над учебным материалом, систематический контроль за его усвоением. Улучшается организация производственной практики студентов, больше заботы проявляется о совершенствовании прохождения выпускниками стажировки.

Ректорат и кафедры многое делают для улучшения подготовки студентов, обучающихся без отрыва от производства, активного использования методов обучения, в полной мере учитывающих специфику вечернего и заочного образования, практическую работу студентов. Активизировалась методическая работа на кафедрах.

Актуальные вопросы методики преподавания, контроля за текущей успеваемостью студентов систематически обсуждаются на общеинститутских методических конференциях, методическим советом, кафедрами. Всесторонняя помощь в овладении педагогическим мастерством оказывается молодым преподавателям. Разумеется, что постоянное внимание, уделяемое в институте вопросам совершенствования учебно-воспитательного процесса, улучшения качества подготовки специалистов, дает свои результаты. Повышается успеваемость студентов. Так, абсолютная успеваемость по итогам летней экзаменационной сессии 1978/79 учебного года на дневных факультетах составила 98%. 52% студентов дневного отделения сдали все экзамены только на «отлично» и «хорошо». Из года в год растет количество отличников. Все студенты привлечены к научно-исследовательской работе, при этом ее основной формой на старших курсах являются студенческие научные семинары, функционирующие под руководством профессоров и наиболее опытных преподавателей. Активно работает научное студенческое общество, в кружках которого навыки научных исследований приобретают 75% студентов дневного отделения.

Ректорат, партийная организация, кафедры особое внимание уделяют вопросам повышения уровня изучения студентами марксистско-ленинской теории, исторического опыта КПСС,

трудов товарища Л. И. Брежнева, других руководителей партии. В свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» усилена ответственность всех кафедр за мировоззренческую направленность учебно-воспитательного процесса. Важным направлением работы кафедр является оказание помощи молодежи в овладении методами борьбы с идейными противниками, разоблачения враждебной империалистической пропаганды, ревизионизма и оппортунизма всех мастей. Совершенствование преподавания общественных наук положительно отражается на успеваемости. Так, в 1978/79 учебном году абсолютная успеваемость по истории КПСС, политической экономии и философии составила 100%, а качественная — соответственно 70, 73 и 71%.

Немало делается для того, чтобы выработать у студентов навыки самостоятельной подготовки докладов и публичных выступлений, умение участвовать в творческих дискуссиях. Одним из важных участков учебно-воспитательной работы является формирование у каждого студента необходимых качеств будущего воспитателя и организатора, пропагандиста коммунистических идей.

Одно из важнейших направлений деятельности института состоит в проведении научных исследований в тесной связи с задачами повышения качества подготовки специалистов, ускорении внедрения полученных результатов в практику и в учебный процесс. Из года в год расширяется объем научно-исследовательской работы кафедр, совершенствуется планирование. Более эффективным стал контроль за выполнением плановых заданий и качеством исследований. В институте разработана и реализуется система конкретных мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 6 апреля 1978 г. «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» и других руководящих документов по организации научных исследований в вузах.

Профессорами и преподавателями института написано немало учебников и учебных пособий, монографий, комментариев к законодательству, научных статей и популярных брошюр. Только в последние годы изданы такие книги: «Конституционные основы деятельности местных Советов народных депутатов» (проф. Р. С. Павловский), «Защита жилищных прав граждан» (проф. В. Ф. Маслов), «Действующее законодательство о браке и семье» (проф. В. Ф. Маслов, А. А. Пушкин, З. А. Подопривора), «Административная ответственность» (под ред. проф. О. М. Якубы и Р. С. Павловского), «Украинская ССР — неотъемлемая составная часть Советского Союза» (под ред. проф. А. И. Рогожина), «Юридическая процессуальная форма» (под ред. проф. В. М. Горшенева), «Уголовно-правовая охрана

«социалистического хозяйства» (проф. В. В. Сташис), «Уголовно-правовая охрана личности» (проф. В. В. Сташис и М. И. Бажанов), «Уголовная ответственность за коммерческое посредничество и частнопредпринимательскую деятельность» (доц. В. Я. Таций), «Договор поставки и качества продукции» (проф. В. С. Шелестов), «Психология в расследовании преступлений» (проф. В. Е. Коновалова), «Предмет советского трудового права» (проф. А. И. Процевский), «Основные вопросы уголовно-правовой охраны общественного порядка» (проф. И. Н. Даньшин), «Применение условного осуждения» (доц. В. А. Ломако), «Правовое сознание как разновидность социального отражения» (доц. В. А. Чефранов) и ряд других.

В учебном процессе используются подготовленные в институте учебники: «История советского государства и права» (под ред. проф. С. Л. Фукса), «Советское гражданское право» (под ред. проф. В. Ф. Маслова и А. А. Пушкина), «Советский уголовный процесс» (под ред. проф. М. И. Бажанова и Ю. М. Грошевого), «Советское трудовое право» (под ред. проф. М. И. Бару), «Криминалистика» (один из авторов — проф. А. Н. Колесниченко), «Логика» (доц. В. Е. Жеребкин) и др. Ежегодно ученые института публикуют свыше 300 печатных листов научной продукции. На базе института издается межведомственный научный сборник «Проблемы социалистической законности», периодически проводятся республиканские и всесоюзные конференции.

Ученые института обобщают практику деятельности государственных органов, участвуют в разработке проектов законодательных актов. При их активном содействии были разработаны проекты уголовного, гражданского, земельного и ряда других кодексов. Преподаватели института привлекались к подготовке проекта Конституции УССР 1978 г. Характерным для научно-исследовательской деятельности института является постоянное укрепление творческих связей с прокурорско-следственными и судебными органами, многими юридическими вузами и научно-исследовательскими учреждениями. Творческое содружество позволяет не только координировать тематику научных исследований, но и осуществлять совместные изучения крупных проблем.

В институте проводится защита докторских и кандидатских диссертаций по ряду юридических специальностей. За 1971—1979 гг. защищено 58 диссертаций. Среди соискателей ученых званий немало практических работников.

В обеспечении учебного процесса и надлежащей организации самостоятельной работы студентов, проведении научных исследований важная роль принадлежит институтской библиотеке, в фондах которой насчитывается свыше 500 тыс. книг. При библиотеке создан отдел редкой книги (около 40 тыс. экз.).

В неразрывной связи со всеми формами учебного процесса в институте под руководством партийной организации ведется кропотливая и многогранная воспитательная работа, в которой активно участвуют педагогический коллектив, общественные организации. Все, что делается в этой области, направлено на обеспечение органического единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания студенческой молодежи с учетом ее особенностей. Политико-воспитательная работа ведется в институте на основе единого комплексного плана, который рассчитан на весь период обучения. Преподавательский состав и общественные организации заботятся о дальнейшем совершенствовании всех форм воспитания студентов в духе беззаветной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, прививают им чувство личной ответственности за судьбы великих завоеваний социализма. Развиваются разнообразные формы общественно-политической практики студентов, воспитательной и культурно-массовой работы в общежитиях. Значительно расширились коллективы и кружки студенческой художественной самодеятельности, возросло их исполнительское мастерство. Заслуженной популярностью пользуется мужской студенческий хор института — лауреат всесоюзного и республиканского смотров художественного творчества трудящихся. С большими концертными программами хор неоднократно выезжал в Киев, Ленинград, Таллин, Севастополь и другие города, выступал на предприятиях и в вузах, по всесоюзному и республиканскому телевидению. В 1977 г. институтский хор удостоен звания народной хоровой капеллы.

В воспитательной работе среди студенческой молодежи неопределимая роль принадлежит трудовому обучению. Студенты ежегодно оказывают значительную помощь колхозам и совхозам в уборке урожая, с большой отдачей трудятся в строительных отрядах, которые неоднократно занимали первое место среди отрядов области. Третий трудовой семестр стал массовой школой гражданского возмужания будущих специалистов, воспитания у них умения самостоятельно ориентироваться в реальных жизненных ситуациях.

В поле зрения ректората и партийной организации постоянно находятся вопросы улучшения жилищно-бытовых условий студентов. В распоряжении последних — четыре благоустроенных общежития на 2300 мест. В общежитиях созданы надлежащие бытовые условия, функционируют читальные залы, комнаты подготовки к занятиям, помещения для спортивной работы, студенческие кафе и т. п. Осуществляется строительство еще одного студенческого общежития на 600 мест, решен вопрос о создании спортивно-оздоровительного лагеря и профилактория, что позволит значительно улучшить бытовые условия студентов, организацию их досуга и физического воспитания.

Жизнь подтверждает, что все достижения института в решающей степени зависят от боевитости его партийной организации. Ее влияние на все стороны деятельности научно-педагогического коллектива и студентов неуклонно возрастает. Свыше 70% студентов дневного отделения — коммунисты. Они служат примером в учебе, выполнении общественных поручений. Партийная организация заботится о дальнейшем совершенствовании учебно-воспитательного процесса, улучшении состава научно-педагогических кадров, распространении опыта передовиков учебы, укреплении дисциплины и организованности, развитии критики и самокритики, слаженности действий ректората, всех кафедр и отделов института, общественных организаций, повышении ответственности каждого за порученный участок работы. Важным направлением работы партийной организации является поддержание и развитие лучших традиций института.

В деятельности института, его профессорско-преподавательского состава имеются, конечно, недостатки. Ряд вопросов повышения качества подготовки специалистов, эффективности научных исследований требует своего решения. На это и направлена энергия всего коллектива.

Отмечая шестидесятилетие института, профессорско-преподавательский состав, сотрудники и студенты прилагают усилия к тому, чтобы выполнить предначертания партии, умножить вклад высшей школы в коммунистическое строительство.

В. В. Сташис, профессор, первый проректор Харьковского юридического института

Р. С. Павловский, профессор, декан факультета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

На современном этапе коммунистического строительства в нашей стране, в условиях научно-технической революции высшее образование стало одним из решающих факторов экономического и социального прогресса. Широкое развитие высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством, развития заочного и вечернего образования, предоставление государственных стипендий и льгот студентам, создание условий для самообразования — важнейшие гарантии конституционного права граждан СССР на образование (ст. 45 Конституции СССР). Возрастают требования, которые жизнь предъявляет к выпускникам высшей школы. Обучаясь в вузе, будущий специалист призван не только овладеть необходимым объемом знаний, но и определиться как работник с широким идейным и профессиональным кругозором, обладающий организаторскими способностями, как самостоятельная творческая личность. «...Вашим ориентиром в учебе, — говорил Л. И. Бреж-

нев, обращаясь к участникам Всесоюзного слета студентов 19 октября 1971 г., — должны быть те требования, которые предъявляет сегодня жизнь к советскому специалисту, к активному участнику коммунистического строительства» [4, с. 428].

КПСС постоянно заботится о совершенствовании и развитии высшего образования. Одним из примеров этого служит принятое в 1979 г. постановление «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» [2]. Высшая школа оказывает ныне все возрастающее влияние на ускорение научно-технического прогресса, дальнейший рост культуры народа и духовного богатства социалистического общества. Разумеется, что определенные достижения в подготовке специалистов с высшим образованием характерны и для юридических вузов страны, включая и Харьковский юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского.

Реализуя намеченные партией меры по совершенствованию юридического образования в стране, институт расширил выпуск специалистов, повысил качество их профессиональной подготовки и идейно-политического воспитания. Коллектив профессоров и преподавателей обеспечивает обучение студентов на высоком профессиональном и идейно-теоретическом уровне, плодотворно сочетает подготовку специалистов с разработкой крупных научных проблем. Однако практика коммунистического строительства ставит новые задачи, выдвигает более повышенные требования.

Известно, что деятельность работников прокуратуры, суда, органов внутренних дел, других юридических учреждений направлена на укрепление правовой основы государственной и общественной жизни нашей страны, на то, чтобы советские граждане в полном объеме использовали свои права и свободы, а их поведение соответствовало требованиям Конституции СССР, законов и коммунистической морали. На XXV съезде КПСС указывалось: «...Мы уделяли и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности **милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции**, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан. Партия, государство высоко ценят нелегкий и почетный труд работников этих учреждений, заботятся о том, чтобы их состав пополнялся подготовленными достойными кадрами» [1, с. 82]. На необходимость дальнейшего укрепления правоохранительных органов подготовленными кадрами обращено внимание в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» [3]. Пополнение юридических учреждений квалифицированными специалистами во многом обусловлено дальнейшим совершенствованием всей деятельности юридических вузов, которая еще не свободна от некоторых недостатков.

В условиях развитого социализма главное внимание должно быть сосредоточено на улучшении качества профессиональной подготовки специалистов и идейно-политического воспитания кадров, укреплении связей с производством, практикой коммунистического строительства. С учетом этого определена широкая и четкая программа конкретных мер, призванных в комплексе обеспечить дальнейшее совершенствование учебно-воспитательного процесса, поднять роль вузов как центров образования, коммунистического воспитания, развития науки и культуры. Ясно, что намеченные меры имеют прямое отношение к деятельности юридических вузов. Чтобы более успешно справляться со своими задачами, они призваны повысить теоретический уровень подготовки специалистов-юристов широкого профиля, активнее приобщать своих питомцев к новейшим достижениям науки, культуры и техники, крепить свои связи с судебными, прокурорскими и следственными органами, другими юридическими учреждениями, совершенствовать объем, формы и методы обучения и воспитания студентов.

Одно из первостепенных направлений улучшения качества профессиональной подготовки и идейно-политического воспитания специалистов состоит в постоянном совершенствовании учебных планов и программ. Оно осуществляется на основе повышения значимости фундаментальных наук в теоретической и профессиональной подготовке специалистов широкого профиля, более полного отражения новейших достижений науки и передового опыта.

В настоящее время Харьковский юридический институт готовит специалистов на основе учебного плана, введенного в действие в 1975 г., который обеспечивает надлежащий уровень подготовки специалистов и не нуждается в кардинальных изменениях. Что касается отдельных дополнений или поправок, то они по мере необходимости вносятся в учебный план Советом института в пределах его полномочий. Разработка нового плана юридических институтов целесообразна при одном условии — удлинении срока обучения на 5—6 месяцев. Это позволит расширить изучение фундаментальных наук, ввести несколько новых дисциплин специализации.

Совершенствование учебных планов неотрывно связано с углублением специализации юридических вузов. Подготовка специалистов в институте с отрывом от производства ведется по двум специализациям: 1) судебная, прокурорско-следственная и 2) следственно-криминалистическая. Опыт показывает, что введение новых специализаций нецелесообразно, так как оно потребует существенных изменений в структуре вуза, создания новых кафедр и факультетов, усложнит подготовку специалистов широкого профиля, планирование и распределение выпускников.

Ректорат и кафедры постоянно уделяют большое внимание совершенствованию учебных программ. К началу нового учебного года по всем предметам кафедры обязательно утверждаются учебные рабочие программы. Основу каждой учебной программы составляет программа по данному курсу, утвержденная Минвузом СССР. Она дополняется новыми вопросами и литературными источниками, из нее исключаются устаревшие положения. Так, существенные дополнения и изменения в учебные программы внесены в связи с материалами XXV съезда КПСС, последующими партийными документами, введением в действие новой Конституции СССР и конституций союзных республик, ряда законодательных актов. Дополнения к программам обусловлены выводами, вытекающими из практики правоприменительной деятельности. Изменения в учебные рабочие программы вносятся и на протяжении текущего учебного года в связи с совершенствованием законодательства, необходимостью оперативного изучения передового опыта деятельности правоохранительных органов.

Постоянное совершенствование учебных программ существенно сказывается на повышении качества подготовки специалистов. Благодаря этому обеспечивается своевременное информирование студентов по проблемам, представляющим для них интерес, правильное их понимание. Создаются условия для того, чтобы будущие специалисты-юристы глубоко усвоили новейшее законодательство, хорошо ориентировались во внутренней жизни и международных событиях, стремились внести максимальный вклад в общее дело строительства коммунизма.

Важнейшей задачей ректората, деканатов, кафедр является концентрация усилий профессоров и преподавателей на улучшении всех форм учебно-воспитательной и научно-методической работы. Прежде всего необходимо обеспечить дальнейшее повышение уровня лекций и их значение в формировании у студентов марксистско-ленинского мировоззрения, научного мышления.

Лекция — одна из главных форм обучения студентов. На лекциях они знакомятся с основными научно-теоретическими и практическими положениями учебного курса, получают направления и рекомендации для самостоятельной работы над учебным материалом. Лекционные курсы дополняют учебники и учебные пособия, содержат новейшую практику, методические советы к самостоятельному изучению курса, подготовке к семинарам (практическим занятиям), зачетам и экзаменам. Лекция оказывает существенное эмоциональное влияние на слушателей, будит мысль, желание глубоко разобраться в освещаемых лектором проблемах. Естественно, что содержанию лекций, методике освещения учебного материала в лекционных курсах, контролю за качеством лекций уделяется первостепенное внимание. Ныне лекции студентам института читают 23 профессора

и 100 доцентов. На кафедрах систематически обсуждаются тексты лекций, предназначенных для чтения, а также их стенограммы. При этом особое внимание уделяется тому, насколько они носят проблемный характер, отражают актуальные вопросы теории и практики, современные достижения общественного и научно-технического развития, содействуют углубленной самостоятельной работе. Практикуются посещения лекций руководством института, заведующими кафедрами, деканами, а также взаимопосещение преподавателей. Большую пользу приносят кафедральные и межкафедральные открытые лекции с последующим обсуждением их содержания и методики. Конечно, еще не все лекции удовлетворяют слушателей, полностью соответствуют современным требованиям. Ежегодно лекторский состав пополняется молодыми преподавателями. Все это обуславливает необходимость постоянного внимания ректората и кафедр к вопросам содержания лекций, методики изложения материала, обучения молодых преподавателей лекторскому мастерству, усиления роли лекций в подготовке специалистов.

Возрастание эффективности учебно-воспитательного процесса непосредственно зависит от активизации семинарских и практических занятий, выступающих действенными формами закрепления знаний и проявления творческих способностей студентов. Известно, что семинарские (практические) занятия составляют значительную часть обязательного учебного времени. Посредством этой формы не только проверяются знания студентов, результаты их самостоятельной работы. Главная цель семинара, практического занятия заключается в том, чтобы путем коллективного обсуждения, под руководством преподавателя содействовать усвоению студентами сложных и важных вопросов курса, выработке творческого мышления, умения формулировать теоретические положения, приобрести практические навыки. Учитывая это, кафедры серьезно занимаются организацией семинаров и практических занятий. По каждому предмету имеются детальные планы и тематика занятий, методические рекомендации по подготовке к ним. Ход занятий постоянно контролируется ректоратом, деканатами, кафедрами. Принимаются меры к тому, чтобы занятия проходили в творческом духе, с использованием технических средств и литературных источников. Для проверки знаний студентов, текущей успеваемости используются программированный (машинный или безмашинный) контроль, письменные работы, собеседования и т. п. Результаты участия студентов в занятиях оцениваются преподавателями, служат основой для определения действительности их самостоятельной работы над учебным материалом. С семинарами, практическими занятиями тесно связаны групповые и индивидуальные консультации. Предполагается и в дальнейшем совершенствовать эту форму учебно-воспитательной работы, развивать на занятиях творческую активность сту-

дентов, эффективнее контролировать их самостоятельную работу, улучшать содержание методических пособий к групповым занятиям.

На качестве подготовки специалистов сказывается уровень работы студентов во внеучебное время, самостоятельное изучение первоисточников, учебников, законодательства и т. п. Сейчас на кафедрах созданы надлежащие условия для самостоятельной работы. Подобрана литература, имеются методические рекомендации по всем предметам. В часы самостоятельной работы, которые планируются по каждому предмету, в кабинетах кафедр дежурят преподаватели, помогающие студентам в усвоении материала. Ректорат ориентирует кафедры на то, чтобы студенты эффективно использовали время, отведенное для самостоятельной учебы, а домашние задания были реальными. Изучается бюджет свободного времени студентов, объем заданий, по мере необходимости пересматриваются перечни литературы, подлежащие самостоятельному изучению.

В последние годы многое сделано для улучшения преподавания общественных наук. Однако и теперь одна из важнейших задач состоит в повышении уровня изучения студентами марксистско-ленинской теории, исторического опыта КПСС, трудов Л. И. Брежнева, других руководителей партии. Посредством приобщения студентов к глубокому изучению произведений основоположников научного коммунизма, партийных документов, общественно-политической литературы, деятельности известных революционеров, деятелей мирового коммунистического и рабочего движения формируются политические взгляды студенческой молодежи, обеспечивается выработка у нее классового подхода к явлениям общественной жизни, прививается марксистско-ленинское мировоззрение, воспитывается коммунистическое убеждение. Важно обеспечить оперативное информирование студентов по вопросам внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства, добиваться правильного понимания ими злободневных проблем общественного развития.

Составным элементом учебного процесса выступает научно-исследовательская работа студентов (НИРС), включающая лекции по основам научных исследований (34 часа), участие в научных семинарах (92 часа) и конференциях, подготовку научных докладов, сообщений, рефератов, обобщений практики. Опыт НИРС института показывает, что проведение студентами элементарных исследований активно содействует подготовке квалифицированных специалистов. Задача состоит в совершенствовании деятельности студенческих научных кружков, научных семинаров, улучшении методических пособий для НИРС, более тесной увязке студенческих научных работ с тематикой исследования кафедр. Не вызывает сомнения, что одно из важных направлений совершенствования всех форм учебно-воспитательного процесса — лекций, семинаров, НИРС, производствен-

ной и общественно-политической практики, самостоятельной работы и др. — заключается в выработке у студентов навыков самостоятельной подготовки докладов и публичных выступлений, умения участвовать в творческих дискуссиях. Учебно-воспитательный процесс в комплексе призван формировать необходимые качества будущего воспитателя и организатора, пропагандиста коммунистических идей. Одна из задач кафедр, общественных организаций состоит в оказании содействия студенческой молодежи в овладении методами борьбы с идейными противниками, разоблачения враждебной империалистической пропаганды, ревизионизма и оппортунизма всех мастей.

Неразрывной частью учебно-воспитательного процесса является производственная практика студентов. Известно, что производственная практика в юридическом вузе, включая общественно-политическую, обеспечивает закрепление и углубление знаний, полученных студентами в процессе учебы, на основе глубокого и непосредственного изучения работы правоохранительных органов, приобретения и совершенствования практических навыков. В процессе производственного обучения студенты приобретают опыт общественно-политической, организаторской и воспитательной работы. Кафедрами разработана подробная программа прохождения практики, в том числе и общественно-политической. Определены функции руководителей практики — преподавателей института, а также судебно-прокурорских работников и следователей. Особо закрепляются обязанности студентов в период практики, разнообразные формы их работы. Подготовка к производственной практике, формы организационного и методического руководства ею со стороны кафедр и деканатов, итоги защиты результатов практики студентами систематически и всесторонне обсуждаются советом, кафедрами, методическим советом, на производственных совещаниях студентов. Кафедры и деканаты постоянно контролируют ход практики, выполнение заданий студентами, их качество, консультируют практикантов. За каждой базой практики закреплена учебно-методическая группа, которая объединяет преподавателей, представляющих все профилирующие кафедры. К руководству практикой привлечены все заведующие кафедрами, профессора (они возглавляют учебно-методические группы), наиболее опытные преподаватели. Для практикантов систематически организовываются семинары, на которых с лекциями выступают профессора, заведующие кафедрами, руководители правоохранительных органов. Находясь на практике, студенты активно участвуют в общественно-политической жизни коллективов правоохранительных органов, в правовой пропаганде, ведут шефскую работу в инспекциях по делам несовершеннолетних, комиссиях исполкомов, органах общественной самодеятельности населения. Практика не прерывает привлечения студентов к научно-исследовательской работе, а наоборот, акти-

визирует ее формы. Каждый студент, используя материалы практики, разрабатывает определенную тему по заданию кафедры, которая представляется затем в форме доклада (научного сообщения, обобщения практики и т. п.) для обсуждения в студенческом научном семинаре или кружке. По материалам производственной практики ежегодно проводится студенческая научно-практическая конференция, на которой заслушивается 105—110 докладов и научных сообщений.

Все это не означает, что производственная практика студентов свободна от недостатков. Следует оперативнее вносить изменения и дополнения в программу и методические указания по практике с тем, чтобы они полнее отражали развитие законодательства и передовой опыт правоохранительной деятельности, повышать эффективность различных форм контроля за ходом практики со стороны кафедр и руководителей, оказывать более действенную помощь студентам в приобретении практических навыков, проведении научных исследований. В совершенствовании нуждается содержание Положения о производственной практике студентов, в котором целесообразно шире отразить формы общественно-политической практики студентов, полнее определить условия из материального обеспечения в период практики.

В улучшении нуждается и стажировка выпускников. Ректоратом и кафедрами приняты меры к тому, чтобы соответствующие ведомства, где стажировются выпускники, постоянно информировали институт о ходе стажировки. Результаты стажировки выпускников по отзывам правоохранительных ведомств дают основания сделать вывод о том, что в целом стажеры обладают хорошими теоретическими знаниями и умело их применяют, проявляют инициативу в работе. Вместе с тем в адрес института высказан ряд обоснованных предложений и рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование подготовки специалистов. Они внимательно рассматриваются деканами и кафедрами и используются для совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Стремясь повысить качество подготовки специалистов, ректорат, кафедры, деканаты руководствуются тем, что все формы обучения студентов должны повседневно и непосредственно увязываться с политико-воспитательной работой в коллективе, повышением ее эффективности. Ответственной задачей является дальнейшее совершенствование воспитания студентов в духе беззаветной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине, советского патриотизма и пролетарского интернационализма; привитие им чувства личной ответственности за результаты учебы и участия в общественной жизни. Следует воспитывать у студенчества высокую политическую и нравственную культуру, принципиальное отношение к встречающимся отклонениям от норм коммунистической морали, проявлениям

потребительских мещанских настроений и других пережитков прошлого. В воспитательной работе среди студентов необходимо целеустремленное использовать силу общественного мнения коллектива.

Повышение требовательности к качеству подготовки специалистов, рациональному сочетанию их теоретических знаний с умением решать практические вопросы немислимо без дальнейшего расширения и укрепления связей вузов с правоохранительными ведомствами. Прежде всего в активизации нуждается совместная деятельность вузов и правоохранительных органов по улучшению подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Представляется, что министерства и ведомства призваны более широко участвовать в укреплении материальной базы вузов. Дальнейшее развитие деловых связей юридических институтов с правоохранительными ведомствами позволит улучшить планирование подготовки специалистов, всесторонне учесть потребности органов прокуратуры, юстиции, внутренних дел в кадрах, повысить уровень организации производственной практики и стажировки.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». — Правда, 1979, 12 июля. 3. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». — Правда, 1979, 11 сент. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., Политиздат, 1972. 536 с.

В. М. Горшенев, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Проблема преемственности в советском праве и юридической науке — это не просто попытка отразить диалектику развития правовой системы, проследить проявление в данном процессе закона отрицания отрицания, как это подчас пытаются показать отдельные авторы. Главным образом, особенно в строго профессиональном плане, это проблема уточнения исторической индивидуальности самого содержания советского права как своеобразного и специфического социального феномена. Иными словами, проблема преемственности должна выражаться в решении вопроса о том, что, в каком объеме социалистическое право вообще и советское право в частности в историческом аспекте и в плане сотрудничества с другими социальными явлениями могут вбирать в себя и к чему они должны отрабатывать, так сказать, социальный иммунитет, социальную невосприимчивость.

В марксистско-ленинской юридической науке проблемы преемственности освещены довольно обстоятельно. Особенно содержательным является труд болгарского ученого-юриста Н. Неновски [6]. Интересные соображения по этому вопросу высказывает В. К. Бабаев [4]. Не предпринимая критического анализа существующих мнений и не вступая в дискуссию по целому ряду спорных вопросов, отметим такие моменты, которые еще не ставились в литературе, но имеющие принципиальное значение для нашей юридической науки и практики государственно-правового строительства.

Представляется, что советская наука, решая непосредственную задачу более детальной и оптимальной отработки содержания советского права, определения его составных компонентов, непременно должна учитывать целый ряд чрезвычайно существенных обстоятельств и принципиальных выводов марксизма-ленинизма. Эти моменты должны служить не только методологической основой получаемых в ходе исследования права выводов, но и выполнять функцию тех эталонов, с которыми следует сверять правомерность и правильность введения в обиход и широкого использования того или иного юридического средства или научной категории и соответствующего объяснения проведенных изменений. К числу таких фундаментальных обстоятельств, на наш взгляд, нужно отнести два. Первое состоит в том, что советское право как право нового исторического типа в корне отличается от буржуазного права по самым существенным моментам: оно выражает волю абсолютного большинства трудового народа; защищает самый справедливый социальный принцип: «От каждого по способностям, каждому — по труду» и отрицает всякую свободу частного предпринимательства; направлено на создание атмосферы наибольшего благопритворования труженику. Иначе говоря, это такая правовая система, которая обслуживает интересы труженика-созидателя, а не собственника-потребителя, чем прежде всего характеризуется буржуазное право. Эта необычность социалистического права позволяет дать ему совершенно иную характеристику как подлинного и наиболее эффективного нормативного регулятора, представляющего собой величайшее открытие и начало новой эпохи — подлинной истории развития системы управления общественными процессами. Именно данное обстоятельство предполагает, что в ходе становления социалистического права при поисках и выборе конкретных правовых институтов и нормативных предписаний следует проявлять определенную осторожность и разумную предусмотрительность, исключая любое непродуманное заимствование из буржуазных правовых систем. В. И. Ленин в одной из заметок Д. И. Курскому по поводу проекта ГК обращал внимание на необходимость принципиального отмежевания от буржуазного права, из которого нужно брать только то, что связано с защитой трудящихся. Причем

он специально подчеркивал, что это является лишь одним моментом и что самое важное — «не угодить «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства в «частноправовые отношения», в гражданские дела. Как именно надо это сделать, я не могу сказать, ибо не в состоянии ни изучить вопроса ни вникнуть хотя бы в отдельный кодекс. Но что это надо сделать, для меня ясно. Что нам сейчас грозит опасность — в этой области не доделать (а не опасность «пере»делать), это тоже для меня вполне ясно» [2, с. 412]. Следовательно, ленинский подход заключался в том, что при формировании советского права и особенно такой его отрасли, как гражданское право, нужно решительно преодолевать цивилистическую традиционность и что в этом плане особенно пагубно что-то недоделать, что-то не продумать.

Второе обстоятельство, которое следует учитывать при решении проблемы преемственности, имеет непосредственное отношение к общеправовому праву, т. е. к такому социальному феномену, который развивается уже на своей собственной основе и который даже условно не может квалифицироваться как «буржуазное» право. Это предполагает занятие более принципиальной позиции при практическом и теоретическом разрешении проблем преемственности. И главным здесь должен быть вывод о том, что современная практика развития советского права должна полностью исключать какие-либо заимствования из правовых систем современного буржуазного мира.

С позиции учета этих бесспорных обстоятельств представляется возможным несколько по-иному проанализировать конкретное состояние преемственности в социалистическом праве и его социальные результаты. Позитивная сторона данного процесса очевидна и не вызывает сомнений. Значительно больший интерес представляет научный поиск тех издержек, которые имели место в процессе преемственности социалистического права на первом и втором этапах его становления. Сейчас, по-видимому, вполне справедливо можно отметить, что многие заимствования, допущенные при формировании отдельных отраслей советского права, были результатом далеко не продуманного подхода к оценке социалистического права как необычного социального феномена. Известно, например, что гражданский кодекс, принятый в первые годы Советской власти, а также некоторое последующее законодательство представляют собой почти дословное воспроизведение гражданского законодательства Западной Европы. Причем это оправдывалось тем, что не было времени для детальной разработки «собственного» социалистического гражданского кодекса. Любопытен в этом плане замечание П. И. Стучки, который в 1931 г. писал: «Наш кодекс (ГК) ввиду краткости его изготовления пришлось почти целиком и дословно списать с лучших образцов гражданского права Запада. Задаваться целью создать что-либо оригинальное мы

не могли, ибо тогда в гражданско-правовой области мы не могли в точности определить ни пределов окончательного отступления, ни дать новых форм строительства» [7, с. 125]. Таким образом, допущенная в свое время несомненная социальная издержка была следствием недостатка времени и отсутствия соответствующего научно-теоретического потенциала. Все это, конечно, должно быть учтено и положено в основу серьезного и интенсивного научного поиска как путей окончательного отступления от всякого буржуазного влияния, так и изобретения новых юридических форм социалистического правового регулирования в последующие годы. Однако обстановка культа личности и трудности, вызванные Великой Отечественной войной, привели к тому, что это откровенное признание юриста-марксиста было забыто или ему не придали особого значения. Поэтому и современные гражданские кодексы, принятые уже в шестидесятых годах, не отличаются той оригинальностью и исключительной новизной формы, о которой заботился В. И. Ленин, о которой с искренней заинтересованностью говорили в тридцатых годах ученые-марксисты.

То обстоятельство, что до 40-х годов нашей юридической практикой и наукой не была разработана оригинальная модель подлинно социалистического гражданского кодекса, с точностью устанавливающая пределы окончательного отступления от буржуазного гражданского права и дающая новые формы правового регулирования гражданского оборота, послужило, по-видимому, основанием некоторой стабилизации понятийного аппарата юридической практики и в своей совокупности в какой-то мере также определило современное состояние нашей юридической науки, в частности гражданского права. В этой отрасли особенно четко обнаруживаются два направления: традиционно цивилистическое и новаторское, сторонники которых расходятся главным образом по проблемам хозяйственного права. Представители первого направления, воспитанные на традиционных цивилистических концепциях, сформулированных еще на базе буржуазного права, которое восприняло основные институты римского частного права, никак не могут согласиться с тем, что в современных условиях развития социалистического общества есть абсолютно все основания для того, чтобы в научном плане констатировать создание самостоятельной отрасли права — хозяйственного права, автономной и обособленной от гражданского права. Да и гражданское право в социалистическом обществе имеет принципиально новое содержание и назначение, лишённое главного в традиционном цивилистическом аспекте; утверждение принципа свободы частного предпринимательства. В этом плане заслуживает внимания цивилистическая практика ЧССР, где, как известно, в конце 1964 г. было проведено четкое размежевание в сфере хозяйственных и гражданских отношений и соответственно изданы два самостоятельных кодекса: хозяй-

ственный и гражданский. В этих законах более последовательно проводится принцип исключения каких-либо существенных заимствований из буржуазного гражданского права. Например, ГК ЧССР отказался от традиционной цивилистической терминологии по таким важнейшим моментам, как субъективный состав гражданского оборота, где участники именуется гражданами и социалистическими организациями, в тексте закона нет каких-либо упоминаний о «физических» и «юридических» лицах (см. ч. I гл. II). Наиболее четко выделена приоритетность гражданина перед социалистическими организациями в гражданском обороте. Последние, кстати, обязываются оказывать соответствующие услуги гражданам (см. ч. IV гл. I) и т. д.

Есть много оснований и обстоятельств, которые подтверждают правильность мнений тех советских ученых, которые обосновывают факт складывания в нашей системе права самостоятельной отрасли хозяйственного права, свидетельствующий, что социалистическое право — это именно своеобразный, оригинальный социальный феномен, с одной стороны, исключающий преемственность от предшествующих правовых систем, а с другой — заключающий в себе структуру, в корне отличную от буржуазного права.

Одной из особенностей структуры советского права является также соответствующее перераспределение отраслей в их иерархической и субординационной характеристике, наполнение совершенно новым содержанием всех его отраслей. В связи с этим трудно согласиться с мнением отдельных ученых, которые при моделировании иерархической структуры общенародного права по традиции выделяют в качестве профилирующих отраслей гражданское, административное и уголовное право. Такие же отрасли, как, например, трудовое право, они относят к производным от административного и зачисляют его в разряд специальных наряду с семейным, земельным правом. Хозяйственное же право вообще не выделяется как самостоятельная отрасль в системе советского права [3, с. 218].

Такой подход, к сожалению, не учитывает коренных изменений, происшедших в структуре связей в развитом социализме, и не соответствует основополагающим конституционным положениям, установившим четкую иерархию в соотношении социальных связей. Как известно, Конституция СССР отдает предпочтение политическим отношениям и поэтому ставит их в первый ряд (см. гл. 1); далее идут экономические (гл. 2) и социальные (гл. 3) отношения. Причем в системе экономических отношений на первом месте стоят именно хозяйственные связи как непосредственный предмет регулирования соответствующего блока нормативных предписаний, которым, несомненно, и является хозяйственное право. Особенно значимо здесь то, что Основной Закон в ст. 13, 14 предельно четко выделяют на первый план трудовую активность человека в условиях развитого

социализма и тем самым отдает предпочтение трудовым отношениям, а не связям гражданского оборота, основанным на личной собственности граждан как блага, производного от общественно полезного труда.

Отправляясь от такого понимания структуры конституционных положений, на наш взгляд, правомерно отдать предпочтение и приоритетность трудовому праву перед гражданским и без всяких сомнений квалифицировать трудовое право в качестве перворазрядного в системе профилирующих отраслей советского права, а не производного и тем более специального. В этом также наглядно обнаруживается оригинальность социалистического права и еще раз подтверждается факт отрицания преемственности в нем, не только по многим параметрам его содержания, но и по структурной композиции, подчиняющейся требованиям принципиально иной иерархии, отличной от буржуазного права.

Обращает на себя внимание и еще одно положение, когда исключительно цивилистическая традиционность препятствует решению другой важной проблемы, также в определенной степени подчеркивающей оригинальность социалистического права, его иммунитет к традиционным принципам буржуазной правовой системы. Речь в данном случае идет о возможности процессуальной формы и сферах ее распространения. Мы глубоко убеждены, что в условиях социалистического общества, когда в корне изменяется структура и субординация управляющих субъектов, вполне обоснованным является всемерное поддержание объективной тенденции приспособления свойств юридического процесса ко всем правовым формам деятельности органов государства, а не только к тем, которые выполняют юрисдикционные функции.

Трудно понять отдельных ученых, которые возражают против унифицированного понимания юридического процесса и не учитывают не только особенностей правового регулирования в социалистическом обществе и фактов значительно расширяющейся практики процедурно-процессуальной регламентации различных сфер государственной деятельности, но также один принципиальный вывод К. Маркса об однопорядковости процедуры суда и представительных органов власти. Как известно, он писал: «...Ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент» [1, с. 374]. И совершенно несерьезно утверждение противников унифицированного понимания процесса о том, что нетрадиционное, широкое понимание процессуальной формы будет способствовать бюрократизации и даже удорожанию советского государственного аппарата [5, с. 32]. В данном случае у автора некомпетентное представление о том, в чем, во-первых, состоит бюрократизация и удорожание государственного аппарата; во-вторых, в чем смысл концепции унифицированного, нетрадици-

онного понимания юридического процесса как комплексной системы правовых форм деятельности органов социалистического государства, единых по своей сущности и социальному назначению и не воспринявших традиционные принципы разделения властей и поэтому представляющих собой подлинные «работающие» корпорации государственных служащих, избираемых трудящимися и подотчетных им.

Проявлением неоправданного заимствования традиционного принципа взаимоотношения органов государства является широко распространенное в нашей науке представление о суде как каком-то надгосударственном универсальном органе. Конкретно это выражается, с одной стороны, в том, что чрезмерно преувеличиваются его властные возможности: суды квалифицируются чуть ли не всеохватывающими носителями способов и форм самого справедливого разрешения всех возникающих конфликтов. Таким образом, складывается своеобразное противопоставление судов другим органам государства. По-видимому, с таким пониманием роли и значения суда согласиться сейчас трудно, поскольку в условиях общенародного государства социальная ценность всех его органов одинакова. С другой стороны, также неоправданно отрицаются правотворческие функции судебных органов вообще без учета того бесспорного обстоятельства, что высшие судебные инстанции в силу требования специализации управления могут и обязаны осуществлять общее руководство нижестоящими звеньями, функции профессионального (ведомственного) упорядочения деятельности всей судебной системы по типу и подобию управления, осуществляемого любым министром. В действительности так оно и есть: Верховный Суд СССР и Верховные Суды союзных республик осуществляют целый ряд правотворческих полномочий в форме принятия руководящих указаний по практике применения соответствующего законодательства. В этих актах, как правило, содержатся нормы процессуального характера, направленные на повышение эффективности деятельности судов и поэтому подлежащие их неуклонному исполнению. В связи со сказанным целесообразнее направить усилия науки не на то, чтобы доказывать отсутствие у судов правотворческих функций, а на то, чтобы выяснить природу, характер и конкретное назначение этих полномочий, так четко подчеркивающих оригинальность и необычность суда в общенародном государстве.

Факты неоправданного заимствования традиционных или общепринятых правовых форм имеют место не только в тех сферах, политическая острота которых менее ощутима, но и в тех, где, на наш взгляд, следовало бы проявлять самую высокую степень политической принципиальности.

В частности, необходимо более осторожно, продуманно и ответственно относиться к профессиональному словоупотреблению

и добиваться того, чтобы из его состава полностью исключить термины, часто используемые не к месту, а иногда с акцентом особого достоинства применительно к отдельным государственно-правовым атрибутам социализма. Например, в нашей периодической печати очень часто Верховный Совет СССР называют «советским парламентом», председателя исполкома городского Совета народных депутатов — «мэром», Председателя Президиума Верховного Совета СССР — «президентом», депутата — «парламентарием» и т. д. Представляется, что подобного рода «эпитеты» нисколько не облагораживают, не украшают и тем более не поднимают престиж, авторитет названных органов. Это нельзя расценивать и в качестве политического комплимента. Напротив, такие «эпитеты» принижают подлинную социальную ценность указанных органов и нивелируют их индивидуальность как социальных явлений особого порядка, принадлежащих к такой системе представительных органов власти, которые в корне отличаются от парламентов и в принципе полностью их исключают не только по своему существу, но и по всем формальным моментам. Известно, что классики марксизма-ленинизма резко выступали против системы парламентаризма и отмечали, что социалистическая государственность полностью исключает какую-либо преемственность парламентаризма, включающего в себя чрезвычайно существенные социальные пороки. Они всегда подчеркивали историческую обреченность парламента и его абсолютную неприменимость к социалистическим, подлинно демократическим институтам представительных учреждений государственной власти.

Отметим, что исследование проблемы преемственности в современных условиях, когда советское право, как и общество развитого социализма, развивается на своей собственной основе, должно осуществляться с тех принципиальных позиций, что сейчас при формулировании выводов и рекомендаций по совершенствованию права и правового регулирования всегда следует проявлять максимум осмотрительности и помнить, что право развитого социализма должно полностью исключить какое-либо заимствование из буржуазных правовых систем. Сейчас речь идет о таком состоянии социального развития, когда можно констатировать факт подлинного исторического процесса, знаменующего феноменальный скачок, подобный тому, как это произошло в период процесса превращения обезьяны в человека. Развитой социализм по сравнению с капитализмом — это общество, освободившееся от капиталистического «животного» состояния, это высокоорганизованный и высокоинтеллектуальный социальный организм, несущий на себе совершенно иные социальные черты и поэтому в принципах своей жизнедеятельности несовместимый с еще существующими соседними генетическими предками.

Такой острый сравнительный акцент необходим, на наш взгляд, прежде всего потому, чтобы иметь возможность отработать общие методологические основы боевого, наступательного характера юридической науки как разновидности обществоведения, где нет и не может быть какого-либо сосуществования, а идет непримиримая борьба двух противоположных мировоззрений, исключая всякие компромиссы. Этого забывать нельзя, и на это снова ориентирует недавнее постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Список литературы: 1. *Маркс К.* Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 374—377. 2. *Ленин В. И.* Письмо Д. И. Курскому с замечаниями на проект Гражданского кодекса. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 411—412. 3. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., Юрид. лит., 1975, 264 с. 4. *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. М., Изд-во АН МВД СССР, 1978, 212 с. 5. *Боннер А. Т. К.* Маркс о соотношении материального права и процесса. — Правоведение, 1978, № 4, с. 30—38. 6. *Неновски Н.* Преemptивность в праве. М., Юрид. лит., 1977, 68 с. 7. *Стучка П. И.* 13 лет борьбы за революционную теорию права. Сборник статей. 1917—1931. М., Изд-во НКЮ, 1931, 150 с.

А. И. Рогожин, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В ВОЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В УССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Более шестидесяти лет прошло после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в нашей стране. Огромная заслуга в этом принадлежит славной Советской Армии — «армии, созданной революцией, воспитанной партией, неразрывно связанной с народом» [3, с. 286]. Красная Армия под руководством Коммунистической партии, опираясь на всестороннюю поддержку трудящихся масс, отстояла завоевания Октября. «Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — показал, что революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться» [2, т. 12, с. 427]. Именно в целях защиты социалистических завоеваний во всех братских советских республиках с первых дней пролетарской революции приступили к строительству вооруженных сил трудящихся. Оно осуществлялось в рамках становления и развития федеративного союза братских советских республик, что в свою очередь способствовало укреплению интернациональных связей в строительстве революционной армии.

В УССР 20 января (2 февраля) 1918 г. правительство Советской Украины (Народный Секретариат), руководствуясь декретом Совнаркома РСФСР от 15 (28) января 1918 г. об организации Красной Армии, приняло декрет о Червонном Казачестве (Украинской Красной Армии) [5, с. 51]. Вместо сломленной диктатурой пролетариата старой армии, составлявшей важнейшее звено угнетательского аппарата эксплуататорского государства, было намечено создать армию трудящихся. Строительство Красной Армии в братских республиках по первым декретам велось на принципе добровольчества, в то же время законом обеспечивался классовый рабоче-крестьянский характер новой армии. Отметим, что под первым декретом СНК РСФСР об организации Красной Армии, подписанным В. И. Лениным, стоит и подпись представителя Украины в Совнаркоме Советской России В. П. Затонского, хотя, как правило, декретов, принимаемых СНК РСФСР, представитель Украины не подписывал. Ввиду важности данного декрета было сделано исключение. Наличие под декретом СНК РСФСР об организации Красной Армии подписей представителей двух братских советских республик свидетельствовало о том, что армия трудящихся по замыслу Коммунистической партии должна была строиться по всей Стране Советов на единых принципах, среди которых на первом месте стояли такие, как классовость армии, коммунистическое партийное руководство вооруженными силами трудящихся, пролетарский интернационализм в строительстве новой армии.

Коммунистическая партия, ее ЦК во главе с В. И. Лениным руководили разгромом контрреволюции, решали все основные вопросы организации, обучения и воспитания вооруженных сил. В декабре 1918 г. в специальном постановлении «О политике Военного Ведомства» ЦК партии подчеркнул, что «политика эта ведется на точном основании общих директив, даваемых партией, в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем» [17, 1918, 26 дек.]. ЦК РКП(б) и В. И. Ленин руководили строительством Красной Армии не только в РСФСР, но и во всех советских республиках, в том числе на Украине. В. И. Ленину принадлежит огромная заслуга в создании вооруженных сил Советской страны в целом. «Владимир Ильич, — вспоминает Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики периода гражданской войны С. С. Каменев, — повседневно и непосредственно руководил Красной Армией. Руководство это выражалось вовсе не в том только, что Владимиру Ильичу ежедневно представляли сводки и зачастую по его требованию делались письменные доклады штабом РВСР. Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, в которой действия Красной Армии были только частью остальных мер борьбы» [15, с. 39]. «Для организаторов советского военного дела и Красной Армии, — писал о В. И. Ле-

нине нарком Украины по военным делам Н. И. Подвойский, — Владимир Ильич был не только Председателем Совнаркома и вождем партии. Для них он был чутким и знающим руководителем и учителем» [17, 1965, 16 февр.].

Первые красноармейские части были созданы на Украине, как и в Советской России, в ходе ожесточенных сражений против наступающих австро-немецких войск. Именно тогда широко развернулось формирование пяти украинских армий из разрозненных красноармейских полков, батальонов, красногвардейских отрядов и других частей и подразделений. Наиболее прославилась V Украинская армия, возглавляемая К. Е. Ворошиловым, которая весной 1918 г. в Донбассе нанесла серьезные удары по немецким оккупантам и только под натиском преобладающих сил противника вынуждена была отступить и пробиваться через донские казачьи степи на соединение с советскими войсками РСФСР, оборонявшими Царицын [18, 1978, 7 дек.]. Под Царицыном V Украинская армия была переформирована в X армию Советской России и героически сражалась с красновскими бандами. На территорию РСФСР в связи с оккупацией Украины австро-немецкими войсками отошли и другие красноармейские части УССР, которые влились в Красную Армию Советской России и приняли участие в боях на различных фронтах. Итак, уже в боевой практике первых месяцев существования Советской власти были сделаны важные шаги в осуществлении интернационального принципа в строительстве Советских Вооруженных Сил.

Оккупация Украины австро-немецкими войсками не прекратила полностью работы по формированию Красной Армии УССР, она проходила лишь в своеобразных и чрезвычайно сложных условиях. В сентябре 1918 г., когда на Украине еще господствовали оккупанты, ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У приняли решение о восстановлении регулярных частей Советской Армии Украины. Как свидетельствует член Реввоенсовета Республики С. И. Аралов, это решение было принято по инициативе В. И. Ленина [13, с. 144—147]. Выполняя постановления ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, Центральный военно-революционный комитет Украины 22 сентября 1918 г. издал приказ о сформировании в нейтральной полосе из отрядов украинских повстанцев двух регулярных дивизий [7, с. 641—642], которые должны были стать ядром Красной Армии Советской Украины. В создании повстанческих украинских советских дивизий и отдельных партизанских отрядов активное участие принимали В. Н. Боженко, А. С. Бубнов, А. В. Иванов, М. П. Кирпонос, Д. С. Коротченко, Н. Г. Крапивнянский, И. С. Локотош, С. И. Петриковский, В. М. Примаков, Т. В. Черняк, Н. А. Щорс и другие видные организаторы военного строительства на Украине.

Ценные советы командирам повстанческих соединений и частей в конце 1918 г. о борьбе с гайдамаками и гетманскими вла-

стями дал непосредственно В. И. Ленин, который был лично знаком с многими видными полководцами, руководившими строительством Красной Армии на Украине [8, с. 561; 13, с. 142—144; 16, с. 95—107]. В ноябре 1918 г. во время беседы с председателем ВУЦИК В. П. Затонским Ленин интересовался состоянием воинских формирований в «нейтральной зоне», одобрил их создание и предложил немедленно за них как следует взяться [10, с. 22]. С. И. Аралов в своих воспоминаниях писал, что В. И. Ленин, «ознакомившись с докладом о состоянии украинских повстанческих дивизий, дал указание ответственным органам оказать всестороннюю помощь в завершении их формирования, в снабжении оружием, политической литературой, пополнении командным составом» [13, с. 147]. Молодые повстанческие дивизии героически проявили себя на фронтах борьбы с силами внешней и внутренней контрреволюции. 1-я Украинская советская дивизия сыграла решающую роль в разгроме петлюровских банд на Правобережье, а 2-я дивизия — в освобождении Левобережья Украины.

Красная Армия Украины с самого начала своей истории действовала в тесном и братском союзе с Красной Армией РСФСР. 17 ноября 1918 г., после аннулирования Брестского договора, Совнарком РСФСР дал указание об организации Реввоенсовета группы войск Курского направления в составе В. А. Антонова-Овсеенко, В. П. Затонского и И. В. Сталина [12, с. 179]. В группу войск Курского направления в помощь Украине были выделены отдельные части Российской Красной Армии. 28 ноября 1918 г. Временное Рабоче-крестьянское правительство Украины по согласованию с Совнаркомом РСФСР вместо Военного Совета группы войск Курского направления утвердило Военный Совет Украинской Советской Армии в составе Артема (Ф. А. Сергеева), В. П. Затонского и В. А. Антонова-Овсеенко [23, № 1, ст. 5; 25, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. д. 8]. В конце января по постановлению Реввоенсовета Республики был создан единый Украинский фронт, в который была целиком включена Красная Армия Украины и которому были переданы отдельные воинские части РСФСР. Во всех оперативных вопросах командующий Украинским фронтом был подчинен Главнокомандующему Вооруженными Силами РСФСР [7, с. 656]. Командующим Украинским фронтом был назначен В. А. Антонов-Овсеенко. Членом же Реввоенсовета Украинского фронта должно было назначать Украинское Советское правительство. 29 января 1919 г. членами Реввоенсовета Украинского фронта Временным Рабоче-крестьянским правительством УССР были утверждены Ю. М. Коцюбинский и Е. А. Щаденко [23, ст. 52-6], несколькими месяцами позже членом Реввоенсовета Украинского фронта был назначен А. С. Бубнов [11, с. 245]. Так на первом этапе достигалось необходимое единство командования всеми советскими войсками на Украине.

Красная Армия Украины формировалась на тех же основах, что и Красная Армия РСФСР. Украинские советские военные органы широко пользовались военным законодательством РСФСР, приказами и распоряжениями Реввоенсовета Республики. С середины 1918 г. Красная Армия в РСФСР стала строиться на основе принципа воинской обязанности. Как только на освобожденной территории Украины удалось организовать военные комиссариаты, в УССР по примеру РСФСР начался организованный призыв на военную службу [4, с. 85, 32; 25, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. д. 4—8].

27 декабря 1918 г. Временное Рабоче-крестьянское правительство УССР приняло Положение о рабоче-крестьянской Красной Армии Украины [24, ф. 1, оп. 1—2, д. 10, л. д. 2]. В нем указывалось, что «все граждане от 18 до 40 лет берутся на учет и зачисляются в резерв армии». В Красную Армию принимались и добровольцы «по рекомендации советских организаций и партий». Устанавливался шестимесячный срок службы в армии, который в марте 1919 г. был продлен до года [23, № 29, ст. 311]. Была введена единая эмблема для всей Красной Армии — красная звезда. Принцип всеобщей воинской обязанности был закреплен и в Конституции УССР 1919 г. «В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции, — говорилось в ст. 29, — УССР признает обязанностью всех трудящихся Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей». Работой местных военных комиссариатов по мобилизации в армию руководил военный отдел Временного Рабоче-крестьянского правительства, во главе которого стояли Ф. А. Сергеев (Артем) а затем М. Л. Рухимович. 29 января 1919 г. вместо военного отдела был создан Народный Комиссариат по военным делам УССР, который возглавили Н. И. Подвойский и В. М. Межлаук. Оба в первое время были на правах народных комиссаров, а затем Н. И. Подвойский стал наркомом, а В. И. Межлаук — его заместителем [23, № 2, ст. 4, 16; № 4, ст. 52-6].

Компетенция между Военным Советом Украинской Красной Армии и Народным Комиссариатом по военным делам была разграничена декретом Совета Народных Комиссаров УССР «О руководстве военными силами Украинской Советской Социалистической Республики» от 16 апреля 1919 г. Управление всеми вооруженными силами, говорилось в декрете, расположенными на территории Украинской республики, находится в исключительном ведении народного комиссара по военным делам в отношениях: укомплектования, устройства, обучения, вооружения, снабжения, боевой подготовки и использования как боевой силы. Войска, действующие на фронте, находятся в под-

чинении Революционного Военного Совета [9, с. 110—111].

В молодой Украинской Красной Армии, главным образом крестьянской по своему составу, в конце 1918 — начале 1919 гг. были еще сильны партизанские настроения, слаба дисциплина. 17 мая 1919 г. на заседании ВУЦИК нарком по военным делам Н. И. Подвойский сообщил, что в Красной Армии Украины рабочие составляют лишь 20% [25, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. д. 155—157]. С учетом этих обстоятельств в апреле 1919 г. В. И. Ленин говорил, что на Украине еще нет регулярных войск [1, т. 38, с. 250]. Владимир Ильич по поручению Политбюро ЦК РКП(б) указывал ЦК КП(б)У и Украинскому Советскому правительству на необходимость скорейшего создания прочной армии [1, т. 38, с. 560—561], в частности усиления рабочей прослойки в советских войсках. 9 мая 1919 г. в телеграмме в Киев уполномоченному Совета Обороны РСФСР, а также председателю Совнаркома Украины В. И. Ленин сообщил директивы ЦК РКП(б) о проведении в двухнедельный срок мобилизации в армию 20 тыс. рабочих промышленных центров Украины [1, т. 38, с. 549]. 28 мая 1919 г. В. И. Ленин направил правительству Украины директиву ЦК о срочной посылке уполномоченных в Харьков и Екатеринослав для «поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих» [1, т. 50, с. 326]. Руководствуясь постановлениями ЦК РКП(б), в целях укрепления дисциплины III Всеукраинский съезд Советов ввел в Красной Армии присягу — торжественное обещание красноармейца — и утвердил ее текст. Принятие текста воинской присяги высшим государственным органом УССР подчеркивало то большое значение, которое придавала укреплению армейской дисциплины Советская власть.

Большую роль в укреплении Красной Армии, поднятии в ней дисциплины и усилении ее боеспособности сыграли решения VIII съезда РКП(б) по военному вопросу. Съезд отверг взгляды «военной оппозиции», антипартийную позицию Троцкого, которые могли нанести непоправимый вред Красной Армии, и указал на решающее значение партийного руководства в управлении Красной Армии, потребовал неуклонного соблюдения классового принципа ее формирования. Партийное руководство обеспечивало проведение в жизнь принципа интернационализма в строительстве Вооруженных Сил Страны Советов. Съезд партии наметил необходимые меры для подготовки командного состава из рядов пролетариата и беднейшего крестьянства. VIII съезд РКП(б) признал в то же время необходимым и в дальнейшем привлекать в Красную Армию военных специалистов из числа старых офицеров, обеспечив, однако, надлежащий партийный контроль за ними через военных комиссаров. Военные комиссары были той силой, которая укрепляла Красную Армию, связывала ее с народом, партией, Советской властью. Военные комиссары являлись «не только прямыми

и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества...» [2, т. 2, с. 65].

Значительную роль в строительстве Красной Армии сыграли и армейские политотделы, которые также внесли свой большой вклад в восстановление органов Советской власти после освобождения территории Украины от сил внутренней и внешней контрреволюции, в особенности в организацию местных ревкомов [25, ф. 2360, оп. 1, д. 3, л. д. 28; д. 12, л. д. 10; д. 14, л. д. 2]. Партийно-политические органы Красной Армии в своей работе опирались прежде всего на армейских коммунистов и комсомольцев, которые цементировали вооруженные силы Советской страны. В самые сложные моменты борьбы объявлялись специальные партийные мобилизации в Красную Армию. Так, в связи с белоденикинским нападением партийные организации Украины до августа 1919 г. направили на фронт 20 тыс. коммунистов, что составило около 60% всего состава КП(б)У [14]. Коммунисты, являясь авангардом Красной Армии, твердо и последовательно проводили в жизнь ленинские идеи пролетарского интернационализма в строительстве Вооруженных Сил Страны Советов.

Необходимость укрепления боеспособности советских войск требовала полного объединения вооруженных сил Украины, России и других советских республик. Особенно остро встал этот вопрос в период деникинского наступления. В тяжелой военной обстановке было ясно, что отдельные советские национальные армии, хотя и координирующие свои усилия, испытывают серьезные трудности в борьбе с опасным врагом. Единая, монолитная советская армия братских советских республик была создана в соответствии с ленинским «Проектом директивы ЦК о военном единстве» по декрету ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских республик России, Украины, Латвии и Белоруссии».

Как только был заключен военно-политический союз советских республик, командование Красной Армии РСФСР и Украинской Красной Армии немедленно приступило к выполнению декрета ВЦИК от 1 июня 1919 г. Был расформирован Украинский фронт. Из частей II Украинской армии и воинских частей, прибывших из РСФСР, была создана XIV армия, которая вошла в состав Южного фронта, а из частей I и III Украинских армий была создана XII армия, которая вошла в состав Западного фронта. В августе 1919 г. был ликвидирован Народный Комиссариат по военным делам Украины, его функции перешли к Реввоенсовету республики [25, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. д. 34—36]. Была учреждена должность уполномоченного Реввоенсовета РСФСР при Совнаркоме УССР на правах народного комиссара Украины [25, ф. 1, д. 39, л. д. 267]. После освобождения Украины от деникинской оккупации были приняты меры по дальнейшему

укреплению единства вооруженных сил советских республик. На основании Декларации Всеукраинского ревкома «Наша военная политика на Украине» от 22 января 1920 г. вся территория УССР была разделена на два военных округа, подчиненных непосредственно Реввоенсовету и Главному штабу РСФСР [25, ф. 2360, оп. 1, д. 4, л. д. 64—67]. Для руководства Украинской трудовой армией (воинскими частями, временно в связи с мирной передышкой использовавшимися в УССР на трудовом фронте) 21 января 1920 г. по соглашению Совнаркома РСФСР с Всеукрревкомом был создан Совет украинской трудовой армии, подчиненный Совету Труда и Обороны РСФСР [22, № 4—5, ст. 26]. Огромное значение объединения вооруженных сил советских республик для победы над силами контрреволюции Всеукрревкомом охарактеризовал следующим образом: «Благодаря могучей помощи Красной Армии рабоче-крестьянской России, в которую влилась и Украинская Красная Армия, трудящиеся Украины получают возможность прочно и навсегда укрепить свою трудовую власть на украинской земле. Украина будет идти рука об руку с вольной и независимой Социалистической Советской Республикой России. Объединение их армий в одну русско-украинскую Красную Армию будет служить залогом прочности этого союза» [21, 1919, 21 дек.].

Строительство единой Красной Армии приходилось осуществлять в упорной борьбе с буржуазно-националистическими партиями, которые выступали против братского союза УССР с РСФСР и другими советскими республиками. Боротьбисты, в частности, вплоть до самороспуска добивались создания отдельной Красной Армии на Украине [25, ф. 2360, оп. 1, д. 18, л. д. 4—5]. Коммунистическая партия разоблачила антинародный характер этой затеи и парализовала попытки националистических партий оказать влияние на трудящихся. РКП(б) добилась неуклонного проведения в жизнь ленинских идей о создании могучей, монолитной, интернациональной по составу и организации Красной Армии советских республик.

В 1920 г. на территории Украины из частей и соединений объединенной Красной Армии были созданы два фронта, подчиненных главному командованию РСФСР: Юго-Западный — против белополяков и Южный — против Врангеля. Юго-Западным фронтом командовал А. И. Егоров, а Южным — М. В. Фрунзе. В разгроме войск буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля, в создании единой победоносной Красной Армии братских республик видную роль сыграли также выдающиеся пролетарские полководцы и военачальники В. К. Блюхер, С. М. Буденный, О. И. Городовиков, И. Н. Дубовой, Д. П. Жлоба, В. М. Примаков, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, И. Э. Якир и др. В ряде соединений и частей единой Красной Армии свободу и независимость Украины отстаивали наряду с украинцами и русскими воины всех

национальностей, населявших Страну Советов. Красная Армия с первых своих шагов строилась как армия дружбы, сотрудничества и взаимной помощи всех трудящихся.

В Советской Армии на Украине имелись и интернациональные формирования. При Наркомате по военным делам УССР еще 9 мая 1919 г. было создано Управление по формированию интернациональных частей, которое возглавил славный сын венгерского народа И. Башкович. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны на Украине находилось свыше 30 интернациональных формирований (подразделений, частей и соединений), которые насчитывали тысячи отважных бойцов, командиров и политработников. В феврале 1919 г. в Полтаве был сформирован румынско-венгерский интернациональный полк во главе с Р. Фокете, который успешно сражался с григорьевскими бандами. Двумя интернациональными полками, сформированными в мае 1919 г. в Киеве, командовали Юричек и Гавро. Интернациональную бригаду, сражавшуюся на Украине, возглавил герой чешского народа Славояр Частек. Значительную роль в организации и укреплении этих формирований сыграла Федерация иностранных групп РКП(б) во главе с Бела Куном, переехавшая из Москвы на Украину весной 1919 г. и развернувшая свою деятельность в Киеве. Интернациональные формирования, состоявшие из венгров, чехов, поляков, немцев, румын и представителей других национальностей, внесли свой вклад в борьбу за укрепление Советской власти на Украине [6, с. 442—449]. Красная Армия всегда являлась детищем трудящихся. Рабочие и крестьяне всех народов Страны Советов любили свою родную армию, были ей признательны за защиту завоеваний революции от посягательства контрреволюции. О любви и благодарности трудового народа к Красной Армии свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в советских государственных архивах. Вот один из них — приветствие харьковского пролетариата Красной Армии, принятое вскоре после освобождения города от денкинских войск 21 января 1919 г. на торжественном заседании губернского революционного комитета: «Харьковский пролетариат в лице своих революционных боевых организаций первое слово обращает к победоносной Красной Армии — освободительнице трудящихся от векового гнета капитала. Детище пролетарской революции — Красная Армия в грозе и буре гражданской войны закалилась настолько, что могла отстоять маяки революции Москву и Петербург от натиска международного империализма. Но Красная Армия не только защищает Советскую Республику. Она переходит в наступление и освобождает других народов от империалистической кабалы, помогает им установить у себя истинную свободу. Харьковский пролетариат, спасенный Красной Армией из лап озверевшей буржуазии, посылает пламенный привет и благодарность братьям-красноармейцам, героически

борющимся на фронтах мировой революции. Вместе с тем харьковский пролетариат торжественно заявляет, что отныне не знает более священной задачи, чем работа для победы Красной Армии» [20, 1966, 15 февр.].

В ответ на заботу трудящихся Красная Армия усиливала свои удары по интервентам и силам внутренней контрреволюции и к концу 1920 г. обеспечила победу Советской власти на всех фронтах гражданской войны.

Таким образом, в первые годы Советской власти в процессе создания Красной Армии неуклонно внедрялись в жизнь основные принципы строительства армии нового типа, армии социалистического государства, выработанные Коммунистической партией, ее вождем В. И. Лениным и практически осуществившиеся во всех братских советских республиках.

Опыт гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами показал нецелесообразность, более того, пагубность существования в условиях ожесточенной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией обособленных армий в братских советских республиках со своими органами управления и снабжения. Самостоятельное существование обособленной Красной Армии, в частности на Украине, было оправдано лишь на первом этапе ее организации, когда перед армией стояла задача борьбы с националистической контрреволюцией.

Красная Армия, как армия нового типа, как орудие диктатуры пролетариата, с первых шагов ее создания приобрела ярко выраженный классовый характер, она формировалась исключительно из представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Армия рабочих и крестьян была армией регулярной, с твердой революционной дисциплиной.

Армия социалистического государства создавалась под непосредственным организационным и идейным руководством Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина. Был закреплён основополагающий ленинский принцип военного строительства — безраздельное руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами. В организационную структуру армии органически вошла система политических органов и партийных организаций, от качества работы которых в решающей степени зависели моральный дух и боеспособность войск.

Красная Армия создавалась на принципе полного равноправия и дружбы народов, принципе интернационализма. Она всегда выступала как армия-освободительница, как последовательный противник всех форм классового и национального гнета. Поэтому в рядах Красной Армии сражались не только трудящиеся всех национальностей Советской страны, но также и многие передовые представители зарубежных народов.

Стражем мирного труда советского народа, оплотом всеобщего мира назвал Советские Вооруженные Силы на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

«Советские войны, — писал министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Л. Ф. Устинов, — черпают свои силы и вдохновение в высокой оценке партией их ратного труда, сливающегося в единое целое с трудом всего народа. Они глубже осознают, какое огромное значение для строительства коммунизма имеют их успехи в несении воинской службы, изучении военного дела, поддержании высокой бдительности и боевой готовности. Каждого воина воодушевляет понимание того, что, выполняя свой воинский долг, он тем самым оберегает мирный труд советского народа, способствует осуществлению величественных планов, начертанных XXV съездом» [19, 1977, № 3, с. 11].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, 50. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., Политиздат, т. 2, 1970; т. 12, 1978. 3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи,

статьи. Т. 5. М., Политиздат, 1976. 592 с. 4. III Всеукраїнський з'їзд Рад. Стенографічний звіт. Х., 1932. 232 с. 5. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сборник документов. Т. 3. Киев, Госполитиздат Украины, 1957. 998 с. 6. Боевое сотрудничество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922 гг.). М., Сов. Россия, 1957. 574 с. 7. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов. Т. 1. М., Сов. Россия, 1960. 832 с. 8. Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов. Сборник документов. Киев, Партиздат ЦК КП(б)У, 1937. 435 с. 9. Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (1918—1919 рр.). К., Вид-во АН УРСР, 1962. 764 с. 10. Спогади про перший з'їзд КП(б)У. К., Держполітвидав, 1958. 357 с. 11. Этапы большого пути. Сборник воспоминаний о гражданской войне. М., Воениздат. 1963. 528 с. 12. Антонов-Овсієнко В. О. На Україну! — Літопис революції, 1929, № 4. 13. Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. Воспоминания, М., Госполитиздат, 1962. 192 с. 14. Історія Української РСР. Т. 2. К., Вид-во АН УРСР, 1957. 779 с. 15. Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., Воениздат, 1963. 262 с. 16. Петров В. Комкор червоних козаків. К., Політвидав України, 1964. 136 с. 17. Правда. 18. Правда Украины. 19. Коммунист. 20. Красное знамя. 21. Жизнь национальностей. 22. СУ РСФСР, 1920. 23. СУ УССР, 1919. 24. ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. 25. ЦГАОР УССР.

П. Н. Рослов, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ И МЕЖХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Местные Советы народных депутатов — составная часть представительной системы органов государственной власти в нашей стране. Они выступают как ядро объединения трудящихся и составляют основу механизма Советского государства. Под руководством Коммунистической партии Советы решают важнейшие вопросы политического, хозяйственного и культурного строительства.

XXV съезд КПСС с новой силой подчеркнул, что в области государственного строительства особое внимание партия уделяет работе Советов [1, с. 81]. Наряду с общими проблемами КПСС всегда ставит своей целью всемерное вовлечение местных представительных органов государственной власти в руководство сельским хозяйством. Особенно важное значение имел июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС, положивший начало новому этапу в развитии сельского хозяйства — специализации и концентрации. «Осуществление взятого нами курса в этом деле, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — требует повседневного внимания, конкретного руководства, детального анализа практических результатов» [2, с. 34].

Новые проблемы, поставленные партией перед сельским хозяйством, вызывают необходимость в более высоком уровне его руководства со стороны местных Советов народных депутатов. Они должны глубже вникать в деятельность сельско-

хозяйственных предприятий с позиций общегосударственных интересов. Ноябрьский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС ориентировал на дальнейшее развитие межхозяйственной кооперации. Значительная роль в этом принадлежит местным Советам, которые решают вопросы организации и деятельности межхозяйственных предприятий. «Надо лучше использовать, — говорил Л. И. Брежнев, — и такой крупный резерв, как быстрое развитие бройлерного птицеводства, широко применять для этого межхозяйственную кооперацию» [3].

Экономические функции местных Советов в области сельского хозяйства распространяются на государственный (совхозы) и колхозно-кооперативный (колхозы) секторы. Несмотря на принадлежность сельскохозяйственных предприятий к различным формам собственности, местные Советы воздействуют на них в равной степени, как всеохватывающий орган народной власти.

Независимо от занимаемого положения, сельскохозяйственные предприятия не находятся в прямом подчинении местных Советов. Однако это не свидетельствует о том, что колхозы и совхозы не подчинены местным органам государственной власти в полном смысле этого слова. Вся деятельность колхозов и совхозов осуществляется под непосредственным руководством местных Советов, которые воздействуют на их производство. Принятые местными Советами акты в пределах их компетенции признаются обязательными для исполнения всеми предприятиями, учреждениями и организациями, находящимися на соответствующих им территориях. В случае невыполнения решений и распоряжений руководителями предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения районный Совет (его исполком) имеет право просить соответствующие вышестоящие органы о наложении на этих руководителей дисциплинарных взысканий, вплоть до освобождения от занимаемой должности. О результатах рассмотрения такого представления должно быть сообщено районному Совету или его исполкому в месячный срок. Обязательность актов местных Советов на соответствующей территории закреплена в конституционном порядке (ст. 148 Конституции СССР). При таком положении вряд ли правильно говорить о «неподчиненности» колхозов, совхозов местным органам государственной власти.

В литературе допускается и такое выражение, что совхозы и колхозы не подведомственны местным Советам. Это вызывает возражение, поскольку местные Советы народных депутатов не относятся к ведомственным органам, поэтому не может быть по отношению к ним и неподведомственных предприятий и организаций. Местные Советы обладают общей компетенцией, что предоставляет им право осуществлять руководство сельскохозяйственными предприятиями. Для того чтобы реализовать такое право, местные Советы вникают в производственные де-

ла хозяйства. Это позволяет им делать выводы и указывать направление на успешное разрешение каждым колхозом, совхозом стоящих перед ними задач. Отсюда следует, что сельскохозяйственные предприятия занимают подконтрольное положение перед местными Советами, которые осуществляют непосредственное руководство их деятельностью.

В период развитого социализма возрастает значение местных Советов в разрешении социально-экономических проблем на своей территории. Устанавливается более широкое воздействие местных Советов на колхозы, совхозы в процессе специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» (1976 г.) подчеркивается руководящая роль местных Советов в развитии сельскохозяйственного производства. Они определяют направление специализации колхозов, совхозов и на их основе создают различные формы межхозяйственных организаций: межколхозные, межсовхозные, государственно-колхозные, а также агропромышленные объединения по производству, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции. Структура этих межхозяйственных организаций пока еще не стабильна. Она изменяется при выявлении лучших вариантов.

Во исполнение указанного постановления ЦК КПСС Совет Министров СССР утвердил Положение о производственном объединении в сельском хозяйстве [7], относящееся к одной из форм межхозяйственных организаций. Положение закрепляет внутреннюю деятельность производственного объединения в сельском хозяйстве, оказывает большое воздействие на совершенствование производственных объединений в сельском хозяйстве и эффективность производства сельскохозяйственных продуктов. С принятием данного Положения роль местных органов государственной власти в руководстве сельским хозяйством становится более конкретной. Они вникают в деятельность хозяйств как субъектов производственного объединения в сельском хозяйстве и в деятельность самих этих объединений. Возникающие отношения между местными органами государственной власти и производственными объединениями в сельском хозяйстве относятся к самостоятельному исследованию.

Процесс становления и развития специализации и концентрации в сельском хозяйстве не может находиться вне государственного воздействия. Местные Советы непосредственно создают межхозяйственные организации и определяют их формы, а также осуществляют руководство их деятельностью.

Важным фактором в совершенствовании работы местных Советов по руководству сельскохозяйственным производством явилось новое конституционное закрепление. В ст. 146 Основного Закона СССР указано, что местные Советы народных депутатов руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством. Это положение в одинаковой степени относится к деятельности местных Советов по руководству агропромышленными и межхозяйственными объектами.

Местные Советы выполняют важную роль с момента создания межхозяйственных и агропромышленных объектов, которые получили широкое развитие во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Они намечают формы межхозяйственных предприятий и определяют хозяйства-участников, чтобы процесс кооперирования тесно увязывался с выполнением планов и обязательств по производству и продаже государству сельскохозяйственной продукции административным районом.

При создании межхозяйственных и агропромышленных объектов местные Советы следят за тем, чтобы соблюдался принцип добровольности хозяйств-участников. Поэтому каждый колхоз, совхоз предварительно высказывает свое согласие на вхождение в состав той или иной кооперации.

Для оформления межхозяйственной организации образуется собрание уполномоченных из представителей хозяйств-участников. Оно является высшим органом управления этой межхозяйственной организации. Численный состав представителей хозяйств-участников в собрании уполномоченных нормативно не урегулирован. Данный вопрос рассматривается на местах исполкомами местных Советов народных депутатов для тех межхозяйственных организаций, которые расположены в пределах одного района. Такой порядок установления количества представителей собрания уполномоченных приводит к тому, что при равном числе хозяйств-участников и одинаковом назначении межхозяйственных организаций в каждом административном районе вопрос о количественном составе решается по-разному.

Но межхозяйственные и агропромышленные объекты могут выходить за пределы одного района. Они бывают межрайонными и областного (краевого), республиканского значения. В таком случае вопрос о количественном составе представителей хозяйств-участников в собрании уполномоченных должен решать исполком областного (краевого) Совета, а при отсутствии областного (краевого) деления — Совет Министров республики. За исполкомом районного Совета остается право осуществлять контроль за соблюдением установленных условий выборов представителей в собрание уполномоченных межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений.

Остается нерешенным вопрос о количественном составе представителей хозяйств-участников в собрании уполномоченных межхозяйственных и агропромышленных объектов даже после принятия устава этих объектов. Например, в уставе Красноградского объединения по производству продукции птицеводства Харьковской области указывается, что высшим органом управления этого объединения является собрание уполномоченных, но о том, какое количество представителей от хозяйств-участников входит в данный орган управления, ничего не говорится. В уставе Харьковского областного государственного-колхозного производственного сортосеменоводческого объединения записано, что в состав собрания уполномоченных входит равное количество представителей от хозяйств-участников, но конкретно не упоминается о численности представителей. Данный вопрос должен быть разрешен в уставе каждой межхозяйственной организации и агропромышленного предприятия.

В этих уставах также не указывается, на какой срок избираются представители. В интересах демократических начал в управлении межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений следовало бы проводить выборы представителей в собрание уполномоченных на каждый созыв. Такой порядок выборов позволит вовлекать больше новых лиц в управление организаций. Представители в собраниях уполномоченных межхозяйственных объектов от колхозов избираются, а от совхозов и других государственных предприятий и организаций назначаются их руководителями. Думается, есть основание установить единый порядок выборности уполномоченных от всех участников, как принято в колхозах. Такое положение вытекает из требования ст. 8 Конституции СССР, где предусмотрено, что коллектив решает вопросы управления предприятием. Он сам избирает своих представителей и контролирует их деятельность, а последние отчитываются за свою работу перед коллективом, избравшим их. К тому же деятельность межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений осуществляется на самой широкой демократической основе. Эти обстоятельства должны учитываться и при образовании собрания уполномоченных.

Вопросы о количественном составе представителей хозяйств-участников в собрании уполномоченных межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений следует предусмотреть в нормативном порядке. Необходимо определить минимальное и максимальное число представителей от колхозов и совхозов, чтобы местные Советы исходили из этого количества при решении вопроса о создании собрания уполномоченных межхозяйственных и агропромышленных объектов. Предполагается, что при малочисленном количестве хозяйств-участников представителей собраний уполномоченных должно быть несколько больше, чем при большем количестве колхозов

и совхозов, участвующих в межхозяйственных организациях и агропромышленных объединениях.

Нормативное урегулирование данного вопроса повысит роль собрания уполномоченных в деятельности межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений. Кроме того, в уставе каждой организации, объединения должно быть указано конкретное количество представителей хозяйств-участников в собрании уполномоченных. При регистрации уставов исполкомы местных Советов обязаны убедиться, насколько соблюдены эти требования. Если такой записи не произведено, исполком возвращает устав и предлагает внести в него соответствующее дополнение. При соблюдении этих условий местные Советы осуществляют контроль за выполнением устава.

В создании межхозяйственных организаций важное значение имеет процесс регистрации их уставов исполкомами соответствующих Советов народных депутатов. С момента регистрации устава межхозяйственная организация приобретает все права юридического лица. Регистрация устава межхозяйственной организации — не механические действия. Исполком Совета вникает в содержание этого документа. При убеждении, что все закрепленные нормы соответствуют действующему законодательству, устав регистрируется.

В соответствии с п. «ж» ст. 15 Закона о районном Совете депутатов Украинской ССР (аналогично в других союзных республиках) исполком районного Совета регистрирует Положения расположенных на территории района межколхозных и государственно-колхозных предприятий, т. е. те межхозяйственные организации, в состав которых входят колхозы.

Установленный Законом порядок регистрации уставов межхозяйственных организаций получил свое распространение в Положении о межхозяйственном предприятии (организации), утвержденном постановлением Совета Министров СССР [4]. Оно распространило регистрацию уставов межхозяйственных организаций, состоящих полностью из государственных (межсовхозных) предприятий. Тем самым повышается роль местных Советов по руководству деятельностью межхозяйственных организаций в отношении входящих в них предприятий.

Исполком районного Совета регистрирует устав межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений, созданных на базе предприятий данного района. Если эти межхозяйственные организации и агропромышленные объединения охватывают хозяйства различных районов, уставы регистрируют исполкомы областных Советов. Такой порядок регистрации вытекает из требований Положения о межхозяйственном предприятии и осуществления его на практике [5, с. 512].

Создаются новые формы объединений, названия которых не указываются в нормативных актах. Независимо от этого их

уставы регистрируются в том же порядке, что и в отношении названных межхозяйственных организаций. Для того чтобы данный вопрос был урегулирован в законодательном порядке, следует внести соответствующие дополнения в законы о районных Советах народных депутатов союзных республик во избежание разнобоя в практике применения регистрации уставов межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений.

Что касается межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений, хозяйства-участники которых находятся в различных административных районах, то в связи с предстоящим принятием Закона об областном (краевом) Совете народных депутатов необходимо в нем закрепить, что регистрация уставов таких межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений относится к ведению исполкома областного (краевого) Совета.

Прежде чем устав регистрируется, он разрабатывается с учетом особенностей деятельности межхозяйственной организации, агропромышленного объединения, а затем собрание уполномоченных представителей хозяйств-участников рассматривает его и утверждает. Никакого дополнительного его «утверждения», «одобрения» государственными или общественными органами не предусмотрено. На практике же устав, как правило, проходит еще одну стадию перед регистрацией. Так, устав Харьковского областного государственно-колхозного производственного сортосеменоводческого объединения утвержден собранием уполномоченных представителей хозяйств-участников, после этого он получил одобрение Харьковского областного Совета колхоза. Такое «одобрение» не было вызвано необходимостью. Объединение охватывает не только колхозы, но и совхозы. Для последних Совет колхозов не является вышестоящим органом управления. Устав Красноградского объединения Харьковской области по производству продуктов птицеводства после его принятия собранием уполномоченных представителей хозяйств-участников «утверждается» Красноградским районным Советом колхозов. Прохождение так называемой промежуточной стадии в оформлении этих уставов показывает, что сам процесс их принятия новый, вследствие чего возникает немало трудностей. Вот почему необходимо издание примерных уставов для межколхозных, межхозяйственных организаций, куда входят государственные предприятия и организации, и агропромышленных объединений, соответственно которым будут разрабатываться и приниматься уставы упомянутых организаций и объединений.

Отмеченный порядок рассмотрения уставов межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений не может заменить регистрацию исполкома соответствующего местного Совета. Только регистрация устава исполкомом придает ему

юридическую силу, а межхозяйственные организации и агропромышленные объединения приобретают права юридического лица. Несоблюдение этих условий не позволяет названным организациям вступать в соглашение с другой организацией от своего имени.

Дальнейшее совершенствование деятельности сельскохозяйственных предприятий идет по пути создания межхозяйственных организаций и агропромышленных предприятий, в состав которых входят колхозы и совхозы. Такое преобразование в сельском хозяйстве еще больше повышает роль местных Советов в осуществлении руководства сельскохозяйственными объектами, в какой бы форме они ни проявлялись. Однако в действующих законах о местных Советах не закрепляются отношения, которые складываются между местными органами государственной власти и межхозяйственными организациями и агропромышленными объединениями. Поэтому возникает необходимость внесения изменений в эти законы. Некоторые дополнения в законе о районном Совете народных депутатов Молдавской ССР, вызванные созданием межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений, уже получили свое закрепление [6, с. 482].

Каждое звено местного Совета осуществляет руководство сельскохозяйственным производством в зависимости от занимаемого им уровня. Сельский Совет в пределах своих полномочий контролирует деятельность хозяйств, расположенных на его территории, как составные части межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений. Если эти организации и объединения находятся на территории сельского, поселкового Совета, то он также осуществляет свои функции по их руководству, не выходя за рамки своей компетенции.

В литературе имеется высказывание, что образование сельскохозяйственных объединений должно повлечь за собой изменения в административном делении. Предлагается укрупнить территорию сельского Совета до границ объединения [5, с. 514]. Сельскохозяйственные объединения трудно, а в некоторых случаях даже невозможно ограничить узким кругом хозяйств. Иногда они выходят не только за пределы сельсовета, района, но даже и области. Все зависит от направления деятельности того или иного сельскохозяйственного объединения. К тому же у сельского, поселкового Совета есть много других функций, которые он должен решать на местах. Еще надо учитывать, что сельский Совет не имеет управлений и отделов. В основном вся работа выполняется незначительным количеством штатных единиц. При таких условиях нельзя идти по пути укрупнения сельских Советов до границ объединения. Нужно, чтобы их деятельность проходила в полной мере в границах территории сельсовета, в которых они осуществляют свою власть.

На деятельность межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений наибольшее влияние оказывает районное звено местных Советов. Однако в законе о районном Совете взаимоотношения между ними недостаточно урегулированы. Это объясняется тем, что более высокая форма кооперирования в сельском хозяйстве получила широкое развитие после принятия закона о районном Совете. При таком условии полезно внести дополнения в соответствующие статьи закона о районном Совете УССР, где бы закреплялась роль районного звена по отношению к этим организациям и объединениям.

Районный Совет должен обладать правом рассмотрения плана производственного и социального развития межхозяйственной организации и агропромышленного объединения, расположенного на его территории. Если эти организации, объединения выходят за пределы района, то районный Совет высказывает свое мнение по вопросам, относящимся к хозяйствам-участникам данного района. Такое правило должно стать обязательным условием для вышестоящего органа, осуществляющего руководство межхозяйственной организацией и агропромышленным объединением. С учетом поступивших предложений от исполкомов районных Советов рассматривается производственный и социальный план этих организаций и объединений.

Соблюдение законности является требованием работы местных Советов и их исполкомов. По закону районный Совет отменяет противоречащие законодательству решения собраний уполномоченных и советов межколхозных и государственно-колхозных предприятий. В законе не дается исчерпывающий перечень всех форм межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений, поэтому в отношении их не решен вопрос, какой орган правомочен отменить их незаконные акты.

Между всеми формами межхозяйственных организаций и агропромышленных объединений имеется много общего. Они представляют собой более высокую форму социалистического кооперирования. Есть основания распространить существующее право отмены незаконных решений на все межхозяйственные организации и агропромышленные объединения, принимаемые собранием уполномоченных представителей хозяйств-участников и советом этих организаций и объединений. Это право также следует отнести на незаконные приказы и распоряжения, принятые их руководителями. Незаконные акты должны отменяться исполкомом районного Совета. В связи с этим возникает необходимость внесения в закон о районном Совете соответствующего дополнения, чтобы такое положение было закреплено в законодательном порядке.

Следовало бы придать силу закона в отношении действий сельского, поселкового Совета. Он также должен обладать полномочиями, приостанавливать незаконные решения собраний уполномоченных хозяйств-участников и совета межхозяйствен-

ных организаций и агропромышленных объединений, входящих на его территории. В полной мере это относится и к незаконным приказам и распоряжениям, принятым руководителями этих организаций и объединений. Такое дополнение в законе повышает контроль за соблюдением законности в деятельности межколхозных организаций и агропромышленных предприятий.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, 256 с. 2. *Брежнев Л. И.* О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. М., Политиздат, 1978, 46 с. 3. *Брежнев Л. И.* Выступление на ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.— Правда, 1978, 18 ноября. 4. СП СССР, 1977, № 13. 5. *Головки А. А.* Совершенствование взаимоотношений местных Советов Белорусской ССР с сельскохозяйственными объединениями и межхозяйственными предприятиями. — В кн.: Проблемы совершенствования руководства и управления сельским хозяйством в СССР. Кишинев, Картя Молдавияскэ, 1978, с. 510—518. 6. *Тютюкин Ю. И.* Местные Советы народных депутатов в условиях межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. — В кн.: Проблемы совершенствования руководства и управления сельским хозяйством. Кишинев, Картя Молдавияскэ, 1978, с. 479—494. 7. Сельск. жизнь, 1979, 7 февр.

М. И. Бару, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО ПРАВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

В гениальном теоретическом наследии В. И. Ленина вопросы государства и права, в частности трудового права, занимают особое место. Уже в ранних произведениях В. И. Ленина обнаруживается глубокая разработка проблемы так называемого «фабричного законодательства». Исходным здесь является положение К. Маркса о том, что законодательное вмешательство, которое выступает побочным продуктом классовой борьбы пролетариата и не может существенно изменить положение рабочего класса, «никогда не имело бы места без постоянного давления со стороны рабочих» [1, с. 152]. Только доведенная до конца классовая борьба, установление диктатуры пролетариата могут радикально изменить положение рабочего класса. Эта идея развита во всех трудах В. И. Ленина, посвященных «фабричному законодательству».

Так, в работе «О промышленных судах» он развивает мысль о необходимости издания в России закона о промышленных судах, куда бы рабочие могли обратиться с жалобами на неправильные действия предпринимателей, мастеров и др., нарушающих их права и интересы. В. И. Ленин подробно разбирает все стороны деятельности промышленных судов, какие выгоды они могли бы принести рабочим, и в заключении приходит к единственно правильному с точки зрения тактики классовой борьбы выводу: «...Требование промышленных судов

с выборными от рабочих составляет только одну частичку более широкого и более коренного требования: требования политических прав народу, т. е. права участвовать в управлении государством и заявлять открыто о народных нуждах не только в газетах, но и в народных собраниях» [2, т. 4, с. 287].

Итак, законодательство о труде в условиях капитализма, как и все буржуазное законодательство, неизменно враждебно интересам рабочего класса. В зависимости от конкретных условий классовой борьбы, от соотношения участвующих в ней реальных сил издаются законы, в одном случае дающие некоторую уступку рабочему классу (так называемое «социальное законодательство»), а в другом — прямо направленные против интересов рабочего класса — антирабочее законодательство (например, закон Тафта-Хартли в США, закон о запрете на профессии в ФРГ и др.). Вооруженные идеями В. И. Ленина коммунистические партии и прогрессивные профсоюзы ведут активную и решительную борьбу против антирабочего законодательства в процессе его как издания, так и применения.

Работы В. И. Ленина о «фабричном законодательстве» идейно вооружают рабочий класс против всякого оппортунизма и полностью сохраняют свою актуальность в настоящее время. В условиях разразившегося экономического кризиса капитализм ищет выход из него путем нажима на рабочий класс и его интересы. «Рабочий класс отвечает на это по-пролетарски, усилением борьбы против крупного капитала — главного виновника социальных бедствий. Забастовочная борьба, в которой участвуют самые различные слои трудового населения, достигла наивысшего в последние десятилетия уровня. Возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации» [4, с. 28—29].

Советское трудовое право выражает волю всего советского народа и по своему содержанию диаметрально противоположно буржуазному законодательству о труде. В. И. Ленин расценивал советское трудовое законодательство как «громадное завоевание Советской власти» [2, т. 45, с. 246]. В первые дни после установления власти рабочих и крестьян издается целая серия законов, направленных на реализацию программы-минимум, принятой II съездом РСДРП. Эта программа состояла из 16 пунктов. Она требовала установления 8-часового рабочего дня, полного запрещения сверхурочных работ, запрещения детского труда, установления государственного социального страхования рабочих и т. д. Буржуазная февральская революция не только не решила эти вопросы, но и всячески тормозила и срывала их разработку. Поэтому Октябрьская революция «мимоходом» разрешила те вопросы, которые ставила демократическая программа-минимум с ее требованиями в области охраны труда и рабочего законодательства [2,

т. 44, с. 147]. Это конкретно выразилось в издании декрета о 8-часовом рабочем дне от 29 октября 1917 г. (11 ноября 1917 г.), декларации о социальном страховании от 30 октября 1917 г. (12 ноября 1917 г.) и в ряде других законов. Уже в 1918 г. началась кодификация советского трудового права. 10 декабря 1918 г. был издан первый советский кодекс законов о труде. Так были заложены основы нового, социалистического трудового права. При этом молодое Советское государство исходило из ленинского положения о том, что, «не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*» [2, т. 33, с. 95]. Эти принципиальные указания имели огромное значение для создания новой, социалистической системы права, построенное на новых, социалистических основах. Они сохраняют свою актуальность и сейчас, в условиях развитого социализма. Нормы трудового права регулируют отношения по поводу непосредственного участия граждан в социалистическом труде. Следовательно, они регулируют наиболее жизненно важные отношения, являющиеся основой существования и процветания социалистического общества.

Характеристика социалистического труда как труда свободного, труда для себя, а не на эксплуататоров, тесным образом связана с идеей права на труд. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, полемизируя с либеральным профессором Туган-Барановским, указывал, что при социализме все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и т. д. Таким образом, идея права на труд из жалкого пожелания, каким она является при капитализме, превращается в условиях социализма в действующий принцип и получает прочную материальную основу.

Уже в 1930 г. в результате успешного строительства социализма в нашей стране была полностью ликвидирована безработица. С тех пор возможности реализации права на труд неизменно возрастают. В противоположность этому в США и других капиталистических странах миллионные армии безработных и полубезработных не находят применения своей способности к труду. Постоянные резервные армии безработных — неизбежный спутник капитализма. Только в условиях социализма прочно гарантирован одинаковый доступ к работе. Численность людей, участвующих в общественном труде, возрастает из года в год. Еще более грандиозные перспективы в этом отношении открывает успешное выполнение десятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Советское трудовое право строго охраняет ленинский принцип одинакового доступа всех граждан к работе. Юридическое выражение данного принципа заключается в законодательном закреплении

права на труд в Основном Законе СССР. Но это выражается и в целом ряде других правовых норм, регламентирующих, например, трудоустройство, планомерную подготовку кадров, запрещение незаконного увольнения с работы, запрещение незаконного отказа в приеме на работу и т. п. Ленинская трактовка права на труд не исчерпывается лишь вопросом о предоставлении каждому работы. В. И. Ленин требовал, чтобы работникам были созданы спокойные условия для работы, что очень важно для полной реализации права на труд. Узнав о том, что в селе Александрове Подольского уезда Московской губернии чинились незаконные действия в отношении учительниц кружевной школы, В. И. Ленин категорически предложил Подольскому уездному исполкому восстановить законные права учительниц и обеспечить им «возможность спокойно работать» [3, с. 101]. Таким образом, право на труд предполагает не просто гарантированную работу, а спокойную и уверенную гарантированную работу. Эта ленинская идея реализуется целым рядом правовых норм, закрепленных в действующем праве. Новая формула права на труд, данная в Конституции СССР (ст. 40), значительно расширила его гарантии.

Советское трудовое право выполняет важную общественную функцию регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. Нормы права отражают и способствуют наиболее эффективному проявлению экономического закона социализма — распределения по труду. На всех этапах нашего развития партия и правительство добивались наиболее полного осуществления принципа распределения по труду, получившего законодательную регистрацию в Конституции СССР. Решительно отбросив «левацкую» уравниловку в вопросах заработной платы, КПСС и Советское государство неустанно заботились о совершенствовании систем заработной платы таким образом, чтобы они являлись действительными регуляторами меры труда и меры потребления.

В. И. Ленин придавал исключительное значение контролю над мерой труда и мерой потребления. В своих заметках по поводу проекта Положения о премировании рабочих и служащих, разработанного Наркомтрудом, он обращал внимание на совершенно произвольное определение норм выработки и требовал большей точности в этом деле. Здесь же он указывал, что в проекте не предусмотрено привлечение масс к контролю. «Не будут ли фактически узаконены сплошные злоупотребления?» Заметки заканчиваются общим выводом: «Проект грешит размашистостью, абстрактностью, неделовитостью, все обещает, ничего не проверяет» [3, с. 36—37]. Проект Положения был переработан в соответствии с замечаниями В. И. Ленина, а затем утвержден Совнаркомом.

Действующий в настоящее время порядок утверждения и пересмотра норм выработки гарантирует внедрение техни-

чески обоснованных норм, учитывающих мощность оборудования, опыт передовиков производства и т. д. Положение о правах ФЗМК профсоюза предусматривает, что по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом, администрацией предприятия устанавливаются новые нормы выработки и пересматриваются действующие в связи с внедрением технических и организационных мероприятий, временные нормы выработки заменяются постоянными нормами по освоению продукции, исправляются устаревшие нормы. Это значит, что нормы выработки при действующем ныне порядке не грешат абстрактностью, за их установлением и выполнением обеспечивается соответствующий контроль.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» много внимания уделено усилению рычагов стимулирования труда [5].

Правовое регулирование меры труда и меры потребления выражается не только в системах заработной платы. Целый ряд важных материальных и правовых гарантий, в частности за счет фондов общественного потребления, устанавливается и регулируется действующим правом, исходя из ленинского указания о соответствии ударности в труде ударности в потреблении. На страже этого соответствия, против каких-либо его нарушений стоят советское трудовое право (законы и подзаконные акты) и аппарат права (суд, прокуратура и т. д.). Особенно велика роль профсоюзов в смысле осуществления общественного контроля.

В новых трудовых кодексах союзных республик предусмотрены разделы, посвященные поощрениям, чего раньше не было. Так, с помощью правовых норм восстанавливается ленинская идея о поощрениях в труде. Это особенно важно в настоящее время, когда наряду с материальными стимулами в труде первостепенное значение приобретают моральные стимулы.

С вопросом о стимулах в труде, охраняемых советским правом, тесным образом связана проблема производительности труда при социализме. «Производительность труда, — учил В. И. Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [2, т. 39, с. 21]. Этот научный прогноз В. И. Ленина, сделанный им в работе «Великий почин», полностью оправдан историческими завоеваниями советского народа. Производительность общественного труда является главным источником расширенного социалистического воспроизводства и накопления, основой

подъема жизненного уровня трудящихся. В. И. Ленин подчеркивал непосредственную связь между производительностью труда и использованием передовой техники: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих» [2, т. 39, с. 22]. В последнее время эта идея В. И. Ленина получила свое широкое воплощение в целом ряде решений партии.

Советское трудовое право является активным средством борьбы со всеми явлениями, препятствующими повышению производительности труда. Здесь следует прежде всего отметить значение трудового права в создании и укреплении социалистической дисциплины труда.

Велика заслуга В. И. Ленина в разработке всеобъемлющей рабочей страховой программы, утвержденной на Пражской партийной конференции (1912 г.). В основе действующего законодательства всех социалистических стран лежит ленинская страховая программа.

Непременным элементом социалистической организации труда является добровольная, сознательная трудовая дисциплина — самодисциплина трудящихся. В. И. Ленин в яркой и образной форме дал указания, как можно решить эту важную задачу. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя, во время труда» [2, т. 36, с. 202—203]. Нормы советского трудового права, отражая эту ленинскую идею, обеспечивают соединение «митингового демократизма» с беспрекословным повиновением во время труда. Различные формы участия рабочих и служащих в решении производственных вопросов, широкое социалистическое соревнование сочетаются с правилами, строго регламентирующими внутренний трудовой распорядок. Сейчас, когда советский народ под руководством Коммунистической партии вступил в новый важнейший период своего развития — в период строительства коммунизма, — ленинские идеи о воспитании масс в духе железной дисциплины труда путем соревнования, путем убеждения с широким использованием силы общественности и т. д. получают всенародное признание и претворение в жизнь. Полностью оправдывается прогноз В. И. Ленина о том, что «коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов» [2, т. 39, с. 14]. Действительно, чем дальше, тем больше методы принуждения уступают место методам убеждения и воспитания. Это особенно наглядно проявляется

в настоящее время, когда целый ряд государственных функций передан в ведение общественных организаций, когда появляются новые формы убеждения, например наставничество.

В оценке первых коммунистических субботников сказалась гениальная прозорливость В. И. Ленина, усмотревшего в них «начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» [2, т. 39, с. 5]. На всех этапах нашего развития различные формы творческой инициативы и социалистического соревнования являлись важнейшими факторами хозяйственных достижений.

Развернувшиеся по всей стране социалистические соревнования за досрочное выполнение пятилетнего плана, между родственными предприятиями внутри экономических районов и между районами, за звание бригад коммунистического труда и другие новые формы социалистического соревнования являются залогом досрочного и полного выполнения и перевыполнения заданий десятого пятилетнего плана.

Руководство социалистическим соревнованием осуществляется методами убеждения с помощью норм коммунистической морали. Однако развертыванию социалистического соревнования способствуют и правовые нормы, особенно нормы трудового права. В основу соревнования положены ленинские принципы: гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения опыта и товарищеская взаимопомощь. Именно осуществлению этих принципов и содействуют нормы трудового права (нормы, регулирующие материальные и моральные стимулы к труду, нормы, направленные на совершенствование практики заключения коллективных договоров, на борьбу с бюрократизмом, и т. д.).

Теоретической основой организации и деятельности советских профсоюзов является бессмертное учение В. И. Ленина. В своей работе о профессиональных союзах он дает классическую формулу положения профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата: «С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма» [2, т. 42, с. 203]. Правовое положение профсоюзов, закрепленное в Конституции СССР и в нормах действующего права, полно-

стью отражает в новых условиях ленинские идеи. Значительно расширены права профсоюзов, главным образом низового органа — фабричного, заводского, местного комитета, что закреплено в Положении о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза.

Расширение права и гарантий трудящихся полностью оправдывает прогноз В. И. Ленина, сделанный им при обсуждении КЗоТ 1922 г. на IV сессии ВЦИК. Пожелание большего по отношению к кодексу, о чем говорил В. И. Ленин, сегодня уже реализуется. Ленинские идеи о трудовом законодательстве реально претворяются в жизнь в результате успешного выполнения исторических решений XXV съезда КПСС. Они также закреплены в постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 12 января 1980 г. «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве», где предусмотрены меры, развивающие материальные стимулы к труду (дополнительный отпуск, надбавки к пенсиям и др.). Вместе с тем в постановлении обращено внимание на необходимость решительного искоренения фактов примиренческого, либерального отношения к нарушителям трудовой дисциплины и использование в этих целях всех мер воздействия, предусмотренных трудовым законодательством.

Список литературы: 1. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 101—155. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, 33, 36, 39, 42, 44, 45. 3. Ленинский сборник. XXXV. М., Госполитиздат, 1945. 101 с. 4. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 5. СП СССР, 1979, № 18, ст. 118.

А. И. Процевский, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

УЧАСТИЕ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ УСЛОВИЙ ТРУДА

Деятельность людей по обеспечению своего способа существования объективно обуславливает их взаимоотношения между собой. Формой взаимоотношения, в которую облекается результат их деятельности, выступают общественные отношения [1, т. 27, с. 403]. Но если последние являются формой деятельности людей, то сами люди составляют активный элемент общества. Отсюда следует, что общественная деятельность людей и возникающие в результате отношения объективно требуют организационных форм управления.

В современных условиях функцию организации управления процессом труда выполняет государство. Но «сущность Совет-

ской власти, — писал В. И. Ленин, — состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом» [2, т. 37, с. 500]. В этой ленинской формуле заложены теоретические основы участия рабочих и служащих и их объединений в управлении делами общества, производства и регулирования трудовых отношений. Теперь это положение законодательно закреплено в Конституции СССР: социалистическое общество — это общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни. Поэтому основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии, в том числе повышение активности общественных организаций (ст. 9).

Среди условий, которые бы максимально содействовали развитию способности людей, укрепляли в них чувство хозяина производства, ответственность, дисциплинированность и другие позитивные социальные качества, XXV съезд КПСС указал на повышение роли трудового коллектива и активизацию деятельности общественных организаций [3, с. 78—83]. Социальная политика предусматривает совершенствование политических условий жизнедеятельности трудящихся, дальнейшее развитие социалистической демократии. Это означает расширение реального участия рабочих и служащих в управлении производством и создание условий для всестороннего расцвета личности.

С учетом качественных особенностей современного исторического периода развертывание демократии осуществляется, в частности, через повышение роли трудовых коллективов и их общественных объединений.

Трудовой коллектив состоит из отдельных его членов, которые включились в него для выполнения прежде всего своих профессиональных функций, трудовых обязанностей, составляющих род занятий или работы. Эта сторона функционирования трудового коллектива, т. е. исполнения работы, predeterminedной трудовым договором, предполагает различные аспекты его деятельности. В то же время выполнение работы, обусловленной в трудовом договоре, затрагивает два свойства труда: удовлетворение потребностей и саморазвитие личности, однако первое в большей степени. Отсюда вытекает необходимость в установлении меры труда и меры потребления и контроля за их реализацией, а также потребность в организации и управлении процессом труда и как неизбежность — наличие лиц, выполняющих управленческие функции. Это направление функционирования трудового коллектива предполагает созда-

ние органов управления, наличие руководителей и руководимых, рабочих и служащих и лиц административного персонала, составляющих единый трудовой коллектив, объединенный единой целью. Единство цели обусловлено политической и экономической системами нашего общества и его социальной основой. Это четко выражено в ст. 8 Конституции СССР, согласно которой трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение. Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации.

При анализе прав трудового коллектива следует отметить и такое свойство труда, получившее свое развитие в условиях социалистического общества, как способность формирования человеческой личности и общества. Одной из форм проявления этого является выполнение общественных функций внутри как трудового коллектива, так и общества в целом. Сферой приложения этой функции выступают объединения трудящихся, прежде всего профессиональные союзы.

Сферой приложения профессиональной функции, т. е. трудовой обязанности, является рабочее место, определяемое в системе трудового коллектива, а общественной функции — объединения трудящихся, в частности профсоюзная организация. До принятия новой Конституции СССР эта конструкция четко действовала и была основной для разработки проблем прав участия рабочих и служащих в управлении производством, главным образом через профессиональные союзы. Собственно, и в законодательстве о труде было определено, что рабочие и служащие участвуют в управлении производством через профессиональные союзы и иные общественные организации, органы народного контроля, общие собрания, производственные совещания, конференции и различные формы общественной самодеятельности рабочих и служащих.

Администрация в свою очередь обязана была создавать условия, обеспечивающие участие рабочих и служащих в управлении производством (способствовать созданию в коллективе деловой, творческой обстановки, всемерно поддерживать и развивать инициативу и активность трудящихся, в полной мере используя рабочие собрания, ПДПС, конференции и раз-

личные формы общественной самодеятельности, рассматривать замечания рабочих и служащих).

Трудовые коллективы используют как непосредственную форму демократии (например, рабочие собрания), так и представительную (например, ФЗМК профсоюза, ПДПС). Трудовые коллективы и их общественные объединения участвуют прежде всего в развитии социалистического соревнования, воспитании своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении профессиональной квалификации и т. п.

В условиях внедрения в производство достижений науки и техники все более возрастает роль творческой деятельности человека как важнейшего фактора эффективного ведения хозяйства. Формой, в которой проявляется творческая деятельность рабочих и служащих, является социалистическое соревнование. Оно выступает не только средством экономического и социального прогресса, не только формой проявления творческой активности, но и школой политического, трудового и нравственного воспитания [16, с. 11]. По существу в организации и развитии социалистического соревнования проявляются все права трудовых коллективов и направления деятельности профсоюзов: вовлечение рабочих и служащих в управление производством, обсуждение и решение вопросов участия в управлении предприятием, реализация государственных планов, укрепление трудовой дисциплины и улучшение условий труда, участие в регулировании оплаты труда и распределении общественных фондов потребления и т. п. Здесь же дает о себе знать также существование труда по руководству трудом [1, т. 26 (ч. 3), с. 523].

Одна из форм развития демократических основ управления производством — принятие и реализация индивидуальных и коллективных встречных планов. Они служат важной формой активного участия трудовых коллективов и каждого работника в изыскании и наиболее полном использовании внутренних резервов, выражают стремление рабочих и служащих внести в интересах общества конкретный вклад в достижение поставленных целей.

Изменения в социальном характере труда дали возможность создать отношения творческого сотрудничества и взаимопомощи, стать человеку труда полновластным хозяином своей судьбы, сознательным творцом и организатором новой жизни. Эти функции человеческой деятельности проявляются в процессе труда в трудовом коллективе.

В соответствии с целями и содержанием рассматриваемого аспекта социальной политики заслуживают внимания отношения, складывающиеся внутри коллектива рабочих и служащих при вовлечении их в сферу управления производством. Речь идет не только о создании возможностей для удовлетворения

разнообразных потребностей рабочих и служащих и улучшения условий труда, но и о формировании у них лучших социальных качеств, способствующих развитию социалистического соревнования, распространению передового опыта, укреплению дисциплины труда и т. д. Для нас важно выявить особенности воздействия трудовых коллективов и общественных объединений на выбор каждым рабочим и служащим оптимального варианта поведения, способного в большей степени обеспечить выполнение поставленных задач в десятой пятилетке.

Одна из важнейших закономерностей развития социалистической демократии — привлечение рабочих и служащих к участию в установлении условий труда. Какими бы правами трудовые коллективы и объединения трудящихся, в том числе профессиональные союзы, ни наделялись для выполнения присущих им функций, какой бы критерий классификации этих прав ни брался за основу, мы все равно возвращаемся к понятиям «труд», «условия труда». Труд как целесообразная деятельность по производству материальных благ и духовных ценностей, как процесс, совершающийся между человеком и природой, возможен только в определенных условиях.

Условия труда и труд (трудовая деятельность) — взаимобусловливающие явления. Условия труда непосредственно влияют на функционирование труда и его обладателя (носителя). Отношение общества к труду и условиям труда ярче всего характеризует отношение к человеку вообще, рабочим и служащим в особенности. Классики марксизма-ленинизма показали прямую зависимость общественного способа производства и отношения к условиям труда. Капиталистическое производство, писал К. Маркс, «...относится крайне бережно к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга» [1, т. 25 (ч. 1), с. 101]. Новейшие достижения науки и техники в условиях капиталистического способа производства используются для усиления эксплуатации, для интенсификации труда. В. И. Ленин указывал: «Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот» [2, т. 23, с. 19]. Иллюзорность участия рабочих в управлении производством в условиях капитализма создается за счет различного рода советов, комиссий и всевозможных консультативных органов по вопросам труда¹.

Только социалистический способ производства, где в основе всей деятельности лежит лозунг «Все во имя человека, для его блага», знаменует всемерное оздоровление и облегчение

¹ Об «участии без участия» рабочих в управлении производством в условиях капитализма см.: 14, с. 110—139; 8, с. 11; 11, с. 189—248; 7, с. 10—37.

условий труда — одну из важнейших задач подъема народно-го благосостояния.

Высшей целью общественного производства при социализме, как записано в Конституции СССР, является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Именно поэтому творческая активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса, развитие и совершенствование техники безопасности и производственной санитарии и т. п. направлены на дальнейшее улучшение условий охраны труда, его научной организации. XXV съезд КПСС определил курс дальнейшего улучшения условий труда, охватывающий совершенствование организации, нормирования и оплаты труда, внедрение рациональных режимов труда и отдыха. Дальнейшее улучшение условий труда отнесено к основным социально-экономическим задачам [3, с. 40, 114].

Анализируя высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о «нормальных условиях функционирования труда», «о всех условиях, необходимых для жизни рабочего во время труда» [1, т. 20, с. 286; т. 23, с. 437], об отвратительных условиях труда трудящихся в царской России [2, т. 2, с. 83—86; т. 5, с. 14] и положения Программы Российской социал-демократической рабочей партии, принятой в 1903 г. [4, с. 60—65], можно заключить, что понятие «условия труда» охватывает все то, с чем рабочий и служащий «соприкасается» в процессе труда, имея в виду режим труда и отдыха, оплату труда и премирование, формы поощрения и меры взыскания, изменение трудовой функции и увольнение и т. п.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированный Советским Союзом, в условия труда, в частности, включает: вознаграждение за труд, условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, возможность продвижения по работе, отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени, оплачиваемый отпуск и т. п. [15, 1976, № 17, ст. 291].

В КЗоТ и других нормативных актах в одних случаях указывается на «условия работы» как на исправное состояние машин, надлежащее качество инструментов и материалов, своевременную их подачу, безопасные и здоровые условия труда (ст. 108 КЗоТ РСФСР). Но здесь же дается пояснение «безопасным и здоровым условиям труда»: соблюдение правил и норм по технике безопасности, необходимое освещение, отопление, вентиляция, устранение вредных последствий шума, излучения, вибрации и других факторов, отрицательно влияющих на здоровье работников, и т. д. В других — на «условия труда» как на режим рабочего времени и времени отдыха, льготы и компенсации, переводы и увольнения (ст. 15, 226, 251—253, 256 и др. КЗоТ РСФСР). Таким образом, «условия

труда» — понятие емкое, охватывающее все моменты социальной и производственной среды как в процессе труда, так и за его пределами, которые влияют «на главную производительную силу» и по своему характеру могут регулироваться.

В экономической литературе под «условиями труда» понимаются продолжительность рабочего дня, оплата труда, воспроизводство рабочей силы и другие вопросы, охватывающие совокупность общественно-политических, экономических, технических, психофизиологических, санитарно-гигиенических и других условий [12, с. 93—105; 6, с. 74—89]. В принципе соглашаясь с Г. Н. Черкасовым и Ф. А. Громовым в том, что без определения понятия «условия труда» невозможно сознательно управлять их совершенствованием [13, с. 41; 6, с. 82—83; 5, с. 44—58], тем не менее мы считаем, что важно не само определение, а то, что условия труда не исчерпываются понятием «охрана труда»¹ и что они содержат в себе правовые формы организации труда с обязательным включением прав и обязанностей рабочих и служащих и администрации предприятия (ст. 2, 127, 129 и др. КЗоТ РСФСР); режим труда и отдыха (ст. 41, 46, 52, 54, 73 и др. ДЗоТ); формы и методы поощрений и взысканий (ст. 130, 132 и др. КЗоТ); возможности участия в управлении производством (ст. 227, 228, 230 и др. КЗоТ) и т. д.

Выделение из понятия «условия труда» заработной платы (ст. 15. 226 КЗоТ РСФСР) можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, законодательство о труде различает понятия оплаты труда и заработной платы. Когда речь идет об условиях труда, имеется в виду оплата труда как необходимое условие нормального функционирования процесса труда, точнее, рабочей силы. Заработная плата как мера вознаграждения, подлежащая выплате рабочему и служащему за конечный результат его труда, не может быть элементом «условий труда», так как это уже результат деятельности, ранее бывший предметом регулирования условий труда. Во-вторых, в качестве необходимого условия трудового договора ст. 15 КЗоТ РСФСР включает и условие о заработной плате, в силу которого предприятие, учреждение, организация обязуются выплачивать трудящемуся заработную плату и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон. Поэтому, по-видимому, законодатель и счел возможным не включать заработную плату в понятие «условия труда», предусмотрев в нем оплату труда.

Сказанное позволяет утверждать, что трудовые коллективы и объединения трудящихся участвуют в установлении условий труда, их применении (включая надзор и контроль за соблю-

¹ Такое понимание «условий труда» допускают А. С. Пашков и Ю. А. Суслов [9, с. 85]. В юридической литературе эта позиция уже подвергалась критике [10, с. 8—9].

дением законодательства о труде и правил по охране труда), использовании общественных форм потребления, в том числе управления государственным социальным страхованием. Реализация профсоюзами прав, соответствующих этим трем направлениям их деятельности, приводит к возникновению правоотношений: по установлению условий труда и социальному страхованию.

Право рабочих и служащих на участие в управлении производством составляет часть целого — права на участие в управлении делами общества и государства [ст. 8, 9, 48 Конституции СССР). О необходимости участия советских граждан в управлении государством В. И. Ленин писал и говорил много раз, акцентируя внимание на развитии их заинтересованности в этом вопросе. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве, сумела «привлечь еще больше рабочих... к управлению промышленностью и народным хозяйством вообще... привлечь обязательно в большей степени *профессиональные союзы*» [2, т. 40, с. 143].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, 23, 25 (ч. 1), 26 (ч. 3), 27. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, 5, 23, 37, 40. 3. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 4. КПСС в резолюциях и решениях... Изд. 8-е. Т. 1. М., Политиздат, 1970. 534 с. 5. Городецкая И. Г. Об оценке социального и экономического эффектов совершенствования условий труда. — В кн.: Человек и общество. Вып. XIV. Изд-во ЛГУ, 1976. 6. Калинина И. П., Макушин В. Г. Влияние условий труда на его производительность. М., Экономика, 1970. 213 с. 7. Киселев И. Я., Мошенский М. Г. Буржуазные теории на службе монополий. М., Мысль, 1966. 141 с. 8. Лобанов В. И. Борьба трудящихся и профсоюзов ФРГ за участие в управлении производством. М., Наука, 1973. 113 с. 9. Пашков А. С., Сушков Ю. А. Социально-правовое исследование дисциплины труда. — В кн.: Комплексные социальные исследования. Изд-во ЛГУ, 1976. 235 с. 10. Улучшение условий труда рабочих и служащих. Правовые вопросы. М., Изд-во АН СССР, 1963. 312 с. 11. Усенин В. И. Реформизм и буржуазное социальное законодательство. М., Наука, 1967. 256 с. 12. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., Политиздат, 1957. 735 с. 13. Черкасов Г., Громов Ф. Условия труда: анализ и пути совершенствования. М., Профиздат, 1974. 176 с. 14. Эпштейн С. Индустриальная социология в США. М., Мысль, 1972. 232 с. 15. Ведомости Верховного Совета СССР. 16. Коммунист.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Развитие научно-технической революции привело к возникновению ряда договоров, регулирующих отношения, обусловленные созданием и использованием научно-технических результатов. С целью повышения научного и технического уровня производства договоры заключаются на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, проектных и технологических работ, на передачу имеющихся научно-технических разработок и опыта их использования.

Предметом договора могут быть и работы в области научно-технической информации. Отмеченные соглашения образуют определенные виды договорных обязательств. Последние наряду с общими признаками, характерными для всех видов договоров в исследуемой области, обладают и специфическими, присущими только определенным видам соглашений. Выявление этих специфических признаков необходимо как для размежевания договорных обязательств, так и для правильного толкования нормативных актов, а также для разрешения спорных вопросов, возникающих на практике.

Укажем, что в литературе уже разграничивались договорные обязательства в области научно-технического прогресса с использованием различных критериев. Так, М. П. Ринг, беря за основу разграничения обязательств сферы их применения, приходит к выводу, что проектный договор регламентирует связь строительства с наукой. Договоры на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ опосредствуют отношения науки с другими отраслями народного хозяйства. Вместе с тем М. П. Ринг признает, что соглашения на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ могут заключаться и в области строительства [7, с. 17]. Следовательно, сфера применения соглашений не может быть универсальным критерием, с помощью которого можно разграничивать обязательства в области научно-технического прогресса. В. А. Рассудовский кладет в основу разграничения стадии движения результатов научно-технического прогресса к их материальному воплощению. Он пишет: «В триаде — наука, проектирование, производство — проектирование как бы связывает науку с производством» [6, с. 7]. Ему резонно возражает М. П. Ринг, отмечая, что «...можно привести сколько угодно примеров, когда научно-исследовательские и конструкторские работы не находятся ни в какой связи с проектными и изыскательскими работами» [7, с. 17].

Представляется, что цель соглашения с учетом известной общности свойственных ей правовых признаков может служить основанием для разграничения договорных обязательств в области научно-технического прогресса. Так, соглашения в отмеченной области могут заключаться с целью: получения научно-технического результата и выяснения возможностей его использования; применения имеющихся и апробированных практикой научно-технических достижений.

К первому виду договоров относятся соглашения на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Они посвящены поиску и созданию научно-технического результата, получение которого вызывается потребностью заказчика в новых научно-технических знаниях для решения практических задач. Естественно, что работа осуществляется в условиях отсутствия в ней исчерпывающей информации. К. Маркс писал: «...Истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [1, с. 7—8]. Работа исполнителя по соединению разъединенных звеньев содержит в себе альтернативу и неопределенность. Выясняя их, исполнитель идет на риск, что обуславливает вероятностный характер полученных результатов. Содержание работы предопределяет характерные условия договоров: возможность получения отрицательного результата; установление факта нецелесообразности дальнейшего проведения работ.

Полученные на основе договоров научно-технические результаты являются новыми для общества, и поэтому отсутствует опыт их освоения и использования. Значит, к применению полученных результатов можно приступать только после проведения установленных испытаний. В литературе рядом авторов высказано мнение о том, что отношения по производству опытно-конструкторских работ не должны рассматриваться как соглашения на создание научно-технических результатов [6, с. 34]. Свою позицию они обосновывают тем, что опытно-конструкторские работы осуществляются на базе уже допущенных и апробированных научных доводов. Действительно, в опытно-конструкторских работах вероятность получения ожидаемого результата более высокая, чем в договорах на проведение научных исследований. Чем ближе созданный научно-технический результат находится к материальному производству, тем меньшее влияние оказывают элементы неопределенности на работу исполнителя. Однако необходимыми элементами в работу входят как использование апробированных практикой научных результатов, так и поиск новых решений технической проблемы. По данным М. Башина, поисковая часть опытно-конструкторских работ достигает 30% [3, с. 72]. Понятно, что наличие в работе исполнителя элементов поиска обусловило необходимость рассмотрения договора на опытно-конструкторские рабо-

ты с обязательствами на выполнение научно-исследовательских и технологических работ в качестве соглашения на создание научно-технических результатов. Отмеченные общие элементы предопределили тот факт, что указанные договоры регламентируются единым актом — «Типовое положение о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистерских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [2, с. 588—594] с четырьмя приложениями, в том числе Типовым договором¹. Однако, несмотря на то, что договоры регламентируются единым нормативным актом, каждый из них имеет свой предмет соглашения. Так, предметом договора на научно-исследовательские работы являются исследования, направленные на изучение законов и закономерностей природы и общества с целью использования их в общественной практике. Полученные по отмеченному соглашению результаты, как правило, невозможно непосредственно внедрить в практику, поскольку они требуют дополнительных разработок. Зачастую ими являются опытно-конструкторские и технологические разработки, результаты которых призваны непосредственно осваиваться материальным производством. Указанные отличия явно проявляются в период приемки исполненного по обязательству.

Приемка результатов научно-исследовательских работ регламентируется прилагаемым к типовому положению типовым договором. Нормы последнего устанавливают, что исполнитель обязан предоставить заказчику научно-технический отчет. Приемка заказчиком отчета приводит к исполнению обязательств. Первоначальная приемка результатов опытно-конструкторских и технологических работ осуществляется на основе норм, специально предусмотренных в типовом договоре для этого вида обязательств. Она включает в себя выяснение соответствия опытного образца технологическому заданию и другой технической документации. Одновременно проверяется качество материалов, из которых изготовлен опытный образец. Однако одними этими действиями приемка исполненного не заканчивается. Полученные по договору результаты должны пройти испытания, оценку, проводимую межведомственными и ведомственными комиссиями. Последние в своей работе руководствуются «Общим положением о приемке и оценке законченных научно-технических разработок» [2, с. 599—601] и «Типовым положением о порядке проведения испытаний новых видов оборудования» [2, с. 424], утвержденными Государственным комитетом СССР по науке и технике по согласованию с рядом ведомств. При оценке комиссиями результатов указанных работ учитывается как их научный (новизна, перспективность предложенных решений), так и технический (техническая дол-

¹ В дальнейшем — Типовое положение и Типовой договор 1969 г.

говечность, эксплуатационная надежность, устойчивость технологических процессов) уровни.

Представляется, что указанные положения должны найти свое закрепление в нормативных актах, регламентирующих договорные обязательства. В этой связи заслуживает внимания предложение В. А. Дозорцева о принятии к действующему типовому положению ряда типовых договоров, в которых должна нормативно закрепляться специфика отдельных видов обязательств [4, с. 115].

Вторую группу обязательств составляют договоры, посвященные использованию уже созданных научно-технических результатов, так как последние служат духовной предпосылкой для создания новых производительных сил или новой продукции, необходимой для удовлетворения спроса.

Договоры, возникающие в связи с использованием полученных научно-технических результатов, необходимо дифференцировать на две группы: договоры, заключаемые с целью поиска научно-технической информации; договоры, заключаемые с целью модификации научно-технических результатов к условиям деятельности заказчика.

Обилие информационных источников породило новый вид человеческой деятельности — поиск научно-технической информации. Этот поиск для заинтересованных в нем предприятий и организаций осуществляют специально созданные органы научно-технической информации. Возникающие отношения оформляются договорными обязательствами. Последние заключаются на основе Типового положения 1969 г., где указывается, что наряду с научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими и технологическими работами предметом договора могут быть и работы в области научно-технической информации. Этот договор заключается с целью выявления информационных источников в области, интересующей заказчика. Это необходимо ему для выяснения существующего в науке и технике положения с целью определения направления собственных исследований. Указанный договор используется и для выяснения научно-технического уровня осуществленных работ. Так, широкое распространение получили соглашения, заключаемые в целях установления патентоспособности и патентной чистоты научно-технических разработок.

Отмеченный договор, хотя и регламентируется Типовым положением на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, но отличается от них поставленной контрагентами целью в соглашении.

Если соглашение, опосредствующее научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, заключается для выявления новых закономерностей природы и общества и возможности использования их в народном хозяйстве, то договоры в области научно-технической информа-

ции — для поиска имеющихся научно-технических материалов. Понятно, что искомым материалов по той или иной причине может не оказаться, однако такое положение нельзя рассматривать как получение отрицательного результата в том смысле, в каком он понимается в соглашениях на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Дело в том, что под отрицательным результатом в научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических соглашениях понимается либо выяснение отсутствия искомых закономерностей природы и общества, либо установление факта невозможности их использования в народном хозяйстве в связи с негативными последствиями. Факт отсутствия искомых источников по договорам в области научно-технической информации не свидетельствует о том, что искомая закономерность объективно не существует или ее использование нецелесообразно.

Отметим, что при заключении договоров в области научно-технической информации стороны зачастую не пользуются нормами, установленными Типовым положением и Типовым договором 1969 г., так как они предназначены для регламентации отношений, возникающих в связи с созданием научно-технических результатов. Практика заключаемых договоров вырабатывает условия, которые учитывают специфику деятельности исполнителя в области научно-технической информации. Вместе с тем устанавливаемые ими правила представляют собой конгломерат норм, изложенных в ряде нормативных актов. Например, договор, разработанный Всесоюзным центром патентных услуг Государственного комитета по делам изобретений и открытий Совета Министров СССР, состоит из норм, предусмотренных Правилами о договорах на выполнение проектных и изыскательных работ 1959 г. и Типовым положением 1969 г.

С целью единой регламентации отношений в области научно-технической информации представляется необходимым утверждение Государственным комитетом по науке и технике Совета Министров СССР специального Типового договора на выполнение работ в области научно-технической информации.

Полученные научно-технические результаты предприятия и организации вправе самостоятельно осваивать и внедрять в свою хозяйственную деятельность. Однако практика показывает, что они, встречаясь с трудностями при самостоятельном освоении, нехотя идут на внедрение имеющихся научно-технических материалов, поскольку перестройка производственного процесса в связи с освоением, как правило, отрицательно сказывается на их основной хозяйственной деятельности. Наряду с этим отсутствие опыта в освоении приводит к неоправданно большим затратам материалов и денежных средств. Поэтому промышленные предприятия на стадии освоения научно-техни-

ческих материалов заинтересованы в получении помощи от сторонних организаций. Оформление этих отношений осуществляется посредством договорных обязательств. Их цель — создание нового производства либо повышение технико-экономических показателей действующего путем использования достижений науки и техники. Исполнителями по первому виду обязательств могут быть специально созданные проектные организации, по второму — организации, непосредственно создавшие и апробировавшие научно-технические результаты, т. е. организации-разработчики. Договоры на производство отмеченных работ получили наименование договоров на проектно-исследовательские работы и на передачу предприятиями и организациями своих научно-технических достижений и опыта их использования. Договор на передачу научно-технических достижений и опыта их использования урегулирован Типовым договором, утвержденным Государственным комитетом Совета Министров по науке и технике в 1971 г. [8, с. 28].

Учитывая, что работы осуществляются на основе уже имеющихся и апробированных практикой научно-технических достижений, освоение их начинается до того, как исполнитель их полностью завершит. Но предусматривается возможность получения отрицательного результата или прекращения производства работ по причине нецелесообразности их дальнейшего проведения. Однако результаты по отмеченным договорам могут отклоняться от показателей, предусмотренных сторонами на стадии заключения договора. Отрицательные последствия, возникшие по объективным причинам, либо компенсируются за счет специальных источников, либо возлагаются на заказчика. Например, в сводных сметах на строительство предприятий, зданий и сооружений предусматривается резерв затрат на непредвиденные работы [9, с. 31].

Характерным признаком для отмеченных соглашений является и то, что исполнитель не только создает научно-техническую разработку с учетом конкретного производства, но и определяет пути ее наиболее экономического освоения заказчиком или иной организацией, что находит выражение в смете, прилагаемой к договору. Вместе с тем исполнитель обязан в той или иной форме непосредственно участвовать в освоении заказчиком переданной ему научно-технической разработки.

Правотношения, возникающие на основе каждого из указанных договоров, имеют присущие только им специфические особенности. Последние предопределяются праводеспособностью организаций и предприятий в области научно-технического прогресса, влиянием плановых предпосылок на заключение указанных соглашений, формами сотрудничества сторон в процессе исполнения.

Проектные организации не вправе заключать договоры на передачу научно-технических достижений и опыта их исполь-

зования, так как в их задачу входит не разработка новых научно-технических результатов, а использование в проектах уже имеющихся и апробированных практикой. Они вправе заимствовать для проектов научно-технические достижения, полученные из любых источников, не охраняемых исключительным правом. Плановые предпосылки могут носить для сторон общеобязательный характер. В процессе освоения решений, заложенных в проектах, проектные организации осуществляют авторский надзор. Он заключается в проведении контроля с целью обеспечения максимального соответствия технических решений и технико-экономических показателей введенных в эксплуатацию объектов строительства решениям и показателям, предусмотренным в утвержденных проектах. Контроль осуществляется за деятельностью третьих организаций, поскольку заказчик, как правило, строительством непосредственно не занимается.

Договоры на передачу научно-технических достижений и опыта их использования могут заключать в качестве исполнителя только организации-разработчики. Плановые предпосылки, на базе которых заключаются договоры, не носят для сторон общеобязательного характера. Дело в том, что передача научно-технических разработок на основе указанного договора сторонами не планируется и осуществляется ими по собственной инициативе. Основной функцией организаций-разработчиков в процессе освоения является передача имеющегося у них опыта по внедрению и эксплуатации переданных по договорам научно-технических достижений. Отмеченные мероприятия осуществляются в процессе освоения непосредственно на производстве заказчика работниками организации-разработчика. Указанные разновидности и обуславливают самостоятельное существование каждого из анализируемых видов договоров.

Список литературы: 1. *Маркс К.* Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. — *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 1, с. 3—27. 2. *Законодательство о капитальном строительстве.* Т. 1. М., Юрид. лит., 1970. 615 с. 3. *Башин М.* Хозяйственный расчет в отраслевых НИИ и КБ. М., Моск. рабочий, 1971. 283 с. 4. *Дозорцев В. А.* Законодательство и научно-технический прогресс. М., Юрид. лит., 1978. 190 с. 5. *Приблуда А. С.* Договоры на опытно-конструкторские работы. — *Сов. государство и право*, 1958, № 1, с. 32—36. 6. *Рассудовский В. А.* Договоры на выполнение проектных и изыскательских работ. М., Изд-во АН СССР, 1963. 160 с. 7. *Ринг М. П.* Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., Юрид. лит., 1967. 200 с. 8. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1971, № 4. 9. Бюллетень строительной техники, 1970, № 7.

В. Ф. Маслов, д-р юрид. наук,
А. А. Пушкин, д-р юрид. наук,
И. Ф. Прокопенко, канд. экон. наук

Харьковский юридический институт

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Героическим трудом советских людей в нашей стране построено развитое социалистическое общество. «Вместо основ социалистической экономики, — говорил Л. И. Брежнев, — мы имеем теперь зрелую, хорошо оснащенную технически систему хозяйства как в городе, так и в деревне» [4, с. 6]. Естественно, что в Конституции СССР 1977 г., закрепившей победу развитого социализма, нашли свое полное и четкое выражение все важнейшие принципы социалистического хозяйствования. В соответствии с этими принципами должно быть осуществлено дальнейшее совершенствование и всего советского законодательства, призванного активно содействовать неуклонному повышению уровня экономики, достижению высшей цели социалистического общественного производства — наиболее полному удовлетворению растущих материальных и духовных потребностей людей.

Хотя в указанном направлении уже много сделано, однако эта работа еще далеко не завершена. Руководствуясь поставленной XXV съездом КПСС задачей улучшить правовое регулирование хозяйственной деятельности [3, с. 82], требованиями Конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР в постановлении от 12 декабря 1977 г. [9] предусмотрел разработку ряда проектов законодательных актов, призванных обеспечить эффективное правовое регулирование хозяйственной деятельности. При этом в постановлении от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» [12] ЦК КПСС и Совет Министров СССР признали необходимым осуществить систему мер по дальнейшему совершенствованию планового руководства экономикой, развитию и укреплению демократических начал в управлении производством и повышению творческой инициативы трудовых коллективов. Значительные усилия нужны и для полного выполнения специально принятого постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» [10, 1975, № 16, ст. 98].

Все это свидетельствует о том, что формирование хозяйственного законодательства в условиях развитого социализма является актуальным вопросом. Понятно, что его решение

должно опираться на правильное представление о самом этом законодательстве и об отношениях, регулируемых им.

В условиях социалистического общества хозяйственная деятельность — это прежде всего деятельность социалистических хозяйственных организаций, связанная с производством потребительных стоимостей, выполнением различного рода работ, оказанием услуг, обменом результатами производственной деятельности и др. Именно так данная деятельность характеризуется в Положениях о социалистическом государственном производственном предприятии [10, 1965, № 15—20, ст. 153] и производственном объединении [10, 1974, № 8, ст. 38], в целом ряде других нормативных актов, касающихся деятельности хозяйственных организаций.

Хозяйственной деятельностью, как это следует из ч. 2 ст. 10 Конституции СССР, вправе заниматься и общественные организации, используя в этих целях принадлежащее им имущество, необходимое для осуществления уставных задач. В ограниченных пределах, на основе приложения личного труда, хозяйственной деятельностью могут заниматься и отдельные граждане, что также предусмотрено Конституцией СССР (ст. 13, 17)¹.

Основу экономической системы социализма составляет общественная собственность на средства производства в форме государственной и колхозно-кооперативной собственности.

Поэтому ведущая роль в осуществлении хозяйственной деятельности принадлежит государственным предприятиям и объединениям, колхозам и иным кооперативным организациям, межхозяйственным предприятиям и объединениям, которые наиболее полно олицетворяют социалистическую экономику, составляющую в современных условиях единый народнохозяйственный комплекс и охватывающую все звенья общественного воспроизводства.

Хозяйственная деятельность, независимо от того, кто ею занимается, всегда выражается в системе определенных имущественных отношений. По своей сущности эти отношения являются производственными, а имущественными они называются лишь потому, что связаны с вещами (имуществом) и проявляются как вещи (имущество). Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или иной экономист, впервые, по словам Ф. Энгельса, была раскрыта К. Марксом во всем ее значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты [1, т. 3, с. 498].

¹ То, что эта деятельность непосредственно в законе называется индивидуальной трудовой деятельностью, указывает лишь на ее отличие от коллективной трудовой деятельности граждан, реализуемой в рамках социалистических организаций.

Важно иметь в виду следующее. На определенном историческом этапе имущественные отношения принимают товарно-денежную форму. Они не утрачивают этой формы и в социалистическом обществе, в частности, и тогда, когда они складываются между социалистическими организациями. В коммунистическом строительстве полностью используются товарно-денежные отношения в соответствии с их новым содержанием и применяются такие инструменты развития экономики, как хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы.

Все это свидетельствует о том, что в условиях развитого социализма имущественные отношения не только между гражданами или с участием граждан, но и между социалистическими организациями объективно требуют для своего урегулирования гражданско-правовых норм и охвата гражданским законодательством. Основы гражданского законодательства и ГК союзных республик — главные акты гражданского законодательства — распространяются и на имущественные отношения, возникающие между социалистическими организациями в процессе их хозяйственной деятельности. Это значит, что и указанные отношения нуждаются не просто в гражданско-правовом оформлении, но и в том, чтобы гражданско-правовые нормы, их регулирующие, были представлены именно в гражданском законодательстве и ГК союзных республик для надлежащего правового регулирования имущественно-стоимостных отношений развитого социалистического общества несомненно [8, с. 33].

Вместе с тем одного того, что имеется в Основах и ГК союзных республик, явно недостаточно для всестороннего и полного учета особенностей, которые свойственны хозяйственной деятельности социалистических организаций и соответственно имущественным отношениям, опосредствующим эту деятельность. Руководство экономикой осуществляется с помощью планов экономического и социального развития — главного инструмента реализации экономической политики партии [5, т. 7, с. 254]. Это делает необходимым, чтобы имущественные отношения, опосредствующие хозяйственную деятельность социалистических организаций, получили не только общегражданскую, но и специальную регламентацию, отражающую ее специфические особенности в условиях планового социалистического хозяйства. Дифференциация правового регулирования имущественных отношений, опосредствующих хозяйственную деятельность социалистических организаций, — закономерность развитого социалистического общества.

Специальная регламентация целого ряда имущественных отношений между социалистическими организациями на основе и в развитие общего гражданского законодательства — одно из проявлений этой закономерности. Именно с учетом этой закономерности в ст. 3 Основ и соответствующих статьях ГК

союзных республик сказано, что специальным законодательством Союза ССР регламентируется целый ряд отношений между социалистическими организациями, регулирование которых отнесено Конституцией СССР и Основами к ведению Союза ССР¹. Если бы задача специального законодательства, о котором говорится в ст. 3 Основ, исчерпывалась установлением специфических гражданско-правовых норм, особо рассчитанных на регулирование имущественных отношений между социалистическими организациями, то не было бы проблемы определения места этого законодательства в системе советского законодательства в целом. Оно бы рассматривалось как продолжение соответствующих институтов Общей и Особенной частей обязательственного права и системе единого гражданского законодательства. Но суть проблемы как раз в том и состоит, что названные здесь нормативные акты, наряду с регулированием ряда имущественных отношений между социалистическими организациями, определенным образом регламентируют и отношения по управлению хозяйственной деятельностью социалистических организаций — участников указанных имущественных отношений.

Управление же хозяйственной деятельностью — это другая, вторичная, функционально-обособленная группа экономических отношений. Управление производством, указывал К. Маркс, вытекает из самой природы общественного процесса труда, является необходимой функцией общественно-комбинированного, коллективного труда, совершающегося в более или менее крупных масштабах и в определенной социальной форме [1, т. 23, с. 342]. Следовательно, исходным моментом возникновения управления, его необходимости является процесс обобществления производства и связанное с ним общественное разделение труда.

Управление социалистическим общественным производством, с одной стороны, — неотъемлемый элемент последнего, а с другой — самостоятельная, функционально-обособленная группа отношений, получающая свое выражение в сознательной, целенаправленной деятельности ассоциированных производителей, с помощью которой в условиях социализма обеспечивается планомерное и высокоэффективное развитие экономики.

В теоретическом и практическом плане весьма важно, применительно и к этим отношениям, не допускать смещения их

¹ Трудно согласиться с утверждением Ю. К. Толстого о том, что это «теневая сторона» проведенной в 60-х годах кодификации гражданского законодательства, поскольку «она мало дала для ощутимого повышения эффективности правового регулирования хозяйственной деятельностью в СССР» [8, с. 33]. В ходе этой кодификации не ставилась задача дать развернутую регламентацию всем имущественным отношениям между социалистическими организациями, это, кроме того, и невыполнимо в рамках данной кодификации.

объективных и субъективных сторон¹. Управление как объективное явление определяется системой первичных социалистических производственных отношений.

Рассматриваемое как функция органа управления, оно выступает основной формой сознательного использования в процессе расширенного воспроизводства требований объективных экономических законов. В обществе, разделенном на классы, управление с неизбежностью становится функцией класса, владеющего решающими средствами производства. Этот класс определяет задачи, формы и методы управления, широко используя для его осуществления государство и право.

Общественная собственность на средства производства и однотипная с ней колхозно-кооперативная собственность, обуславливая объединение труда в масштабах всего народного хозяйства, превращают все социалистические предприятия, производственные объединения и иные хозяйственные организации во взаимосвязанные ячейки единого, планомерно организованного хозяйственного механизма. Поэтому в условиях развитого социалистического общества, когда экономику его олицетворяет хозяйственная деятельность названных выше социалистических организаций, управление хозяйственной деятельностью, в соответствии с присущим ему новым содержанием, охватывает коллективный процесс труда как внутри отдельных предприятий, объединений и иных организаций, так и в масштабах всего общества, становясь прерогативой государства. Внутри предприятий, объединений и других хозяйственных организаций оно выражается в планировании, согласовании, координации и стимулировании деятельности отдельных рабочих, цехов, участков, производственных единиц и т. д., в масштабах общества — в планировании, согласовании, координации, стимулировании деятельности самих предприятий, объединений и организаций, с тем чтобы весь хозяйственный аппарат, как отмечал В. И. Ленин, работал с точностью часового механизма [2, с. 156]. Таковы, как известно, и объективные требования экономического закона планомерного развития, определяющего форму движения социалистического общественного производства.

В целях практического претворения в жизнь принципов управления хозяйственной деятельностью ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 12 июля 1979 г. предусмотрели конкретные меры по повышению качества плановой работы в народном хозяйстве. Управление хозяйственной деятельностью, на каком бы уровне оно ни осуществлялось, всегда проявляется в системе определенных организационных отноше-

¹ В связи с этим нельзя согласиться с С. Н. Братусем, полагающим, что управление производством является экономическим лишь на уровне предприятий, а на более высоких уровнях — определенной системой надстроечных отношений [6, с. 38—39].

ний. Последнее, как конкретная форма отношений управления социалистическим производством, охватывают всю совокупность первичных экономических связей, обеспечивая планомерное производство, распределение и обмен продуктов [2, с. 171].

Имущественные отношения, опосредствующие хозяйственную деятельность, и все отношения по управлению этой деятельностью, являясь общественными, взаимосвязанными друг с другом, далеко не одинаковы по своей юридической природе. Поэтому естественно, что и нормы законодательных актов, которыми регулируются данные отношения, должны учитывать объективно существующую между ними взаимосвязь и во всем отвечать экономической логике их развития.

Особенно актуальным является вопрос об определении научно обоснованных границ хозяйственного законодательства, в состав которого, несомненно, входят специальные нормативные акты, регулирующие отношения между социалистическими организациями, между ними и вышестоящими хозяйственными органами, а также внутривозрастные связи и его место в системе советского законодательства в целом. Указанные вопросы широко дискутируются в литературе. Рядом ученых (В. П. Грибанов, О. С. Иоффе, Р. О. Халфина и др.) высказано мнение, согласно которому понятием хозяйственного законодательства должны охватываться всеобщие нормативные акты, в той или иной форме (степени), соприкасающиеся с регулированием хозяйственной деятельности социалистических организаций и управлением этой деятельностью [11, 1976, № 3, с. 6]. С точки зрения данных авторов, любые отношения в сфере народного хозяйства, если хотя бы одной из их сторон выступает социалистическая организация, должны считаться хозяйственными, а нормативные акты, их регулирующие, включаться в состав хозяйственного законодательства. Думается, что со столь широкой трактовкой хозяйственного законодательства согласиться нельзя. При таком подходе, как справедливо отметил Ю. К. Толстой, хозяйственное законодательство «лишается какой бы то ни было определенности содержания, становится безбрежным», поскольку оно «поглощает чуть ли не все советское законодательство» [8, с. 40]. С другой стороны, подобный подход к хозяйственному законодательству мало что дает для уяснения специфики входящих в его состав нормативных актов и их упорядочения.

По мнению иных авторов (И. Е. Петров и др.), хозяйственное законодательство — это законодательство, действительно регулирующее лишь отношения, возникающие между органами хозяйственного руководства, предприятиями, организациями, и учреждениями в процессе осуществления хозяйственной деятельности и управления ею [11, 1977, № 7, с. 82—83].

С этой, как и с предыдущей, позицией трудно согласиться. Она исходит из того, что хозяйственное законодательство — это только своеобразная «суперотрасль» законодательства, в свою очередь включающая в себя целый ряд уже сложившихся отраслей советского законодательства (финансовое, земельное, водное, лесное и т. д.). Ограничение предмета хозяйственного законодательства просто лишь отношениями между предприятиями, организациями, учреждениями, между ними и вышестоящими органами указывает только на количественную характеристику этого законодательства, не раскрывая существа и взаимосвязи его разделов.

В литературе существует также точка зрения, согласно которой под хозяйственным законодательством следует понимать только совокупность тех нормативных актов, которыми регулируются отношения между социалистическими организациями, опосредствующие их хозяйственную деятельность, и отношения по управлению этой деятельностью, не входящие в уже кодифицированные специальные отрасли законодательства (земельное, водное, лесное и т. д.) или в отрасли, могущие стать предметом такой самостоятельной кодификации (финансовое и др.), и которые сами по себе нуждаются в особой кодификации [7, с. 37]. Правда, одновременно предлагается в соответствующие акты этого законодательства включить и значительную часть норм кодифицированного гражданского законодательства, рассчитанную на регулирование отношений между социалистическими организациями или могущую быть примененной и к этим отношениям, но предварительно переработанную, освобожденную от цивилистического «налета»¹.

В количественном определении границ хозяйственного законодательства эта точка зрения, по сравнению с другими, является более предпочтительной, хотя и имеет весьма существенные недостатки. Во-первых, она противоречива. Ее сторонники хотя и знают, что хозяйственным законодательством должны охватываться не все, а лишь определенные отношения между социалистическими организациями, опосредствующие их хозяйственную деятельность, и отношения по управлению этой деятельностью, тем не менее важнейшим институтом этого законодательства считают право государственной социалистической собственности. Но ведь хорошо известно, что данный институт, исходя из абсолютного характера принадлежащего Советскому государству права собственности, регулирует связанные с этим правом отношения с участием как организации, так и граждан. Во-вторых, за основу определения границ хозяйственного законодательства и в этом случае берется сам по себе критерий

¹ Это значит, по мнению авторов данной точки зрения, что и ст. 3 Основ, ст. 3 ГК союзных республик должны быть пересмотрены в направлении исключения из них указания на какую-либо возможность применения к названным отношениям гражданского законодательства.

субъективного состава регулируемых этим законодательством отношений.

Хозяйственное законодательство — это действительно обусловленная потребностями социалистической экономики развивающаяся отрасль в системе советского законодательства. Возникновение ее предопределено необходимостью соединения в единое целое правового регулирования управления хозяйственной деятельностью социалистических организаций и имущественных отношений, возникающих между социалистическими организациями под воздействием данного управления и нуждающихся вследствие этого в установлении для них специфического правового режима.

Предмет советского хозяйственного законодательства составляют не все отношения между социалистическими хозяйственными органами, а лишь возникающие в сфере материального производства организационно-управленческие отношения между социалистическими организациями и их вышестоящими органами и возникающие в этой сфере имущественные отношения между социалистическими организациями.

Право государственной собственности, право колхозно-кооперативной собственности, право собственности профсоюзных и иных общественных организаций и впредь должны оставаться центральными институтами советского гражданского законодательства, поскольку они отражают и закрепляют определяющее значение предусматриваемых ими отношений в экономической системе СССР в целом.

Обычные отношения купли-продажи, подряда, имущественного найма, обязательства за причинение вреда и т. д. тоже не должны включаться в предмет хозяйственного законодательства, хотя они и складываются между социалистическими организациями. Хозяйственное законодательство должно решать вопросы планирования хозяйственной деятельности социалистических организаций, обеспечения их в соответствии с утвержденными планами всеми необходимыми ресурсами, установления между ними устойчивых и длительных хозяйственных связей и непосредственно регулировать эти связи между социалистическими организациями как участниками плано-организационного хозяйственного оборота.

Сделанные выводы о предмете хозяйственного законодательства предопределяют и решение вопроса о месте хозяйственного законодательства в системе советского законодательства. Оно, как справедливо отмечает Ю. К. Толстой, «сложилось как самостоятельная отрасль законодательства, успешная кодификация которого в рамках ни одной из традиционных отраслей законодательства не может быть проведена» [8, с. 37]. К этому следует добавить, что оно не поглощает или, во всяком случае, не растворяет в себе сложившиеся или формирую-

щиеся специальные отрасли законодательства в сфере народного хозяйства СССР.

Хозяйственное законодательство, понимаемое в узком смысле, — одна из важных и, быть может, первостепенных отраслей советского законодательства в сфере народного хозяйства СССР, сложившаяся на стыке традиционных и других специальных отраслей советского законодательства. Именно это законодательство имел в виду Л. И. Брежнев, когда еще в 1974 г. говорил о том, что упорядочению хозяйственного законодательства, к сожалению, у нас длительное время «не уделялось должного внимания и в результате тут накопилось много нерешенных проблем» [5, т. 5, с. 73]. Именно на совершенствование этого законодательства и направлены сейчас главные усилия в соответствии с решениями XXV съезда КПСС, Конституции СССР и постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. и от 12 июля 1979 г.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, 23. 2. Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти»; Очередные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 127—164, 165—208. 3. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 4. Брежнев Л. И. О Конституции СССР. 2-е изд., доп. М., Политиздат, 1978. 80 с. 5. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., Политиздат, т. 5, 1976, с. 63—88; т. 7, 1979, с. 252—255. 6. Братусь С. Н. Роль права в развитии советской экономики. М., Знание, 1971. 46 с. 7. Теоретические проблемы хозяйственного права/Под ред. В. В. Лаптева. М., Наука, 1975. 413 с. 8. Толстой Ю. К. Проблемы совершенствования хозяйственного законодательства. — В кн.: Правовое регулирование хозяйственных отношений. М., Изд-во ИГиП АН СССР, 1978, с. 31—50. 9. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 51, с. 76. 10. СП СССР. 11. Сов. государство и право. 12. Экон. газета, 1979, № 32.

В. С. Шелестов, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С УЧАСТИЕМ КОЛХОЗОВ

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, значительное увеличение основных и оборотных фондов, рост их доходности создали реальные предпосылки для перехода к новому этапу в развитии колхозного строя — дальнейшему обобществлению социалистического производства и труда. Сущность этого закономерного и прогрессивного процесса состоит в постоянном расширении разнообразных производственно-хозяйственных связей и форм сотрудничества с участием колхозов, улучшении структуры общественного производства, появлении новых форм сотрудничества с участием колхозов и в дальнейшем совершенствовании колхозно-правовых отношений. В этом следует усматривать продолжение ленинского

кооперативного плана в условиях развитого социализма. Межхозяйственная кооперация и интенсификация колхозного и совхозного производства — единый, наиболее эффективный путь увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал: «...Большие возможности быстрого роста объемов производства, серьезно повышения производительности труда и снижения себестоимости заложены в специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции» [1, с. 52].

Концентрация социалистического производства теснейшим образом связана со специализацией. Оба процесса представляют собой две стороны общественного разделения труда. С ним связываются глубинные социальные преобразования. Производство всегда находится в непрерывном движении, обеспечивая его специализацию на базе разделения труда и повышения уровня его обобществления на основе общественной собственности на средства производства. В результате этого возникают обособленные специализированные производства, на которых обобществляется труд, а это влечет за собой специализацию различных функций процесса производства, превращение их из раздробленных в обобществленные производства. Такая межхозяйственная кооперация обеспечивает повышение уровня специализации хозяйств, ведет к разделению труда и концентрации производства в тех отраслях, где имеются лучшие производственные условия, которые предопределили направление их специализации.

Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, перевод его на индустриальную основу — один из магистральных путей решения задачи интенсификации и повышения эффективности общественного производства [2]. Это вывозет, как подчеркивается в материалах июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, ускорение темпов развития сельского хозяйства, значительно более полное обеспечение постоянно растущих нужд государства в продуктах питания и в промышленном сырье.

Межхозяйственные связи — это планомерно организованное специализированное сотрудничество во всех сферах деятельности колхозов, совхозов как в рамках группы колхозов или совхозов, так и с участием их объединений. Межколхозные (межсовхозные) и государственно-колхозные связи устанавливаются на базе межхозяйственной интеграции. Здесь имеет место соединение земледелия с промышленностью, которое обеспечивает органическое соединение сельскохозяйственного производства с промышленной переработкой его продукции при наиболее рациональной специализации и кооперировании сельскохозяйственных и промышленных предприятий.

Концентрация общественного производства — объективная закономерность развития производительных сил страны, которая обусловлена экономическим преимуществом крупного высокомеханизированного производства над мелким. Это результат изменений, которые вносит в экономику развитого социализма научно-техническая революция. Они сопровождаются соответствующими организационными изменениями в структуре народного хозяйства. На ее основе создается широкая сеть агропромышленных предприятий и объединений. Данный процесс представляет собой завершающий этап в развитии социалистического производства. Таким путем научно-технический прогресс содействует организации в сельском хозяйстве крупных специализированных предприятий и их объединений.

Межхозяйственная кооперация — сложный и многогранный объективный процесс. Его нельзя, отмечалось на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС, сдерживать, как нельзя и торопить. Работа должна проводиться планомерно, в комплексе с другими мерами по интенсификации сельскохозяйственного производства. Дальнейшее углубление специализации и концентрации на базе межхозяйственной кооперации, установление прямых связей между сельским хозяйством и промышленностью создают всем колхозам и совхозам — и мелким, и крупным, с различным уровнем экономики — равные возможности для последовательного перехода к высокоинтенсивному специализированному производству, неуклонного укрепления и развития общественного хозяйства, обеспечения высоких темпов расширенного воспроизводства. Межхозяйственная кооперация обеспечивает переход от простейших форм к более сложным — по типу производственных объединений, в рамках которых создаются новые совместные предприятия и организации, где имеет место более высокий уровень обобществления имущества.

В условиях научно-технического прогресса на базе непрерывно укрепляющейся аграрно-промышленной экономики развиваются межхозяйственные связи, процесс обобществления хозяйства выходит за рамки отдельных колхозов. Именно поэтому всемерно поощряется практика совместного строительства крупных комплексов и других межколхозных и государственно-колхозных предприятий, культурно-бытовых учреждений, школ, больниц, домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей, образования различных межхозяйственных и государственно-колхозных фондов, предприятий по первичной переработке, хранению, транспортировке и сбыту сельскохозяйственных продуктов, выращиванию и откорму скота и птицы, производству и добыче строительных материалов и т. д.

Создавая совместные специализированные предприятия в отраслях, которые целесообразно развивать общими усилия-

ми, межхозяйственная кооперация тем самым ускоряет специализацию каждого колхоза и совхоза, способствует переводу всего производства на индустриальный путь развития, что имеет решающее значение для быстрого роста продукции, улучшения ее качества и повышения эффективности отрасли в целом. Межхозяйственная кооперация играет активную роль и в решении важных социальных проблем села.

Формы организации экономических связей с участием колхозов различны. Межхозяйственные связи могут складываться как в производственной, так и в непроизводственной сфере, они направлены на осуществление совместной производственно-хозяйственной или социально-культурной деятельности. Особое значение приобретают связи производственного характера. Не случайно их правовое регулирование обеспечивается специальным законодательством. По степени их связи с сельскохозяйственным и промышленным производством они могут формироваться как аграрные или агропромышленные. Межхозяйственные связи могут носить временный, сезонный или постоянно действующий характер, а также выступать в качестве промежуточной или завершающей формы организации общественного производства.

Такие связи складываются во всех отраслях сельскохозяйственного производства: основных, дополнительных и вспомогательных. Они содействуют последовательному превращению многоотраслевого производства колхозов в крупные, специализированные, рентабельные хозяйства, где сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального.

Дальнейшее углубление разделения общественного труда между хозяйствами, еще более высокий уровень обобществления, специализации и кооперирования, установление прямых связей между сельским хозяйством и промышленностью — одно из необходимых условий развития экономики колхозов, сближения колхозной собственности с государственной и повышения ее до уровня общенародной собственности. Это отвечает требованиям ст. 12 Конституции СССР, где указывается на то, что государство содействует развитию колхозно-кооперативной собственности и ее сближению с государственной. Такая собственность по своей структуре и общественному значению приближается к общенародной собственности, между ними постепенно стираются грани, однако при этом не создается какой-либо новой формы социалистической собственности.

Межхозяйственное сотрудничество обеспечивает необходимый переход к образованию смешанных государственно-колхозных предприятий, организаций и их объединений, органическое соединение промышленного и сельскохозяйственного производства в наиболее оптимальных территориальных границах в едином воспроизводственном процессе с законченным и замкнутым циклом общественного производства. Они развиваются

от простейших форм кооперирования к более сложным. Формы агропромышленного кооперирования и производства различны. Они, в частности, зависят от степени интеграции промышленности и земледелия, вида воспроизводимой сельскохозяйственной продукции, промышленной технологии, природно-экономических условий, уровня концентрации и специализации производства, характера внутриотраслевого и межотраслевого кооперирования и комбинирования производства.

Колхозная экономика периода зрелого социализма развивается на базе таких основных типов социалистических предприятий: колхозных, межколхозных предприятий, колхозно-совхозных или совхозно-колхозных предприятий, межхозяйственных объединений, аграрно-промышленных предприятий и объединений, всесоюзных и республиканских объединений.

В межхозяйственных связях принимают участие колхозы, совхозы и другие государственные, кооперативные и общественные предприятия и организации. В силу этого межколхозные и государственно-колхозные связи формируются в различных организационно-правовых формах: межколхозные предприятия (организации); производственные объединения в сельском хозяйстве; аграрно-промышленные предприятия; производственные аграрно-промышленные объединения; научно-производственные объединения в сельском хозяйстве; районные, областные, республиканские объединения межхозяйственных предприятий (организаций); межхозяйственные или государственно-колхозные централизованные фонды.

Межхозяйственные предприятия (организации), как правило, создаются по одному виду деятельности. Их разнообразные виды могут быть сгруппированы по различным критериям. Наиболее существенной представляется их классификация по степени обобществления имущества, профилю деятельности, продолжительности функционирования, формам организации общественного производства. Так, различают межколхозные и государственно-колхозные предприятия и организации, которые хотя и обобществляют некоторое имущество и средства, однако не образуют юридического лица. Обязанности по организации и осуществлению совместной деятельности в определенной области объединившиеся хозяйства возлагают на одно из них. К их числу относятся хозяйства (колхозы, совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия), осуществляющие производственные функции межхозяйственных предприятий (организаций) по откорму скота, выращиванию коров и нетелей, производству кормов, семян и другой сельскохозяйственной продукции. Тут степень обобществления имущества и средств невелика. Относительно несложные задачи, стоящие перед участниками межхозяйственного сотрудничества, допускают возможность выполнения одним из них обя-

занностей по управлению межхозяйственными объектами, в силу чего не требуется образование нового субъекта права.

Указанные хозяйства действуют в соответствии с Примерным Уставом колхоза или Положением о социалистическом государственном производственном предприятии. Взаимоотношения таких хозяйств в части межхозяйственной деятельности регулируются договорами, заключаемыми этими колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями с заинтересованными хозяйствами, и решениями Советов Министров союзных республик с учетом Общего положения о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве.

Разновидностью межколхозных или государственно-колхозных предприятий являются такие из их, которые наделены правами юридического лица. Эти предприятия (организации) действуют в соответствии с Общим положением о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, утвержденным Советом Министров СССР 14 апреля 1977 г. [4, 1977, № 13, ст. 80]. Их экономическую базу составляют имущество и средства объединившихся колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. На таких началах действуют, например, животноводческие комплексы, предприятия по строительству и эксплуатации отдельных объектов, предприятия по переработке продукции сельскохозяйственного производства. Все задачи, вытекающие из межхозяйственного сотрудничества, возлагаются на вновь созданное юридическое лицо, обладающее правом оперативного управления закрепленным за ним имуществом.

Межколхозные и государственно-колхозные предприятия и организации могут классифицироваться как по территориальному признаку (районные, областные, республиканские), так и по характеру их специализации (строительные, сельскохозяйственные).

Относительно производственных объединений в сельском хозяйстве имеются некоторые особенности. В их состав могут входить колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия (организации), предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, автотранспортные и другие государственные и кооперативные предприятия и организации. В то же время они включают только колхозы, межколхозные предприятия (организации) и другие кооперативные предприятия и организации, только совхозы и другие государственные предприятия и организации или одновременно колхозы, совхозы и другие государственные и кооперативные предприятия и организации.

По территориальному принципу производственные объединения в сельском хозяйстве организуются, как правило, в пределах административного района на базе хозяйств, которые производят несколько видов товарной продукции, а также от-

дельных специализированных хозяйств. Здесь на условиях кооперации крупные специализированные межхозяйственные предприятия предусматривают направления специализации по производству товарной продукции в каждом колхозе и совхозе, совместно осуществляют мероприятия по переводу на индустриальную основу всех отраслей сельскохозяйственного производства в рамках объединения. Они могут также формироваться и как отраслевые, создаваемые на базе специализированных по данному виду продукции хозяйств в пределах одного или нескольких административных районов либо области, края, республики.

Аграрно-промышленная интеграция осуществляется в таких организационно-правовых формах: аграрно-промышленные предприятия, производственные аграрно-промышленные объединения. Они рассматриваются в качестве высшей формы организации общественного производства. От обычных сельскохозяйственных предприятий и организаций они отличаются характером выполняемых ими производственных задач. Колхозы, которые входят в состав названных предприятий и объединений, не утрачивают своей имущественно-хозяйственной самостоятельности. Независимо от формы объединения они всегда выступают как юридические лица.

Аграрно-промышленные предприятия объединяют колхозы, совхозы, птицефабрики, совхозы-колхозы, межхозяйственные и другие сельскохозяйственные предприятия, имеющие в штате постоянных работников, занятых переработкой, упаковкой и хранением сельскохозяйственной продукции и перерабатывающие не менее 25% продукции одной из отраслей, на которой специализируется хозяйство. Не включаются в группу аграрно-промышленных предприятий хозяйства, в которых имеющиеся промышленные подразделения осуществляют только операции, не связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции (например, изготавливающие мебель, товары народного потребления).

Производственные аграрно-промышленные объединения являются едиными производственно-хозяйственными комплексами, в которых производственная деятельность осуществляется на основе специализации, концентрации и интеграции производства, переработки и хранения, а при определенных условиях и торговли сельскохозяйственной продукцией и продукцией переработки.

В состав объединения могут входить колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия (организации), предприятия по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, организации торговли, автотранспортные и другие государственные и кооперативные предприятия и организации (по всей их деятельности). Объединение централизует полностью или частично выполнение отдельных производственно-хозяйственных

функций предприятий и организаций, входящих в его состав. В работе объединений могут участвовать по одному или нескольким видам деятельности на договорных началах колхозы, совхозы и другие предприятия и организации, не входящие в их состав.

Межколхозные предприятия по отдельным отраслям общественного производства нередко входят в состав районных, областных и республиканских межхозяйственных объединений. Такими чертами, например, характеризуются межколхозные строительные организации, деятельностью которых руководят областные и республиканские объединения. В отличие от межколхозных предприятий (организаций) в сельском хозяйстве они формируются районными предприятиями и организациями на началах членства, с обязательным внесением вступительных и членских взносов.

С участием колхозов и совхозов создаются централизованные фонды, которые рассматриваются в качестве особой формы межхозяйственного кооперирования. Они имеют своей целью обеспечить различные потребности колхозов, совхозов и их членов. При данной системе кооперирования не создаются специальные межхозяйственные организации. Функции руководства в этой сфере возлагаются на центральные республиканские или союзные органы государственного управления. На таких началах, например, создаются межхозяйственные страховые фонды зерновых культур [5]. Хотя тут и имеется обобществление имущества, однако не образуется юридическое лицо. Оперативное управление данным централизованным фондом осуществляется компетентным органом государства — Советом Министров союзной республики. Централизованные фонды образуются и в масштабе СССР, в частности союзный централизованный фонд социального обеспечения [4, 1978, № 4, ст. 24]. Его природа аналогична межхозяйственным страховым фондам зерновых культур.

Участники централизованных фондов не утрачивают права собственности на обобществленное имущество, но и государство не становится их собственником. Объясняется это тем, что в сельскохозяйственной кооперации отсутствует центр данной системы. Поэтому в целях наиболее рационального использования централизованных фондов и исходя из их юридической природы управление ими осуществляется уполномоченным государственным органом.

Участие колхозов в образовании различных межколхозных и государственно-колхозных предприятий, организаций и их объединений связывается с определенными правовыми предпосылками. Они являются общими для всех участников межхозяйственного сотрудничества. Такие предприятия и организации создаются путем добровольного объединения части своих финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов на

основе учредительного договора о межхозяйственном сотрудничестве. Правовым основанием участия колхоза в образовании межхозяйственного предприятия (организации) является решение, принятое общим собранием колхозников (собранием уполномоченных колхоза). Совхоз, другое государственное предприятие или организация вступают в состав участников межхозяйственного предприятия (организации) только с согласия своего вышестоящего органа.

Межхозяйственное предприятие (организация) создается по решению собрания уполномоченных представителей колхозов, совхозов и других государственных, кооперативных и общественных предприятий и организаций, изъявивших желание участвовать в его деятельности. Решение о создании межхозяйственного предприятия (организации) утверждается в порядке, определяемом Министерством сельского хозяйства СССР или другими министерствами (ведомствами) СССР, в систему которых входят эти хозяйства, по согласованию с Советом Министров союзных республик [6]. Межколхозные предприятия (организации) могут также входить в состав производственных объединений в сельском хозяйстве по решению собрания уполномоченных представителей хозяйств-участников межхозяйственного предприятия (организации), а совхозы и другие государственные предприятия и организации — с согласия вышестоящего органа.

Производственные объединения в сельском хозяйстве создаются на иных условиях. В отличие от межхозяйственных предприятий (организаций) они всегда формируются компетентным органом государства в распорядительном порядке. Не случайно в п. 3 Положения о производственном объединении в сельском хозяйстве записано, что такие объединения создаются в порядке, устанавливаемом Советами Министров союзных республик по согласованию с заинтересованными союзно-республиканскими министерствами СССР [4, 1979, № 3, ст. 15]. Объединения, которые организуются на базе предприятий и организаций, непосредственно подчиненных министерствам и ведомствам СССР, создаются по решению соответствующего министерства, ведомства СССР. При этом колхозы входят в состав объединения по решению общих собраний колхозников (собраний уполномоченных). Решения о вступлении в состав объединения других кооперативных предприятий и организаций принимаются в соответствии с их уставами (положениями).

В отличие от межхозяйственного предприятия (организации) в производственном объединении в сельском хозяйстве, которое является единым производственно-хозяйственным комплексом, его деятельность осуществляется не только на основе специализации, концентрации и кооперирования производства, но и на полной или частичной централизации ряда производ-

ственно-хозяйственных функций и ресурсов предприятий и организаций, которые входят в состав объединения (племенное дело, семеноводство, агрохимическое обслуживание и некоторые другие), в целях достижения наибольшей эффективности этой деятельности.

Централизованное осуществление названных функций может возлагаться как на объединение, так и на колхозы, совхозы и другие предприятия и организации, которые входят в состав объединения. Последние в этом случае несут имущественную ответственность перед другими предприятиями и организациями объединения за неисполнение или ненадлежащее исполнение связанных с этим обязательств на основаниях, предусмотренных действующим законодательством и заключенными договорами.

В отдельных случаях в меру экономической целесообразности могут создаваться объединения колхозов, совхозов и других предприятий и организаций, работающие на принципах координации их деятельности, а также по хозяйственным договорам. Указанные формирования учитываются отдельно от производственных объединений. Колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия (организации), а также другие государственные и кооперативные предприятия и организации, входящие в состав формирований, создаваемых на принципах координации, работают под хозяйственным руководством и по планам тех органов, в ведении которых они находятся. Для координации деятельности таких формирований создается совет из представителей заинтересованных предприятий и организаций.

Основой всех экономических связей с участием колхозов, которые формируются в условиях межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции, является договор о совместной деятельности. По этому договору его участники обязуются совместно действовать для достижения общей полезной хозяйственной цели.

Договоры могут быть двух видов. Первый имеет место тогда, когда связи не влекут за собой образования юридического лица. Эта форма связей осуществляется в рамках обычного товарищества. Отношения, которые тут возникают между хозяйствами (колхозами, совхозами), регламентируются ст. 430—434 ГК УССР. При этом они действуют в соответствии с Примерным Уставом колхоза или Положением о социалистическом государственном производственном предприятии. Ведение общих дел участников такого договора осуществляется по общему согласию. Если они доверили руководство их общей деятельностью одному из их участников, на него возлагается и ведение общих дел по этому договору. Связи, например по откорму скота, выращиванию коров, производству кормов, семенного материала, здесь осуществляются на основе коопера-

ционного договора. По своему содержанию и правовой характеристике он может рассматриваться как разновидность договора поставки в области сельского хозяйства.

Второй вид договора выступает в качестве учредительного договора, влечет за собой образование специального предприятия (организации), которое действует как юридическое лицо. Такие отношения не регулируются правилами ГК о совместной деятельности, но они вытекают из содержания Общего положения о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве и республиканских положений о межхозяйственном предприятии (организации) по отдельным видам деятельности.

На таких же условиях осуществляется участие колхозов и межхозяйственных предприятий (организаций) в деятельности научно-производственных объединений в сельском хозяйстве. Именно поэтому они не входят в состав последних. Их участие в таких объединениях регламентируется договором о межхозяйственном сотрудничестве. Деятельность этих объединений регулируется утвержденным Советом Министров СССР 30 декабря 1975 г. [4, 1975, № 2, ст. 13] Положением о научно-производственном объединении и особенностями его применения в сельском хозяйстве, утвержденными приказом Министерства сельского хозяйства СССР от 21 марта 1977 г.

В договорном порядке разрешаются и вопросы о составе производственного объединения в соответствии с Положением о производственном объединении в сельском хозяйстве [4, 1978, № 3, ст. 15]. Колхозы, совхозы и другие предприятия и организации, которые входят в состав такого объединения, сохраняют хозяйственную самостоятельность и права юридического лица. При этом совхозы и другие государственные предприятия и организации, на которые распространяется действие Положения о социалистическом государственном производственном предприятии и организации данного вида, руководствуются этими положениями; колхозы — Примерным Уставом колхоза и Уставом данных колхозов; другие кооперативные предприятия и организации — соответствующими Уставами (Положениями).

Основу правосубъектности межхозяйственного предприятия (организации) составляет его имущество. Именно поэтому одним из условий участия колхоза в создании межхозяйственного предприятия (организации) является внесение им долевых взносов в размерах, установленных высшим органом этого предприятия (организации). В отличие от этого в производственном объединении в сельском хозяйстве создание и пополнение основных и оборотных средств осуществляется в порядке, установленном для колхозов, совхозов и других государственных и кооперативных предприятий и организаций, входящих в состав объединения.

Правовой режим имущества зависит от характера объединения. Если отношения складываются в пределах межхозяйственного предприятия (организации), оно принадлежит на праве общей долевой собственности участникам межхозяйственного предприятия (организации) в размерах, которые соответствуют их паю. В производственном объединении в сельском хозяйстве такое имущество принадлежит: государству — если в его состав входят совхозы и другие государственные предприятия и организации; на праве общей совместной собственности государству, колхозам и другим кооперативным предприятиям и организациям — в объединении, куда входят колхозы, совхозы и другие государственные и кооперативные предприятия и организации; на праве общей совместной собственности колхозам и другим кооперативным предприятиям и организациям — в объединении, в состав которого входят колхозы и другие кооперативные предприятия и организации.

Эти положения являются решающими при определении судьбы имущества в связи с ликвидацией межхозяйственного предприятия (организации) или производственного объединения в сельском хозяйстве. Так как применительно к имуществу производственного объединения в сельском хозяйстве используется режим общей совместной собственности, то в случае прекращения его деятельности возникают обязательственные отношения в противоположность межхозяйственному предприятию (организации), где режим общей долевой собственности влечет за собой вещные отношения.

Имущество, которое образуется в связи с межхозяйственным сотрудничеством, находится в обладании органов управления межхозяйственных и государственно-колхозных объединений на началах оперативного управления. Институт права оперативного управления закрепленного за ними имуществом рассматривается в качестве единой и единственной правовой формы осуществления межхозяйственными предприятиями (организациями) и государственно-колхозными объединениями правомочий собственников по пользованию, владению и распоряжению таким имуществом. При этом не нарушается единство фонда государственной собственности, подобно тому как колхозы не лишаются права собственности на имущество, переданное в их оперативное управление. Такая юридическая конструкция исключает необходимость выделения в экономической системе СССР новой самостоятельной формы социалистической собственности — государственно-колхозной [7, с. 137—138].

Правовая регламентация имущества производственного объединения в сельском хозяйстве определяется его собственниками — государством и колхозами. Поэтому отдельные части такого имущества подвергаются правовому режиму государственной и колхозно-кооперативной собственности и рас-

считаются соответственно как их разновидности. В силу этого объем правомочий по оперативному управлению имуществом производственного объединения в сельском хозяйстве определяется государством в лице компетентных органов и колхозами как участниками межхозяйственного сотрудничества через соответствующие представительные органы государственно-колхозных объединений.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». — Известия, 1976, 2 июня. 3. *Брежнев Л. И.* О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. М., Политиздат, 1978. 64 с. 4. СП СССР. 5. СП УССР, 1970, № 9, ст. 91. 6. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1979, № 4, с. 47—48. 7. *Маслов В. Ф., Подопригора З. А., Попов В. К.* Правовое положение производственных объединений в сельском хозяйстве. Киев, Политиздат Украины, 1979. 183 с.

**С. Ю. Кац, д-р юрид. наук,
Л. Я. Носко, канд. юрид. наук**

Харьковский юридический институт

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН СССР НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Советский человек находится в центре внимания КПСС и государства. Его интересы последовательно удовлетворяются, охрана его прав и свобод — важнейшая обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Эти положения закреплены в Конституции СССР, в частности в ст. 57 и 58, предусматривающих право граждан СССР на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество, на обжалование в суд действий должностных лиц, совершенных с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющих права граждан. В связи со сказанным в науке советского гражданского процессуального права возникает ряд проблем, требующих теоретической разработки.

Прежде всего необходимо раскрыть понятие права граждан на судебную защиту и его правовую природу. Целесообразно начать с общего понятия защиты права, которое является спорным. Например, Л. П. Гуреев определяет это понятие как деятельность юрисдикционных органов, направленную на устранение препятствий в реализации права и в выполнении обязанностей, т. е. к понятию защиты права относит только меры восстановительного характера [3, с. 6]. Однако, по нашему мнению, в такой постановке вопроса не всесторонне и не полностью

раскрывается содержание данного понятия, поскольку объектом защиты являются не только субъективные права граждан, но и интересы государства, общества. Кроме того, меры, направленные на защиту интересов государства и общества, могут служить средствами пресечения и предупреждения правонарушений, а не только восстановления прав.

Правильнее формулирует понятие защиты права Г. Я. Стоякин. Сюда он относит издание норм права, которые закрепляют общественные отношения, устанавливают права и обязанности сторон, определяют порядок осуществления и защиты прав, а также деятельность субъектов правоотношения по реализации своих прав [4, с. 34]. Соглашаясь с мнением автора, следует добавить, что понятие защиты права включает в себя следующие элементы: пресечение и предупреждение правонарушений; воспитание правонарушителей; возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя (самозащита гражданских прав).

С учетом изложенного понятие защиты права можно толковать в широком и узком смыслах. Широкое понимание охватывает закрепление в правовых нормах, в первую очередь в Конституции СССР, конституциях союзных и автономных республик, прав и обязанностей граждан СССР, провозглашение в них гарантий реализации этих прав и исполнения обязанностей.

В узком смысле защита права включает в себя меры юридической ответственности в случае нарушения прав (конкретные формы деятельности государственных и общественных органов по защите прав); пресечение и предупреждение правонарушений; самозащиту гражданских прав; воспитание правонарушителей. Именно в таком аспекте следует рассматривать право граждан на судебную защиту — наиболее распространенную форму защиты гражданских прав, заключающуюся в рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров в установленной законом процессуальной форме, которая обладает максимумом гарантий для вынесения законных и обоснованных решений. При этом нужно учитывать, что право на судебную защиту возводится Конституцией СССР в ранг основных конституционных прав граждан и определяется как один из основных принципов социалистического правосудия.

Сказанное позволяет по-новому раскрыть правовую природу права на судебную защиту. Прежде всего следует сделать вывод о том, что это особое субъективное право граждан и организаций, которое тесно связано с такими понятиями, как правовая основа государственной и общественной жизни, социалистическая законность, советское правосудие.

Стержнем правовой основы государственной и общественной жизни является социалистическая законность, которая предпо-

лагает всемерную защиту прав граждан государством, всеми его органами и должностными лицами, строгое и неуклонное соблюдение Конституции СССР и советских законов государственными и общественными организациями и гражданами СССР.

Право на защиту — необходимый, органический компонент социалистической законности. «Говоря об укреплении социалистической законности, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — мы имеем в виду две стороны дела. Во-первых, строжайшую охрану прав граждан, недопущение каких бы то ни было проявлений произвола, в том числе со стороны должностных лиц. Во-вторых, мы имеем в виду строжайшее соблюдение советских законов, правил общественного порядка всеми гражданами» [2, с. 73].

Далее, при определении правовой природы права на судебную защиту надо учитывать, что Конституция СССР закрепляет идеи В. И. Ленина о том, что только в социалистическом государстве «центр тяжести передвигается от формального признания свобод... к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся...» [1, т. 36, с. 73—74].

Таким образом, правовая природа права на судебную защиту раскрывается в том, что оно приобретает характер ведущего принципа социалистического правосудия и советского гражданского судопроизводства. Его содержание характеризуется не только созданием процессуальных условий для обращения к судебным органам за защитой прав и законных интересов, но и установлением целой системы процессуальных гарантий, обеспечивающих своевременное и правильное рассмотрение и разрешение гражданско-правовых споров. Конституционное закрепление этого принципа связано с повышенными требованиями к гарантированности прав граждан в развитом социалистическом обществе.

Практическое проведение данного принципа в жизнь обеспечивается нормами гражданского процессуального права, регламентирующими деятельность суда, органов прокуратуры и иных участников гражданских процессуальных правоотношений в период осуществления правосудия по гражданским делам.

Согласно ст. 5 Основ гражданского судопроизводства¹ всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса. При этом гарантией права на обращение в суд является то, что в Основах (ст. 31), в ГПК УССР (ст. 136) и в ГПК других союзных республик содержится исчерпывающий перечень оснований, по которым судья может отказать в принятии заявлений по гражд-

¹ В дальнейшем — Основы.

данским делам. Далее, право на обращение в суд может быть реализовано путем как предъявления иска, так и подачи заявления или жалобы по делам, возникающим из административно-правовых отношений, и делам особого производства.

Советский процессуальный закон (ст. 23 Основ) также устанавливает, что стороны свободно распоряжаются своими материальными и процессуальными правами под контролем суда. Истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска. Ответчик вправе признать иск. Стороны могут окончить дело мировым соглашением. Кроме того, в целях всемерной защиты прав и законных интересов граждан и социальных организаций гражданские дела могут возбуждаться по заявлению прокурора, органов государственного управления, профсоюзов, государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или отдельных граждан в случаях, когда по закону они могут обращаться в суд за защитой прав и интересов других лиц (ст. 6 Основ). Важно и то, что судебные органы обязаны принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, оказывать лицам, участвующим в деле, содействие в осуществлении их прав (ст. 16 Основ).

Важнейшими процессуальными гарантиями права на судебную защиту являются прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве (ст. 164 Конституции СССР, ст. 14 Основ), деятельность коллегии адвокатов по оказанию юридической помощи гражданам и организациям, (причем ст. 161 Конституции СССР устанавливает, что в случаях, предусмотренных законодательством, юридическая помощь гражданам предоставляется бесплатно), коллегиальное рассмотрение дел во всех судах, что обеспечивает полноту, всесторонность и объективность при исследовании материалов дела, вынесение законного и обоснованного решения. Однако в настоящее время задача состоит в том, чтобы значительно поднять роль указанных государственно-правовых и общественно-правовых средств в судебной защите прав граждан.

Закрепленное в Конституции СССР право на судебную защиту охватывает не только право на обращение в суд за защитой прав и законных интересов, но и обязанность суда при наличии достаточных оснований удовлетворить законные требования граждан. Следовательно, ст. 57 Конституции СССР включает в себя процессуальные и материально-правовые основания права на судебную защиту.

В теоретической разработке нуждаются и положения ч. 2 ст. 58 Конституции СССР. Предоставление права обжаловать в суд действия должностных лиц, совершенные с нарушением

закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, требует значительного расширения судебной подведомственности дел, которые возникают из административных, жилищных, трудовых и других правоотношений, связанных с обжалованием действий должностных лиц, разработки порядка обжалования, рассмотрения и разрешения дел и исполнения принятых судом решений. Все это должно найти отражение в подготавливаемом проекте закона. Необходимо решить вопрос, следует ли устанавливать примерный или исчерпывающий перечень действий должностных лиц, которые могут быть обжалованы в суд. В редакционной статье, опубликованной в журнале «Советское государство и право», сказано, что независимость суда, гласность, непосредственность, устность в исследовании доказательств, процессуальные гарантии, обеспечивающие равенство сторон, краткие сроки разрешения споров — все это свидетельствует в пользу судебной юрисдикции. Действия должностных лиц, которые можно обжаловать в суд, в ст. 58 Конституции СССР указаны не через отраслевую принадлежность и конкретное содержание (пенсии, прописка и т. п.), а через различные проявления их противоправности: нарушение закона, превышение полномочий, ущемление прав граждан. Поэтому законодательный акт должен определить только процедуру обжалования в суд, а не материальные основания [5, 1978, № 11, с. 64—65].

Иной точки зрения придерживается А. А. Мельников. Он подчеркивает, что действия, совершенные с превышением полномочий и ущемляющие права граждан, — это частные случаи нарушения закона и поэтому общее конституционное положение требует конкретизации в законе, который необходимо принять в силу ч. 2 ст. 58 Конституции СССР. Автор предлагает установить в законе перечень действий должностных лиц, которые могут быть обжалованы в суд [5, 1978, № 11, с. 69—70].

По нашему мнению, при решении данного вопроса нужно исходить из идей В. И. Ленина о предоставлении каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству [1, т. 6, с. 206] и из смысла речи Л. И. Брежнева, отмечавшего необходимость борьбы с проявлениями в действиях должностных лиц формализма, волокиты, зажима критики [6]. Мы считаем, что при определении подведомственности этой категории дел суду следует не устанавливать примерный перечень действий должностных лиц и органов, которые могут быть обжалованы в суд, а исходить из точного смысла ч. 2 ст. 58 Конституции СССР. Вместе с тем целесообразно перечислить ограничения, т. е. указать случаи, когда нельзя обращаться в суд с жалобами на действия должностных лиц либо органов, учитывая особые условия их работы.

Очень важно детализировать процедуру обжалования и рассмотрения дел в судах, увязав ее с процессуальной формой, ус-

тановленной Основами и ГПК союзных республик, точно определить состав субъектов обжалования. В целях всемерной защиты прав и законных интересов граждан целесообразно предоставить право обжалования незаконных действий должностных лиц не только гражданам, права которых нарушены, но и иным гражданам, организациям и прокурору. Желательно было бы также закрепить за судебными органами право возбуждать такого рода дела по их собственной инициативе на основании сигналов печати либо государственных и общественных организаций.

Немаловажное значение приобретает и вопрос о подсудности этих дел. Следовало бы установить альтернативную подсудность, предоставив лицу, обратившемуся с жалобой, право выбора места рассмотрения дела: по месту его жительства либо по месту работы должностного лица, нарушившего права гражданина.

Во избежание рассмотрения необоснованных жалоб в суде нужно установить предварительное внесудебное разрешение жалобы должностными лицами, государственными или общественными органами с вынесением соответствующего постановления. Что касается процедуры рассмотрения, то жалоба должна рассматриваться судом с вызовом жалобщика и должностного лица. При этом неявка их по уважительным причинам должна служить основанием для отложения разбирательства дела, а неявка по неуважительным причинам не должна препятствовать его рассмотрению. Дело должно рассматриваться в открытом судебном заседании, в коллегиальном составе суда, по общим правилам гражданского судопроизводства, за отдельными изъятиями, установленными для данной категории дел. Целесообразно участие в процессе прокурора и представителей общественных организаций либо трудовых коллективов.

Решение суда должно быть мотивированным, содержать точные указания на то, какие именно действия должностных лиц или органов совершены с нарушением закона, с превышением полномочий, с ущемлением прав граждан.

Актуальным является вопрос и о последствиях рассмотрения жалобы. В случае установления обоснованности жалобы необходимо предоставить суду право отменить незаконное действие (действия) должностного лица или органа и обязать его в определенный срок принять в пределах предоставленных ему прав законное решение. В зависимости от характера дела можно обязать должностное лицо или орган самому отменить свое незаконное действие и принять правильное решение. Если же должностным лицом никаких действий для удовлетворения требований жалобщика совершено не было, обязать их совершить. В законе следует установить, что решения народных судов, не вступившие в законную силу, по такого рода делам могут быть обжалованы или опротестованы в кассационном

порядке, а решения, вступившие в законную силу, опротестованы и пересмотрены в порядке судебного надзора.

Наконец, в законе необходимо определить порядок исполнения решения. Следует установить, что исполнение решений по этим делам производится по правилам, установленным в ГПК союзных республик. Однако надо указать, что в случае неисполнения должностным лицом или органом решения народного или иного суда в установленный срок по неуважительной причине суд накладывает штраф в размере до 50 р., который взыскивается в доход государства. Взыскание штрафа не освобождает должностное лицо или орган от реального исполнения решения. В случае же последующей просрочки исполнения решения суда размер взыскиваемого штрафа удваивается.

С учетом изложенного полагаем, что в ГПК союзных республик следует внести новую главу «Жалобы на действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан».

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, 36. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., Политиздат, 1976. 592 с. 3. Гуреев Л. П. Защита личных и имущественных прав. М., Наука, 1966. 183 с. 4. Стоякин Г. Я. Понятие защиты гражданских прав/Уч. труды Свердловск. юрид. ин-та, 1973, вып. 27, с. 27—39. 5. Сов. государство и право. 6. Правда, 1979, 3 марта.

**Н. И. Загородников, засл. деят. науки РСФСР,
д-р юрид. наук**

Московская высшая школа милиции

КОНСТИТУЦИЯ СССР И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Классики марксизма-ленинизма рассматривали политику как область отношений между классами, нациями, социальными группами. Политика, указывал В. И. Ленин, «...есть область взаимоотношений между *всеми* классами» [2, т. 6, с. 79]. Как объективно существующее в обществе явление, политика представляет собой реально сложившиеся и постоянно развивающиеся отношения между классами и внутри классов. Отношения между классами и социальными группами чаще всего происходят в рамках государства, в процессе осуществления им своих функций. В. И. Ленин в заметках «План статьи «К вопросу о роли государства» писал, что «...политика есть участие в делах *государства*, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...» [2, т. 33, с. 340]. В условиях общенародного государства советский народ, трудящиеся в разных формах с большой ак-

тивностью принимают участие в деятельности всех звеньев государства.

Политика как категория надстроечная в своей основе имеет экономический строй общества — экономический базис. Ф. Энгельс указывал: «...Политику, ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот» [1, с. 220].

Отношения между нациями и классами и внутри них, которые выступают как политика, имеют определенную целенаправленность, включающую в себя вопросы власти, государственного и общественного устройства, социальной структуры общества, характера и содержания общественных отношений и т. п.

В наших условиях определение социального содержания политики и ее направленности осуществляется Коммунистической партией на основе объективных закономерностей развития общества, с учетом того, что «... политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий» [2, т. 14, с. 190]. Выработка политики заданного курса, путей и средств осуществления поставленных задач, требует глубокой политической зрелости, верности идеям коммунизма, преданности делу рабочего класса, большой гибкости и умения. В. И. Ленин отмечал: «Все искусство управления и политики состоит в том, чтобы своевременно учесть и знать, где сосредоточить свои главные силы и внимание» [2, т. 40, с. 85].

В целях реализации политической линии кроме государства создаются и используются различные учреждения, орудия и средства, к числу которых относится и право. В. И. Ленин говорил, что закрепление политики в законе делается «... для устранения всякой возможности отклонения от нее» [2, т. 45, с. 244]. Именно через советские законы Коммунистическая партия и Советское государство закрепляют политические ориентиры, генеральную перспективу развития общества, определяют курс его движения вперед. Право является важнейшим средством проведения в жизнь советской политики. В законах и других юридических нормах выражаются и в то же время приобретают форму общеобязательного веления основные направления советской политики, практически реализуются политические идеи, взгляды, намеченная политическая линия.

Конституция СССР 1977 г. стала событием особой важности в деле закрепления советской внешней и внутренней политики. Характеризуя КПСС как руководящую и направляющую силу советского общества, Основной Закон СССР указывает, что наша партия, являясь ядром его политической системы, определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР.

Линия внешней и внутренней политики отражает современный этап экономической и социальной политики развитого со-

циалистического общества. Он характеризуется дальнейшей демократизацией всех сторон жизни и деятельности социалистического государства, советского права, новыми средствами и приемами последовательного обеспечения социалистической законности, знаменует собой самый передовой, последовательно гуманный порядок взаимоотношений государства и личности, равноправия граждан, реальность многогранных прав и свобод советских людей.

Большое внимание в условиях развитого социализма уделяется социальной политике, которая оказывает руководящее и преобразующее воздействие на области дальнейшего совершенствования социалистических общественных отношений, условия жизни и деятельности людей, формирование их социального сознания и поведения. Социальная политика направлена на улучшение жизни наших людей путем обеспечения более полного удовлетворения возрастающих материальных и духовных потребностей народа, последовательного развития социалистического образа жизни, дальнейшего совершенствования социальной структуры советского общества, внедрения коммунистических идеалов и убеждений в сознание граждан.

Социальная политика, формирующая и совершенствующая социалистический образ жизни, предполагает определенное воздействие на общество в целях преодоления причин, обуславливающих антисоциальное поведение. Такое поведение, одной из наиболее опасных форм которого является преступность, в силу ряда экономических, социальных, социально-психологических и других факторов еще имеет место в нашем обществе. Есть все основания для выделения такого аспекта социальной политики, который состоит в направляющем воздействии на антисоциальное поведение, имеющее форму преступлений, в целях его пресечения и предупреждения. Эту часть социальной политики можно назвать уголовной политикой или политикой в области борьбы с преступностью.

Для успешной реализации советской уголовной политики существенное значение имеет единообразное ее понимание, однако в литературе по этому вопросу высказаны различные суждения. Так, А. А. Герцензон писал, что «уголовная политика — это часть общей политики социалистического государства, наряду с политикой экономической, социально-культурной и т. д. Она направляет деятельность органов государственной власти и общественности в борьбе с преступлениями и иными общественно-опасными поступками, основываясь на точном исполнении законов» [4, с. 178]. Такое широкое понимание уголовной политики едва ли оправдано. Преодоление антисоциального поведения, которое может выступать и в форме общественно-опасных, но не преступных действий, не может быть отнесено к сфере уголовной политики. Пути воздействия на

поведение такого рода определяются общей социальной политикой, направленной на воспитание нового человека.

Высказывается мнение о том, что уголовная политика в своем арсенале борьбы с преступностью имеет только средства государственного принуждения: «Уголовно-политические средства борьбы с преступностью, как бы они ни трансформировались, всегда сохраняют насильственный характер» [5, с. 12]. Представляется, однако, что уголовная политика использует не только принуждение, но и меры воспитания, предусмотренные уголовным, судебным, исправительно-трудовым и, частично, административным правом, опираясь на широкую профилактическую работу с использованием социальных мер различного плана. Поэтому более приемлемо понимание уголовной политики как направляющего воздействия специальных мер государства и общественности на преступность путем пресечения преступлений и предупреждения преступности [3, с. 28; 6, с. 30; 7, с. 4—5].

Закрепление единой политики в области борьбы с преступностью в нормах различных и самостоятельных отраслей права дает основание выделить в качестве составных ее частей уголовную политику в узком смысле этого слова, судебную политику и исправительно-трудовую (или уголовно-исполнительную) политику, которые соответственно закрепляются и реализуются средствами уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права (в перспективе — нормами уголовно-исполнительного законодательства).

Уголовная политика в узком смысле этого слова определяет цели и задачи борьбы с преступностью, средствами уголовного права, вырабатывает общие начала принятия, вступления в силу и действия уголовного закона, основание уголовной ответственности, общие критерии криминализации и декриминализации действий людей, определяет круг допустимых мер государственного принуждения, выступающих в качестве наказания, цели, порядок и основания назначения и освобождения от наказания.

Конституция СССР закрепила линию советской уголовной политики в условиях развитого социалистического общества и создала предпосылки для успешного ее выполнения. Основной Закон СССР вновь подтвердил единственно правильный, демократический, отражающий основные позиции социалистической национальной политики, принцип издания уголовных законов в союзном, многонациональном государстве. Так, п. 4 ст. 73 определяет, что ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и управления подлежит «обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории СССР, установление основ законодательства Союза ССР и союзных республик». Это означает, что каждая союзная республика на базе общесоюзных Основ уголовного

законодательства разрабатывает свой Уголовный кодекс с учетом национальных особенностей, социальных традиций, уровня развития науки и сложившейся практики. Издание Уголовного кодекса — признак суверенитета национальных республик, образующих советское союзное государство, что позволяет разнообразить творческую инициативу каждой республики при определении уголовно-правовых мер защиты советского строя, личности и всего социалистического правопорядка, дает возможность сделать опыт законодательной деятельности в области борьбы с преступностью одной республики достоянием всех союзных республик.

Конституция СССР предусматривает последовательно демократические и гуманные начала отправления правосудия и содержит положения, позволяющие реально обеспечить права и свободы советских граждан. Она сохраняет и развивает одну из важнейших гарантий прав личности, состоящую в том, что гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора (ст. 54). Это положение не только гарантирует неприкосновенность личности, но является принципиальной основой, на которой строится деятельность органов социалистического правосудия, развиваются тенденции ее дальнейшей демократизации. Конституция установила новое последовательно демократическое и подлинно гуманное положение, заключающееся в том, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 160). В этой статье Конституции закреплены и одновременно намечены пути решения важнейшего направления советской уголовной политики, состоящего в том, что только суд может признать лицо виновным в совершении преступления. В связи с этим и освобождение лица от уголовной ответственности, если оно признается виновным в совершении преступления, должно быть отнесено к компетенции суда.

Необходимость предоставления права освобождения от уголовной ответственности по всем основаниям, содержащимся в законе, только суду вытекает из того, что это освобождение возможно при том неременном условии, что освобождаемое лицо совершило умышленно или по неосторожности общественно опасное деяние, предусмотренное в уголовном законе как преступление. Если не установлено, что лицо совершило конкретное преступление, предусмотренное определенной статьей УК, не может быть и речи об освобождении такого лица от уголовной ответственности.

Признание лица совершившим преступление — очень сложное и ответственное решение. В этом случае необходимо выяснение всех обстоятельств дела, выявление фактических признаков,

характеризующих все элементы состава совершенного преступления (мотив деяния, тяжесть наступивших последствий, обстоятельства, характеризующие личность преступника, обстановка и т. п.). Все это требует квалифицированного, основанного на законе, беспристрастного, мудрого и коллегиального решения. В условиях все расширяющейся социалистической демократии, новых мер, принимаемых в целях гарантии прав личности, решение вопроса о признании лица виновным в совершении преступления в любом случае может принадлежать только коллегиальному органу правосудия — суду.

В связи с этим полезно еще раз напомнить слова В. И. Ленина о соблюдении единой законности и роли суда как органа местной власти, «... которая обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам или даже признать таких-то лиц по суду оправданными» [2, т. 45, с. 198—199].

Советская уголовная политика считает, что основанием уголовной ответственности является совершение умышленно или по неосторожности предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, преступления. Между тем некоторые авторы утверждают, что основанием уголовной ответственности является состав преступления, хотя единство взглядов на состав преступления отсутствует.

Если под составом преступления понимать реально совершенное преступление, то тогда нет оснований для дискуссии. Здесь имеет место лишь расхождение в терминах. Но если признать, что состав преступления не адекватен совершенному преступлению, не синоним совершенного преступления, то такая путаница может привести к ненужным осложнениям в проведении единых начал социалистической законности.

Не менее важным является и вопрос о целях наказания, в частности о том, является ли возмездие целью наказания. Несмотря на мнения таких ученых, как Н. А. Беляев, И. И. Карпец, Ю. М. Ткачевский, представляется, что возмездие не является целью наказания.

Цели наказания, указанные в ст. 20 Основ уголовного законодательства, — это цели, стоящие перед наказанием как уголовно-правовым институтом. Но перед наказанием стоят и социальные цели, как перед мерой государственного принуждения, имеющей большой социальный спектр воздействия на людей и применяемой в связи с таким специфическим деянием человека, как преступление. Эти цели не определяются в уго-

ловном законе, они содержатся в социальных нормах, представлениях людей о добре и зле, в общественном правосознании граждан. В рассматриваемом плане целью наказания выступает обеспечение справедливости при разрешении каждого конкретного социального конфликта, выразившегося в совершении преступления. Назначенное наказание по своему виду и размеру, включающее в свое содержание элементы кары и воспитания, является мерилом того уровня справедливости, которое достигается назначением определенной меры государственного принуждения в связи с деянием, обладающим определенной степенью общественной опасности.

Советская уголовная политика, основываясь на указаниях классиков марксизма-ленинизма о значении социальных изменений при преодолении преступности, считает своей важнейшей линией предупреждение преступлений. Исходя из социальных возможностей общенародного государства, реальности выполнения в условиях развитого социализма поставленных партией задач более полного удовлетворения возрастающих материальных и духовных потребностей народа, последовательного развития социалистического образа жизни, дальнейшего совершенствования социальной структуры нашего общества, Программа КПСС определила в качестве главного направления советской уголовной политики предотвращение преступлений. Вся правотворческая и правоприменительная деятельность, практическая работа органов правосудия и административных органов организуется с учетом обеспечения эффективного выполнения работы по предупреждению преступности, включая социальную и индивидуальную профилактику.

Советская уголовная политика опирается на коммунистическую мораль. Это проявляется во взгляде на преступление и наказание с позиции оценки категорий добра и зла в условиях общества, состоящего из дружественных классов, объединенных единством целей построения развитого социалистического общества, а затем и коммунизма. Проводимая советской уголовной политикой линия в области борьбы с преступностью опирается на идеи справедливости, нравственные идеалы советского народа, впитавшего в себя все лучшие моральные и нравственные начала, выработанные предшествующими поколениями. При раскрытии моральных критериев советской уголовной политики следует особо подчеркнуть ее стремление к правдивости, изжитию лицемерия и недопустимости отступления от правды даже по таким острым вопросам, как борьба с преступностью. «...Пролетариат нуждается в правде, — указывал В. И. Ленин, — и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь» [2, т. 39, с. 97]. Советская уголовная политика стремится достоверно оценивать состояние дел в ликвидации преступности, четко и определенно указывать пути преодоления этого сложного

социального явления, привлекать к борьбе с ним самые широкие массы трудящихся.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* К истории союза коммунистов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 214—232. 2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, 14, 33, 39, 40, 45. 3. *Бородин С. В.* Теоретические проблемы советской уголовной политики. — В кн.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., Юрид. лит., 1977. 4. *Герцензон А. А.* Уголовное право и социология. М., Юрид. лит., 1970. 5. *Исмаилов И. А.* Уголовная политика как сложная система /Уч. зап. МВиССО АзССР. Сер. юрид. науки, 1975, № 1. 6. *Кудрявцев В. Н.* Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики. — В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М., Юрид. лит., 1975. 7. *Стручков Н. А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.

М. И. Бажанов, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

КОНСТИТУЦИЯ СССР И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОСНОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Развитие советской социалистической демократии предполагает в качестве своего необходимого условия укрепление основы государственной и общественной жизни, что немислимо без дальнейшего совершенствования законодательства. «...Вопрос, которым мы постоянно занимались, — подчеркивал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — это **вопрос совершенствования нашего законодательства, укрепления социалистического правопорядка**» [2, с. 81]. Сказанное в полной мере относится и к уголовному законодательству, в которое также должны вноситься необходимые изменения и дополнения, отвечающие потребностям действительности. Новеллы, внесенные в Основы уголовного законодательства Указами Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г., а также дополнение УК УССР в феврале 1978 г. ст. 220¹, установившей ответственность за нарушение противопожарных правил, — достаточное подтверждение этому.

Среди проблем, связанных с совершенствованием уголовного законодательства, в центре внимания прежде всего должны находиться вопросы, непосредственно вытекающие из предписаний Конституции СССР, носящие наиболее общий характер. К ним, в частности, следует отнести вопрос о компетенции Союза ССР и союзных республик в сфере издания уголовных законов. Затем на этом основании необходимо выяснить перспективы и объем изменений и дополнений, которым должны подвергаться общесоюзные уголовные законы, в первую очередь Основы уголовного законодательства 1958 г.

Совершенствование уголовного законодательства предполагает выяснение вопроса о компетенции Союза ССР и союзных республик в этой законодательной сфере. Данный вопрос принципиально был решен Законом от 11 февраля 1957 г., изменившим п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. Если ранее к ведению Союза ССР относилось издание УК СССР, то согласно названному закону компетенция Союза ССР была ограничена принятием Основ, а издание УК было отнесено к сфере законодательства союзных республик. Это полностью соответствовало решениям XX и XXII съездов КПСС, существенно расширившим права союзных республик. Такое расширение прав в сфере законодательства правильно расценивается как важный шаг по восстановлению нашей партией ленинских принципов советской демократии, принципов соотношения общесоюзного и республиканского законодательства, зафиксированных еще в Конституции СССР 1924 г. [10, с. 26—29; 6, с. 63].

Конституция СССР 1977 г. закрепила применительно к уголовному законодательству эту союзно-республиканскую компетенцию, которая была установлена Законом от 11 февраля 1957 г. Ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти подлежит обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории СССР, установление Основ законодательства Союза ССР и союзных республик (п. 4 ст. 73). Отсюда следует, что за союзными республиками остается право издания всех иных уголовных законов, принятие которых не является исключительной прерогативой Союза ССР.

При союзно-республиканской компетенции решающее значение имеет установление единства в главном, принципиальном, которое вместе с тем дает полную возможность союзной республике как суверенному государству проявить свою самостоятельность, свои суверенные права по созданию своих уголовных законов, а практически УК, где, как известно, сосредоточены все уголовные законы, в том числе и общесоюзные (см., напр., ст. 2 УК УССР). Здесь уместно напомнить слова В. И. Ленина: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля...» [1, с. 203].

При союзно-республиканской компетенции республики связаны лишь пределами, которые установлены союзными уголовными законами. Вне этих пределов, в сфере исключительной компетенции республик, может быть принято любое решение законодательным органом республики [7, с. 9]. В связи с этим совершенно обосновано наличие в УК республики и положений, отличающихся от соответствующих норм УК других союзных республик. Суверенное право каждой республики иметь собственное законодательство делает такие отличия нормативных актов республик неизбежными и необходимыми [9,

с. 39—40]. Поэтому кроме норм УК, воспроизводящих общесоюзные уголовные законы или их развивающих, чем создается единство всего уголовного законодательства в масштабах Союза ССР, большинство норм УК союзных республик является нормами первоустанавливающими, отражающими не только и не столько их национальные особенности, сколько широту и многообразие их опыта, поиски оптимального решения вопросов борьбы с преступностью. Следовательно, различия в УК союзных республик — это логичный и естественный результат их суверенной законодательной деятельности.

Необходимо отметить, что в законодательстве союзных республик проявляется отчетливая тенденция к сходному решению большинства вопросов. Поэтому в УК чаще имеются сходные решения тех или иных вопросов, чем различия в подходе к их законодательной регламентации. Здесь играет свою роль многолетнее содружество советских республик, заимствование опыта законодательного регулирования и правоприменительной деятельности. В то же время полная унификация норм УК союзных республик по существу противоречила бы идее расширения их суверенитета в сфере издания уголовных законов.

Изложенное дает основание внести определенные коррективы в широко распространенные, особенно в авторефератах диссертаций, высказывания, требующие на основе сопоставления различий в соответствующих нормах УК союзных республик их полной унификации. Причем эти предложения делаются лишь в силу имеющихся соответствующих различий, а не на основе серьезных аргументов, отражающих необходимость таких выводов. Конечно, есть нормы, унификация которых желательна, однако распространять такое положение на все без исключения случаи при наличии различий необоснованно.

После принятия Закона от 11 февраля 1957 г., установившего союзно-республиканскую компетенцию в сфере уголовного законодательства, все еще остались сторонники создания единого УК СССР. Так, утверждалось, что успешной борьбе с преступностью мешают недостатки законодательства, которые объясняются тем, что у нас нет единого УК СССР [3, с. 12]. За издание УК СССР выступал и С. А. Домахин [4, с. 390]. Эта точка зрения противоречит принципам распределения законодательной компетенции в социалистической федерации, какой является Советский Союз, объективно ведет к ущемлению суверенитета союзных республик, не говоря уже о том, что объяснять недостатки в борьбе с преступностью в качестве главного довода лишь наличием дефектов в законодательстве вообще неправильно. Но если все это утверждалось до принятия Конституции СССР 1977 г., то сейчас, после четкого решения данного вопроса выдвигать вновь идею создания УК СССР совершенно неуместно. Однако, если не в печати, то в выступлениях

на конференции в г. Москве в октябре 1978 г. такие высказывания имели место.

В связи с затронутым вопросом следует рассмотреть своеобразную позицию М. И. Ковалева, выступающего за создание УК СССР, который должен действовать наряду с УК союзных республик. Идея М. И. Ковалева сводится к тому, что все общесоюзные уголовные законы необходимо кодифицировать, включив их в УК СССР. В этот кодекс должны войти Основы уголовного законодательства, законы о государственных и воинских преступлениях и все общесоюзные уголовные законы. Деяния, подпадающие под действие общесоюзных законов, на территории какой бы союзной республики они не совершались, подлежали бы квалификации по этому союзному уголовному кодексу, и приговор любого суда выносился бы именем Союза ССР [8, с. 54].

Система, предложенная М. И. Ковалевым, объективно противопоставляет законодательство Союза ССР законодательству союзной республики, приводит к дуализму норм уголовного права. Если сейчас общесоюзные уголовные законы входят в качестве составной части в законодательство союзных республик, т. е. в их УК, то при системе М. И. Ковалева это будут две ветви параллельно действующего законодательства. Критикуемая точка зрения не учитывает, что нормы общесоюзных уголовных законов опосредствуются в нормах УК союзных республик и, следовательно, в них выражается воля как общесоюзного, так и республиканского законодателя. Далее, создание такого УК СССР привело бы к сложностям на практике, так как даже при применении общесоюзного закона суд не мог бы отвлечься от тех конкретных условий, которые складываются в борьбе с преступностью в пределах союзной республики. Наконец, право выносить приговоры именем Союза ССР, если его, как считает М. И. Ковалев, предоставить судам союзной республики, не согласуется с тем, что эти суды получают свои полномочия не от Союза ССР, а от представительных органов союзной республики или даже от граждан района (города), которые такие суды избирают.

Таким образом, следует признать, что закрепленная в Конституции СССР 1977 г. союзно-республиканская компетенция в области уголовного законодательства является единственно приемлемой для нашего советского федеративного государства.

Обратимся теперь к конкретизации п. 4 ст. 73 Конституции СССР, который относит к ведению Союза ССР обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории СССР, установление Основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Прежде всего, отметим, что в отличие от ранее действовавшей нормы Конституции 1936 г. (п. «х» ст. 14), говорящей лишь об издании Основ, п. 4 ст. 73 Конституции 1977 г. наряду с установлением Основ к компетенции Союза ССР

относит и обеспечение законодательного регулирования на всей территории СССР. Таким образом, действующая Конституция различает: 1) Основы законодательства и 2) другие законы, обеспечивающие необходимое единство правового регулирования на территории всего Союза.

До принятия Конституции СССР 1977 г. в литературе было широко распространено мнение о том, что понятие Основ в том смысле, как это было предусмотрено Конституцией 1936 г., нельзя отождествлять с формой законодательного акта — Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Так, Н. Д. Дурманов писал, что Основы уголовного законодательства включают также и общесоюзные законы, устанавливающие ответственность за некоторые виды преступлений [5, с. 156—157]. Ту же мысль развивал ранее Б. С. Никифоров [11, с. 43]. И эта точка зрения была тогда правильной, полностью вытекала из п. «х» ст. 14 Конституции 1936 г. в редакции Закона от 11 февраля 1957 г. Однако в настоящее время в свете положений п. 4 ст. 73 Конституции 1977 г. это мнение должно быть пересмотрено. В Конституции понятие Основ законодательства точно отвечает той форме, в которой принимаются соответствующие законодательные акты. Применительно к уголовному законодательству под Основами Конституция понимает лишь Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Все остальные общесоюзные уголовные законы, принимаемые Союзом ССР, не охватываются понятием Основ, а составляют самостоятельную группу, издаваемую, как сказано в п. 4 ст. 73, для обеспечения единства законодательного регулирования на всей территории СССР. Этого, как представляется, не учитывал В. А. Кирич, который после принятия Конституции 1977 г. продолжал отстаивать мнение о всеобъемлющем характере Основ [7, с. 10].

Формулировка Конституции об обеспечении единства законодательного регулирования должна быть включена в ч. 2 ст. 2 действующих ныне Основ уголовного законодательства 1958 г. Сейчас в ней сказано: «Общесоюзные уголовные законы определяют ответственность за государственные и воинские преступления, а в необходимых случаях и иные преступления, направленные против интересов Союза ССР». Последние слова ч. 2 ст. 2 Основ недостаточно точны, и законодательная практика пошла по пути широкого понимания «преступлений, направленных против интересов Союза ССР». Вряд ли принятие общесоюзных уголовных законов об ответственности за изнасилование или за хулиганство соответствовало формулировке ч. 2 ст. 2 Основ, так как, по-видимому, требуется существенная натяжка для признания, что указанные преступления направлены «против интересов Союза ССР». Чтобы привести положения ч. 2 ст. 2 Основ в полное соответствие с п. 4 ст. 73 Конституции СССР, их можно изложить, например, в следующей ре-

дакции: «Общесоюзные уголовные законы определяют ответственность за государственные и воинские преступления, а в необходимых случаях и за иные преступления, уголовная ответственность за которые требует единства законодательного регулирования на всей территории Союза ССР». Последние слова можно сформулировать и так: «...и за иные преступления, законодательство об ответственности за которые требует обеспечения единства на всей территории Союза ССР». Эти или подобного рода формулировки указанной статьи Основ будут полностью соответствовать не только сложившейся законодательной практике, но и потребностям объективной криминологической действительности. В связи с этим задача науки уголовного права состоит в том, чтобы очертить круг тех преступлений, законодательство об ответственности за которые требует обеспечения единства на всей территории Союза ССР. Не пытаясь, конечно, полностью решить эту проблему, можно наметить некоторые исходные положения, опираясь при этом на большой опыт законотворческой деятельности.

Единство законодательства в области криминализации отдельных преступных деяний в масштабах всего Союза ССР должно определяться по крайней мере следующими критериями: 1) особой важностью объекта посягательства; 2) особой тяжестью преступления; 3) достаточной распространенностью посягательства на территории всей страны; 4) наличием специальных международных соглашений, заключенных Союзом ССР, в соответствии с которыми и устанавливается уголовная ответственность.

Первый критерий — особая важность объекта посягательства — обуславливает необходимость единства уголовной ответственности за государственные и воинские преступления в пределах всей нашей страны. Такое единство законодательного регулирования известно советскому праву с 1927 г. и сохранено действующими законами об уголовной ответственности за указанные виды преступлений.

Второй критерий — особая тяжесть преступления (тоже в определенной мере связан с важностью объекта) — дает основание для установления ответственности за такие, например, преступления, как хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах или изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах.

Третий критерий — достаточная распространенность преступления — позволяет установить единую уголовную ответственность в пределах Союза ССР, например за хулиганство.

Наконец, в силу четвертого критерия Союз ССР устанавливает, например, единую уголовную ответственность за угон воздушного судна, за преступное обращение с наркотическими веществами и т. п.

В связи с принятием Конституции СССР возникает необходимость в изменении и дополнении действующего общесоюзного уголовного законодательства, в первую очередь Основ 1958 г. Этот уголовный закон действует уже более двадцати лет и характеризуется большой стабильностью. Изменения и дополнения, которые внеслись в Основы, касались наиболее подвижного элемента уголовной политики — применения наказания (регламентация видов лишения свободы, унификация понятия особо опасного рецидивиста, условно-досрочное освобождение от наказания, основания освобождения от наказания и уголовной ответственности). Наиболее существенные изменения и дополнения были внесены в 1969 и 1977 гг. и отражали основные направления советской уголовной политики — усиление борьбы с наиболее опасными преступлениями и рецидивистами и более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы, введение институтов, заменяющих наказание и уголовную ответственность другими более мягкими видами ответственности.

Совершенствование Основ уголовного законодательства — дело большой государственной важности и значения. В этом отношении сейчас достаточно определенно наметились три точки зрения. Наиболее крайняя из них исходит из необходимости сразу же приступить к изданию новых Основ, подвергнув действующие коренной реформе. Вторая точка зрения менее ригористична. В соответствии с ней следует внести изменения и дополнения в действующие Основы во всех их нормах и институтах. Если учитывать, что нет ни одной нормы Основ, которая в той или иной мере не требовала бы совершенствования, то рассматриваемая точка зрения мало чем отличается от первой, так как влечет фактически их полный пересмотр. Наконец, существует третья точка зрения, которая представляется наиболее предпочтительной. Она исходит из того, что в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г. изменения и дополнения должны вноситься лишь в те положения, которые непосредственно вытекают из Конституции СССР. Что касается реформы Основ, то это дело ближайшего будущего, и оно требует серьезной подготовки. Ведь в настоящее время кроме разрозненных и иногда противоречивых предложений об изменениях и дополнениях почти каждой нормы Основ в нашем распоряжении ничего нет. Безусловно, необходимы анализ этих предложений, их систематизация, составление проекта Основ, описание различных вариантов соответствующих статей, детальное его обсуждение на конференциях, совещаниях, в юридической печати, с тем чтобы данный проект был представлен в законодательные органы в наиболее оптимальном виде.

Такая реформа Основ, базирующаяся на Конституции СССР и Законе о ее принятии, предполагает в качестве исходных определенные источники. Прежде всего, это действующее уголовное

законодательство. Должны быть оставлены неизменными те его положения, которые являются ключевыми и выдержали испытание временем (речь идет о дефинитивных нормах, закрепляющих принципы уголовной ответственности, и др.), возможно, в уточненных и дополненных формулировках.

Другим источником реформы Основ должна быть судебная практика. Здесь особое внимание следует уделить конкретизированным предписаниям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, а также правовоположениям, выработанным в результате применения норм уголовного права вышестоящими судебными инстанциями.

Эти правовые реальности, или, как говорят, «продукты права», дают возможность развить и дополнить нормы Основ в соответствии с их принципами и исходными положениями. Достаточно, например, назвать неоднократно формулированное постановлениями Пленума Верховного Суда СССР предписание, согласно которому освобождение лица от дополнительного наказания, предусмотренного в санкции статьи, по которой квалифицировано преступление, возможно лишь по основаниям и в порядке ст. 37 Основ; или правовоположение, сформулированное вышестоящими судебными органами, согласно которому если при совокупности приговоров за вновь совершенное преступление назначен максимум данного вида наказания, окончательное наказание назначается по принципу поглощения неотбытой части наказания по первому приговору.

Весьма важным источником реформы Основ выступают научные исследования советских криминалистов и криминологов. Почти все нормы Основ подвергались тщательному изучению с точки зрения не только их правильного применения, но и эффективности. Многие положения действующих Основ уголовного законодательства явились результатом развития советской науки (например, определения форм вины, соучастия и др.). В настоящее время положения, разработанные в науке, также должны учитываться при подготовке проекта новых Основ.

Наконец, в качестве источника реформы Основ должны быть использованы нормы УК союзных республик. Имеется в виду, например, ч. 3 ст. 15 УК УССР, определяющая правомерность действий по задержанию преступника, или ст. 12 УК ГССР, устанавливающая, что «если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжелого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление такого последствия».

При подготовке новых Основ следует обратиться и к нормам Общей части УК других социалистических государств, изучить опыт их последних кодификаций (подробное регулирование вопросов о пределах действия уголовного закона, ответственности при фактической ошибке, более широкая обрисовка круга обсто-

ятельств, исключающих общественную опасность деяния, решение вопроса об ответственности при посредственном причинении и др.).

Лишь при такой всеобъемлющей работе могут быть приняты новые Основы, которые и явятся юридической базой необходимых изменений и дополнений общесоюзных уголовных законов, а затем и новой кодификации в союзных республиках, т. е. принятия ими новых УК.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Как организовать соревнование? — Полн. собр. соч., т. 35, с. 195—205. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, 256 с. 3. Всесоюзное совещание следственных работников. — Соц. законность, 1966, № 8, с. 5—18. 4. Домахин С. А. Развитие и совершенствование системы советского уголовного законодательства. — В кн.: Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Изд-во ЛГУ, 1967, с. 327—391. 5. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. Изд-во МГУ, 1967. 320 с. 6. Кирик В. А. Союзный и республиканский уголовный закон. М., Юрид. лит., 1970. 176 с. 7. Кирик В. А. Законодательство о борьбе с преступностью. М., Юрид. лит., 1978. 220 с. 8. Ковалев М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974, 224 с. 9. Лукьянов А. И., Шебанов А. Ф. Система права в Советском союзном государстве. — Сов. государство и право, 1976, № 9, с. 35—43. 10. Миронов Н. Р. Программа КПСС и вопросы дальнейшего укрепления законности и правопорядка. М., Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 67 с. 11. Никифоров Б. С. Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. — В кн.: Важный этап в развитии советского права. М., ВИЮН, 1960, с. 28—47.

В. Я. Т а ц и й, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК УССР 1922 г.

Задачи по созданию первых советских кодексов были сформулированы В. И. Лениным уже после победы Октябрьской революции. Он указывал, что установление революционной законности возможно лишь при условии разработки и принятия разветвленной, стройной и внутренне согласованной системы правовых актов, отвечающих задачам социалистического строительства в нашей стране [1, т. 35, с. 204; т. 37, с. 285—288; т. 45, с. 15 и др.].

Первый УК Советской Украины разрабатывался одновременно с УК РСФСР и был принят постановлением ВУЦИК от 23 августа 1922 г., в котором, в частности, отмечалось, что «для ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общепасных элементов и для установления твердых основ революционного правосознания Всеукраинский Центральный исполнительный комитет признает необходимым объединить все карательные постановления в уголовный кодекс, приняв — в целях установления единства

уголовного законодательства советских республик — за основу Уголовный кодекс РСФСР» [3].

УК УССР 1922 г. подвел определенный итог той огромной законотворческой деятельности, которая проходила в первые годы существования Советской власти. Он имел важное значение для дальнейшего укрепления законности и активизации борьбы с преступностью в республике.

В Особенной части УК была выделена специальная глава IV «Хозяйственные преступления». Введение такой главы в УК УССР и определение места данной группы преступлений в системе Особенной части УК УССР обуславливалось исключительной важностью охраняемых указанными нормами интересов государства в сложных условиях становления социалистической экономики. Это был период перехода к восстановлению разрушенного иностранной интервенцией и гражданской войной народного хозяйства, к новой экономической политике. Исторические условия хозяйственного строительства, как и predeterminedенные ими задачи борьбы с преступными посягательствами, препятствующими этому процессу, в значительной мере определили не только перечень деяний, которые были отнесены к хозяйственным преступлениям, но и наказание за их совершение.

В главу IV «Хозяйственные преступления» было включено 17 статей (в УК РСФСР 1922 г. — 16), предусматривающих ответственность за трудовое дезертирство, бесхозяйственность, спекуляцию валютой и др. Однако, по нашему мнению, при изучении вопроса о круге хозяйственных преступлений по УК УССР 1922 г. и построении их системы нельзя ограничиваться лишь анализом и оценкой норм, помещенных только в эту главу. Сюда должны быть отнесены все преступления, совершаемые в сфере социалистического хозяйствования и причиняющие ущерб социалистической системе хозяйства.

Иными словами, в данную группу необходимо включить все те предусмотренные уголовным законом преступления, родовым объектом которых является социалистическая система хозяйства. С целью ее охраны от общественно опасных посягательств и устанавливалась уголовная ответственность, даже если статьи об ответственности за них были помещены в других главах УК. Поэтому к группе хозяйственных преступлений по УК УССР 1922 г. необходимо также отнести преступления против установленного порядка налоговых обложений (ст. 78—80), подделку денежных знаков государственной оплаты (ст. 85), нарушение постановлений о провозе товаров через государственную границу (ст. 97), посягательства на рациональное использование природных богатств (ст. 99) и занятие с целью сбыта типографским промыслом (ст. 101). Все эти деяния были помещены в главу «Преступления против порядка управления».

Конечно, названные преступления очень близко примыкают к группе преступлений против порядка управления и в конечном счете причиняют ущерб и этим общественным отношениям. Но очевидно и то, что все они совершались в сфере экономических отношений и причиняли ущерб прежде всего различным хозяйственным интересам государства, а следовательно, и социалистической системе хозяйства.

Из всей группы хозяйственных преступлений необходимо выделить прежде всего посягательства на интересы государства в области производства. Повышенная общественная опасность этих преступлений определялась важностью всемерной охраны тех общественных отношений, на которые они посягали, и особой опасностью причиняемого ими ущерба. В период перехода от войны к миру, к восстановлению разрушенного хозяйства, к новой экономической политике требовались всемерная охрана и укрепление социалистических общественных отношений в области производства.

В этих условиях особенно важно было обеспечить надлежащую работу советского государственного аппарата и управленческого аппарата хозяйственных организаций. В трудах В. И. Ленина «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О кооперации», «Лучше меньше, да лучше», «Письмо к съезду» и др. обращалось внимание на серьезные недостатки в их работе, обосновывались предложения по совершенствованию и улучшению, предлагалось установить строгую ответственность лиц, злоупотребляющих оказанным доверием, причиняющих своими действиями ущерб социалистическому государству [1, т. 45, с. 343—348, 354, 355, 363—377, 383—406].

В целях активизации борьбы с подобного рода действиями в ст. 128 УК УССР устанавливалась ответственность за «бесхозяйственное ведение лицами, стоящими во главе государственных учреждений или предприятий, порученного им дела, в результате чего не был выполнен производственный план или ухудшилось качество выпускаемых изделий». Под бесхозяйственностью понимали небрежное, недобросовестное отношение лица к порученному делу, когда это деяние повлекло невыполнение плана или ухудшение качества выпускаемых изделий. Причем в отличие от ранее действовавшего законодательства по ст. 128 субъектом этого преступления могли быть лишь лица, стоящие во главе государственных учреждений. К числу таких лиц в тот период относили заведующих, управляющих, директоров, начальников учреждений или членов коллегий, если во главе учреждения либо предприятия стояла коллегия.

К рассматриваемой группе преступлений относится и расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния в виде средств производства (ст. 129).

Близко к этой группе примыкают и преступные посягательства на интересы государства по рациональному использованию трудовых ресурсов и охраны трудовых прав граждан. К числу этих преступлений относится трудовое дезертирство (ст. 126), под которым понималось «уклонение от учета или регистрации, установленных органами, объявляющими либо проводящими трудовую мобилизацию, или от явки на работу, а также самовольное оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации». Следовательно, преступлением признавались не любые случаи уклонения от работы, а только уклонения от работы, которая проводилась в порядке трудовой повинности. Согласно же ст. 11 Кодекса о труде привлечение к работам в порядке трудовой повинности допускалось лишь в исключительных случаях, а именно: при борьбе со стихийными бедствиями или при «недостатке в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий».

Примечательно, что в УК УССР 1922 г. устанавливалась уголовная ответственность не только лиц, уклоняющихся от работы по трудовой повинности, но и за «бесхозяйственное использование заведующим учреждением или управляющим государственным предприятием рабочей силы, предоставленной учреждению или предприятию в порядке трудовой повинности...» (ст. 127). Под бесхозяйственным использованием рабочей силы понимали хозяйственно нецелесообразное, непродуктивное ее использование. Сюда относили, например, случаи направления на работу не по специальности, несоразмерное распределение рабочей силы, что отрицательно сказывалось на ритмичности предприятия, плохое обеспечение рабочих инструментом, материалами и т. д.

По степени общественной опасности и характеру причиняемого ущерба близко примыкают к упомянутым и такие преступления, как нарушение законодательства о труде (ст. 132), нарушение нанимателем коллективных договоров (ст. 133), воспрепятствование деятельности фабзавкомов (месткомов) профсоюзов и их уполномоченных (ст. 134) и некоторые другие. Эти преступления не только нарушали трудовые права работников, но и в той или иной мере препятствовали наиболее рациональному использованию рабочей силы в интересах хозяйственного строительства, т. е. в конечном счете причиняли ущерб социалистической системе хозяйства. Этим и объясняется, что законодатель отнес названные общественно опасные деяния к хозяйственным преступлениям.

Наиболее многочисленную группу составляют хозяйственные преступления в области финансов и посягательства на монопольные интересы государства. Особое место занимают здесь различные налоговые нарушения (отказ от внесения налогов денежных и натуральных — ст. 78, неуплата их в срок или сокрытие предметов, подлежащих обложению, — ст. 79, 80).

Такая обстоятельная регламентация в УК УССР этих преступлений объясняется их значительным распространением, что препятствовало рациональному использованию данного источника доходов государства.

К преступным посягательствам на финансовые интересы государства необходимо отнести подделку денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты (ст. 85). Предметом этого преступления могли быть находящиеся в обороте государственные казначейские билеты и билеты государственного банка, ценные бумаги, марки, билеты на проезд различными видами транспорта и др.

К хозяйственным преступлениям должны быть также отнесены и различные посягательства на монопольные интересы государства (контрабанда — ст. 97), нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий, — ст. 136 и др.). Сосредоточение в руках государства исключительного права на эти виды деятельности позволило ему занять важнейшие командные экономические высоты и подчинить внешнюю торговлю и иные монополизированные виды деятельности интересам быстрого восстановления разрушенного народного хозяйства. Кроме того, государственная монополия на данные виды деятельности способствовала вытеснению капиталистических отношений из сферы социалистического производства, дала возможность защитить социалистическую экономику от проникновения иностранного капитала. В связи со сказанным В. И. Ленин справедливо отмечал: «...Без такой монополизации мы не сможем... защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность» [1, т. 36, с. 183].

Наиболее обстоятельно вопросы ответственности за подобного рода посягательства были регламентированы в ст. 136 УК УССР. Здесь устанавливалась ответственность за посягательства на монополию внешней торговли, на монополию Госбанка, на покупку и продажу золотой, серебряной и платиновой монеты и монополию на сделки с платиной, а также за самовольный лов рыбы в виде промысла в районах общегосударственного и местного значения, за изготовление и продажу флагов, подлежащих вывешиванию. Если в ст. 136 предусматривалась в основном ответственность за незаконное заключение импортных сделок, то незаконное перемещение товаров через государственную границу каралось по ст. 97.

Уголовная ответственность за нарушение правил о валютных операциях была установлена в ст. 138, а за совершение запрещенных сделок с ценными бумагами — в ст. 139¹. По этой же статье наступала ответственность и за совершение запрещенных сделок с недвижимостью и домостроениями.

После окончания иностранной интервенции и гражданской войны с особой остротой встал вопрос об утверждении социа-

листоческих отношений в торговле, улучшении работы по снабжению голодающего населения продуктами питания и необходимыми промышленными товарами. На решение этих задач и была направлена разработанная с участием В. И. Ленина резолюция X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» [2, с. 256—257].

Однако разрешение свободной торговли продуктами питания и некоторыми другими товарами совсем не означало ослабление борьбы с такими опасными преступлениями в области распределения и торговли, как спекуляция (ст. 137), нарушение правил распределения продуктов и предметов первой необходимости (ст. 131), нарушение правил торговли отдельными товарами (ст. 139) и др.

Одним из наиболее опасных и наиболее распространенных преступлений того времени была спекуляция. В этой связи В. И. Ленин указывал: «Спекулянт, мародер торговли, срыва-тель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти» [1, т. 36, с. 297]. Причем под спекуляцией по ст. 137 УК УССР (в редакции постановления ВУЦИК от 10 октября 1923 г.) понималось «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска товаров на рынок, а равно и злостное понижение цен на производящихся государственными организациями публичных торгах, путем распространения ложных, порочащих предмет и условия торгов сведений или иным способом».

В первом УК УССР устанавливалась ответственность и за преступные посягательства на интересы государства в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Значительное влияние на становление этого законодательства оказали труды В. И. Ленина, в которых он разработал научные основы комплексного и рационального использования природных ресурсов [1, т. 18, с. 198; т. 29, с. 172 и др.].

Ответственность за преступные посягательства в области охраны природы и рационального использования природных богатств определялась в ст. 99 УК УССР, которая устанавливала наказуемость за «нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, а равно и ведение лесного хозяйства с нарушениями установленного плана; охота и рыбная ловля в недозволенное время и недозволенных местах и недозволенными способами и приемами; выборка камней, песку и проч. без разрешения надлежащих властей, а равно и разработка недр земли с нарушением установленных правил».

Преступные посягательства на интересы государства в области производства промыслов и занятия отдельными видами деятельности составляют самую малочисленную группу. В основном это объясняется тем, что в условиях новой экономиче-

ской политики были официально разрешены многие виды промыслов и частнопредпринимательской деятельности. Поэтому в УК УССР устанавливалась ответственность лишь за занятие теми промыслами и видами деятельности, которые представляли наибольшую опасность для интересов хозяйственного строительства (самогоноварение — ст. 140, частное посредничество — ст. 141, полиграфический промысел — ст. 101 и др.).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательство рассматриваемого периода содержало достаточно разветвленную систему норм, регулирующих вопросы борьбы с преступными посягательствами на социалистическую систему хозяйства. С учетом же особенностей непосредственных объектов указанных деяний система хозяйственных преступлений по УК УССР 1922 г. может быть представлена в следующем виде.

1. Преступные посягательства на хозяйственные интересы государства в области социалистического производства — бесхозяйственность, расточение арендатором принадлежащих государству средств производства.

2. Преступные посягательства на интересы государства по рациональному использованию трудовых ресурсов и охраны трудовых прав граждан — трудовое дезертирство, бесхозяйственное использование руководителем предприятия рабочей силы, отказ от выполнения повинностей и производства работ, имеющих общегосударственное значение; нарушение законодательства о труде, нарушение нанимателем коллективных договоров, воспрепятствование деятельности фабзавкомов (месткомов) профсоюзов и их уполномоченных, нарушение правил социального страхования, незаконное создание строительных подрядных товариществ.

3. Преступления в области финансов и на монопольные интересы государства — отказ от внесения налогов денежных и натуральных или неуплата их в срок, сокрытие предметов, подлежащих обложению, подделка денежных знаков и государственных ценных бумаг, контрабанда, нарушение положений, реализующих проведение в жизнь государственных монополий, нарушение правил о валютных операциях, нарушение запрещенных сделок с недвижимостью, домостроениями, а также ценными бумагами, выпуск денежных знаков на предъявителя и подделка червонцев, устройство лотерей без надлежащего разрешения, нарушение правил социального страхования.

4. Преступления в области распределения и торговли — искусственное повышение или понижение цен на товары (спекуляция), нарушение правил распределения продуктов и предметов первой необходимости, скупка и сбыт предметов, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение, нарушение правил торговли отдельными товарами, покупка и продажа морского торгового судна.

5. Преступные посягательства на интересы государства в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов — незаконная порубка леса и его хищническое истребление, незаконная охота и рыбная ловля, нарушение правил разработки камней, песка и других природных ресурсов, потравка лесных культур, питомников и других насаждений.

6. Преступные посягательства на интересы государства в области производства и занятия отдельными видами деятельности — самогоноварение, а также изготовление и сбыт других спиртных напитков или аппаратов для их производства, занятие другими запрещенными промыслами, частное посредничество.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, 29, 35—37, 45, 54. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1970. М., Политиздат, 1970. Т. 2. 1917—1924. 543 с. 3. СУ УССР, 1922, № 36, ст. 553.

И. Н. Даньшин, д-р юрид. наук.

Харьковский юридический институт

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Понятие «личность» применимо ко всякому наделенному сознанием и волей человеку, в том числе и к такому, чьи деяния влекут уголовную ответственность, ибо последний, являясь также участником общественных отношений, взаимодействует с окружающими людьми и обществом в целом. Невзирая на свои отрицательные качества, он остается личностью. Совершенное им преступление не исчерпывает других его общественных связей. В нем необходимо видеть, как говорил К. Маркс, «нечто большее, чем правонарушителя...», государство должно видеть в таком человеке «...живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которой священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства» [1, т. 1, с. 132].

Разумеется, что личности в зависимости от их жизненной позиции, общественной активности и вклада в социальный прогресс неравноценны. В этом смысле преступник в обществе развитого социализма представляет собой личность более низкого социального уровня, которая в своем поведении допускает отклонения от общепризнанных норм, совершает поступки, не соответствующие требованиям правил социалистического обще-

жития и закона. Между тем в преступнике всегда остается немало положительных качеств, полезных для общества и для него самого. Здоровые свойства сознания лица, совершившего общественно опасные деяния, служат основой успехов в работе по его исправлению и перевоспитанию.

В юридической литературе в свое время была подвергнута сомнению правомерность конструирования понятия «личность преступника» на том основании, что якобы не существует общих признаков, которые были бы применимы к любому преступнику [7, с. 101—106]; что преступной личности будто не существует, так же как не существует каких-либо специфических преступных свойств и качеств [14, с. 59]. Однако эти суждения представляются не убедительными. Такая позиция, с одной стороны, означает игнорирование логики познания. Ведь без обобщений, без создания общих понятий нельзя всесторонне уяснить особенное и отдельное. Понятие личности преступника, будучи научной абстракцией, дает нам возможность глубже познать и объяснить механизм индивидуального преступного поведения. В. И. Ленин говорил, что «...все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [2, с. 152]. С другой стороны, она приводит к отрицанию реальных социальных свойств и признаков, а также социально обусловленных негативных индивидуально-психологических особенностей, присущих лицам, совершающим преступления. Названные признаки, проявляющиеся в конкретном общественно опасном деянии, не будучи прирожденными и постоянными, все же, как свидетельствует практика, имеют место в действительности.

Конечно, они не обязательно характерны для каждого преступника и их нельзя сводить к простой сумме. Мы разделяем мнение тех авторов, которые усматривают типичное в личности преступников в виде вероятной совокупности (системы) социальных свойств и особенностей внутреннего духовного мира, а равно форм их проявления в общественно опасных действиях данной категории людей [6, с. 11]. Любой из этих признаков, взятый в отдельности, лишен познавательного значения. В то же время их совокупность, приобретая статистический характер, позволяет дать криминологическую характеристику преступников, установить обстоятельства, пути и каналы формирования тех или иных отрицательных качеств, свойств и особенностей их личности, наметить меры социальной профилактики преступности и криминологического предупреждения преступлений.

Советская криминология, раскрывая содержание понятия «личность преступника», опирается на марксистско-ленинское учение о человеческой личности вообще, которое сводится к следующим основным положениям.

Личность — понятие конкретно-историческое. Она является порождением определенного общественного строя. Ее содержание определяется существующей системой отношений: материальных, идеологических, культурных, нравственных, правовых и др., составляющих общественное бытие и общественное сознание. Перечисленные отношения трансформируются во внутреннюю структуру личности — ее потребности, интересы, ориентации, цели, направленность и т. п. В этом смысле, говоря словами К. Маркса, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3]. Главное в содержании личности отводится, следовательно, ее социальной сущности.

Между тем общественные начала в человеке нельзя возводить в такую степень, чтобы личность превращалась в сугубо социальную категорию, а ее свойствам, имеющим биопсихологическую основу, не придавалось бы никакого значения¹. Этого делать нельзя, потому что в действительности социальная и биопсихологическая стороны в человеке существуют не параллельно, а находятся в неразрывном единстве и взаимообусловленности. Однако место и роль природно-естественных и социальных факторов в поведении индивида неодинаковы. Первые качественно не влияют на формирование его личности; ее содержательный аспект определяется общественной средой. Отсюда вытекает, что доминирующим в структуре личности является совокупность ее социальных свойств и черт.

Далее, личность — сознательное существо, которому присущ индивидуально неповторимый внутренний духовный мир. Предопределенный объективными социальными условиями, он является важнейшим элементом личности, влияющим на выбор ею того или другого образа жизни, той или иной линии поведения. Вот почему одинаковые внешние воздействия вызывают различную ответную реакцию у двух людей.

Суть личности составляют ее типичные отношения к окружающей, преимущественно общественной, действительности — социальным и моральным ценностям: отношения к обществу в целом, коллективу, другим людям, самому себе, своим гражданским правам и обязанностям, к своим возможностям и т. п. Речь идет, безусловно, о наиболее существенных, глубоко осознанных, принципиальных, устойчивых отношениях, которые

¹ Тезис Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений не следует трактовать односторонне. Этой формулой он не пытался дать развернутое определение понятия личности. Она была высказана им в борьбе с господствовавшим в идеалистической философии ее биологизаторским пониманием, согласно которому содержание личности сводилось только к самосознанию, не зависящему от конкретно-исторической системы общественных отношений. Данная формулировка была вызвана стремлением Маркса особо подчеркнуть общественное содержание понятия «личность человека».

определяются внутренними убеждениями и сложившимися нравственными идеалами.

Личность получает свое внешнее проявление в действиях человека, его поведении. О людях, о реальных личностях судят не по их словам, помыслам и чувствам, а по их действиям, делам, по их общественно-трудовой активности и результативности их деятельности. Деятельность человека есть единство объективного и субъективного в его личности. Она представляет собой форму объективизации личностных качеств субъекта, способ проявления его субъективной активности.

Преступники составляют особый социальный тип¹ личности, порожденный исторически определенными общественно-экономическими условиями. При социализме корни такой личности, как и корни преступности, уходят в прошлые эксплуататорские общественно-экономические формации. Их питают отживающие социальные процессы, устаревшие, имеющиеся в общественном (обыденном) сознании взгляды, представления, моральные нормы и традиции, чуждые закономерностям развития этого общества. Поэтому в наших условиях преступник представляет собой исторически рудиментарный тип личности. В нем проявляются индивидуально-антагонистические противоречия между обществом и личностью. В связи с этим личность преступника отличается от нормотипической личности определенными личностными сдвигами и деформациями.

В структуре личности преступника наряду с общезначимыми социальными признаками (свойствами), т. е. такими, которые присущи всякой личности, представляется возможным выделить и устойчивые специфические социальные признаки, находящие свое выражение в его поведении еще до совершения им преступления. К ним мы причисляем отношения к окружающей действительности, своим гражданским обязанностям, ценностные ориентации. Все эти отношения характеризуются в различной степени отрицательно. Будущие, вероятные субъекты преступления, как показывают многочисленные исследования, иногда задолго до его совершения недобросовестно, а порой крайне отрицательно относятся к общественно полезному труду, учебе, своим обязанностям, проявляют неуважение к интересам других лиц, коллектива и общества, недостойно ведут себя в семье, быту, общественных местах, нарушают правила социалистического общежития, совершают дисциплинарные и административные правонарушения. Они являются носителями безнравственных, антиобщественных взглядов, наклонностей и привычек. Ценностные ориентации таких лиц находятся в противоречии с общественными требованиями и веления-

¹ Под социальным типом подразумевается объективно сложившаяся в данной системе общественных отношений совокупность социально-типических качеств, которые проявляются в определенных способах деятельности отдельных членов общества [12, с. 58—61].

ми, закрепленными в социальных нормах. Признаки этого рода имеют такую интенсивность проявления, что в своей совокупности придают личности антисоциальную направленность и свидетельствуют о ее внутренней готовности к преступному поведению.

Преступники характеризуются и определенными биопсихологическими особенностями: типом нервной системы, темпераментом, состоянием воли, эмоций и здоровья, некоторыми свойствами физической конституции, потребностями и стремлениями, спецификой психических процессов и мыслительной деятельности, а также другими индивидуально-психическими качествами. Некоторые названные особенности (либо в каждом конкретном случае их определенное сочетание), свойственные преступникам, носят негативный характер. Потребности таких людей бывают искаженными, неоправданными, социально вредными, а способы их удовлетворения — общественно неодобряемыми, противоправными; их моральный облик крайне низок; нравственные представления и жизненные стремления, как правило, ограничены и примитивны; мотивация их поведения находится на эгоцентрическом и псевдоальтруистическом утилитарных уровнях [11, с. 148]; многие из них имеют существенные интеллектуальные, волевые, эмоциональные отклонения и дефекты.

Биопсихологические особенности, несомненно, значительно влияют на поведенческую сторону личности. Так, дефекты воли (например, повышенная внушаемость), эмоциональной сферы (ускоренная динамика нервных процессов или, наоборот, эмоциональная черствость), различного рода психическая неполноценность могут накладывать (не детерминировать, а накладывать) определенный отпечаток на деятельность в целом или на отдельные поступки человека: влиять на возможность альтернативного выбора действия, влечь своеобразную «мотивацию» поступков, снижать возможность самоконтроля и т. п., а тем самым способствовать совершению общественно опасного деяния.

Определяя место природных и приобретенных биопсихологических особенностей в структуре личности преступника, необходимо учитывать следующие важные обстоятельства: 1) их нужно отличать от социальных свойств и качеств личности; 2) биологическое и социальное в человеке находятся в диалектическом единстве; 3) психофизическая конституция и психология личности во многом социально обусловлены; 4) эти признаки криминогенно нейтральны, они лишь при определенных объективных предпосылках могут толкать человека на антиобщественное поведение; 5) они действуют в «снятом» виде, т. е. здесь сказывается не биологическая природа этих свойств, а их социальное содержание и значение [4, с. 39—40]; 6) не они решающим образом выражают отношение личности к нравст-

венным ценностям, другим людям и обществу, главенствующая роль в этом принадлежит социальным свойствам и качествам, которые в конечном счете определяют ее основное содержание¹.

В числе биопсихологических особенностей человека нет таких, которые бы свидетельствовали о его предрасположенности к преступлениям, неизбежно, фатально предопределяли их совершение. Генетический код, влияя на особенности телесной организации людей, свойства их нервной системы и темперамента, не предрешает сам по себе их социальной направленности. Он может только определенно влиять на нравственное формирование индивидов. Стереотипы их нравственного поведения и их навыки социального поведения задаются социальной средой, складываются в результате воспитания, восприятия опыта своих и предшествующих поколений². Господствующая точка зрения советских биологов, генетиков сводится к тому, что «никаких генов для социальных человеческих особенностей не существует, что эти особенности формируются через общественно практическую деятельность людей» [5, с. 52]. Человек является человеком лишь потому, что он обладает социальной сущностью.

Преступники наделены сознанием и волей, что дает им возможность объективно определять линию поведения, свой жизненный путь. Этому способствуют конкретные проявления социально-экономических, идеологических и иных закономерностей социализма, положительный опыт многих поколений советских людей. Они могут и обязаны для достижения тех или иных целей выбрать любой правомерный вариант поведения. Однако преступные элементы останавливают свой выбор на таком варианте, который порицается обществом и государством. Все преступники предвидят (а при преступной небрежности должны были и могли предвидеть) общественно опасные последствия своих действий и понимают, что этим самым причиняют либо могут причинить существенный вред социали-

¹ Негативные социально обусловленные биопсихологические свойства советская криминология относит к разряду условий, а не причин преступлений [9, с. 102—111; 10, с. 42; 13, с. 104—105]. В этом качестве они обуславливают не факт совершения преступления, а воздействуют лишь на характер преступного поведения, причем не всякого, а только насильственного и дезадаптивного.

² Исследования советских и зарубежных ученых, основанные на большой эмпирической базе, созданной на протяжении многих лет, не подтверждают фактов наследственной отягощенности преступников. Высказывания о криминогенности хромосомных аномалий, заболеваний желез внутренней секреции, акселерации, различного рода психических комплексов и т. п. лишены научной достоверности. Заявления о наличии «прирожденных программ» поведения человека, «закодированных» в его сознании на уровне социальных инстинктов, о генетической основе альтруистических качеств также не находят на сегодняшний день своего обоснования. Их можно с большим допущением рассматривать в качестве поисковых гипотез, еще подлежащих тщательной проверке на обширном фактическом материале.

стическим общественным отношениям. Они действуют, таким образом, виновно, по своей вине, в связи с чем и привлекаются к ответственности, установленной уголовным законом.

До совершения лицом деяния, влекущего уголовную ответственность, можно отмечать только его социальную запущенность, антиобщественную направленность его личности, но нет еще оснований рассматривать его как преступника. Отрицательные социальные признаки (свойства) и негативные биопсихологические особенности лиц, совершающих преступления, их предшествующее предосудительное поведение выступают в качестве характерной черты их личности, но не делают их сами по себе преступниками. Для этого требуется юридически значимый факт — совершение преступления. Именно в уголовно противоправном деянии эти устойчивые и существенные признаки (свойства) и особенности виновного находят свое внешнее проявление, приобретают особенную глубину и стойкость, придают ему общественную опасность, создают реальную угрозу совершения повторного преступления с его стороны¹. Здесь обязательно нужно отметить, что срабатывают они не автоматически, а под влиянием отрицательных обстоятельств внешней среды. Преступление — результат взаимодействия личности и среды. Последняя включает в себе причины преступлений. Следовательно, лишь с наступлением преступного события проявляется личность преступника². Иначе и быть не может, ибо свойства и особенности любого человека, в том числе и правонарушителя, находят свое объективное выражение в поступках, действиях, деятельности.

Общественная опасность — материальное свойство преступления. И лицо, совершая его, также приобретает свойство общественной опасности. До этого момента для него характерна

¹ Поэтому нельзя согласиться с отдельными авторами, которые возражают против всеобъемлющего понятия личности преступника на том основании, что нет специфической системы свойств, характерной для личности многих преступников, и что в генезисе ряда преступлений внутренние свойства личности преступника не играют существенной роли по сравнению с внешними обстоятельствами [3, с. 97, 100]. Практика убеждает в ином — при совершении любого преступления личностные свойства виновного являются ущербными. И эта ущербность носит устойчивый характер. Не будь этого, даже самые неблагоприятные внешние факторы не могли бы обусловить преступление. В то же время личностные свойства не могут играть роль доминирующей причины уголовно наказуемых деяний.

² Личность преступника как определенное состояние его свойств и особенностей, а также их внешнего проявления — понятие, ограниченное определенным отрезком времен. Начальный момент проявления личности преступника совпадает, как сказано выше, со временем наступления факта преступления. Она прекращает свое существование после утраты данным лицом свойства общественной опасности, что имеет место после отбытия, исполнения назначенного судом наказания, достижения его целей.

всего лишь антисоциальная направленность¹. Отсюда напрашивается вывод, что общественная опасность представляет собой то общее, которое объединяет в неразрывном диалектическом единстве преступное деяние и деятеля-преступника. В понятии преступления она означает прежде всего тот вред, ущерб, который уже причинен или может быть причинен социалистическим общественным отношениям в результате совершения запрещенного уголовным законом деяния. Общественная опасность как социальный признак личности преступника свидетельствует о том, что в силу специфических свойств и особенностей данного индивида им допускаются конкретные общественно опасные проявления². Таким образом, общественная опасность является обобщенным социальным признаком личности преступника, отличающим его от законопослушных граждан. В этом признаке находят свое концентрированное выражение все остальные взаимосвязанные и взаимообусловленные свойства и особенности человека, совершившего преступление.

В правовой литературе широко пользуются понятием «личность преступника». Между тем законодатель не дает его определения. Собственно, в этом, видимо, и нет надобности. Ведь закон четко определяет понятие преступления (ст. 3 и 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), а преступником с точки зрения уголовного права является лицо, совершившее преступление. Отсюда предполагается, что преступником следует считать лицо, умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, причинившее вред социалистическим общественным отношениям.

Но если нет необходимости в уголовно-правовом определении понятия личности преступника, то в криминологии имеется настоятельная потребность в нем. Нужно отметить, что попытки в этом направлении уже предприняты. Дается, например, такое его определение: «Личность преступника — это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой уголовной ответ-

¹ Тот факт, что виновный до совершения преступления зачастую привлекался к ответственности за антиобщественные, дисциплинарные и административные проступки, не свидетельствует о его общественной опасности. Указанные правонарушения не являются общественно опасными, по своему характеру они общественно вредные. Если даже считать, что критерии разграничения преступлений и проступков сводятся к степени общественной опасности, то и с этой точки зрения подобное предшествующее поведение лица не достигает той степени общественной опасности, которая свойственна преступлениям.

² Вопросы о моменте возникновения общественной опасности как свойства виновного лица, периоде ее существования и формах ее проявления решаются в юридической литературе неоднозначно. По этому поводу имеется много различных точек зрения. Их рассмотрение в рамках настоящей статьи не представляется возможным.

ственности» [10, с. 16]. В принципе оно правильно. Однако в нем не учтено необходимое и достаточное количество существенных признаков (свойств, особенностей) личности преступника. Поэтому оно неполное и не совсем точное¹.

Представляется, что интересующее нас понятие лучше всего определить таким образом. Личность преступника — это совокупность существенных и устойчивых социальных признаков и социально обусловленных биопсихологических особенностей индивида, которые, объективно реализуясь в совершенном конкретном преступлении (преступлениях) под решающим воздействием отрицательных обстоятельств внешней среды, придают учиненному деянию характер общественной опасности, а виновному лицу (данному индивиду) свойство общественной опасности, в связи с чем оно и привлекается к ответственности, предусмотренной уголовным законом.

Проблеме личности преступника в криминологии отводится особое место. Ее правильное разрешение влияет на уяснение механизма преступного поведения, изучения причин общественно опасных деяний, совершенствование системы и характера мер по предупреждению преступлений и т. д. Причем можно без преувеличения сказать, что от состояния, а главное — от теоретической направленности ее разработки зависит дальнейшее развитие криминологической науки в целом.

Между тем многие вопросы, касающиеся личности преступника, продолжают оставаться неясными, малоразработанными, дискуссионными. Отсюда вытекает необходимость развертывания глубоких комплексных исследований в этом направлении силами высококвалифицированных коллективов, включающих в себя юристов, социологов, педагогов, психологов, генетиков, биологов. Безусловно, такие исследования должны опираться на выверенные жизнью достижения общественных и естественных наук и проводиться в самой тесной связи с практикой. Только при таком подходе можно обеспечить их успешность и эффективность.

Список литературы: 1. Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 1, 3. 2. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 77—218. 3. Блушштейн Ю. Д. Понятие личности преступника. — Сов. государство и право, 1979, № 8, с. 97—102. 4. Демин М. В. Проблемы теории личности. Изд-во МГУ, 1977. 240 с. 5. Дубинин Н. П. Актуальные философско-методологические проблемы современной биологии. — Вopr. философии 1978, № 7, с. 51—59. 6. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мо-

¹ Авторы учебника по криминологии под личностью преступника понимают «совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, виновно нарушившее уголовный закон, и в сочетании с иными условиями и обстоятельствами влияющих на его антиобщественное поведение» [8, с. 150]. В этом определении не совсем четко обозначены элементы структуры личности преступника; не упоминается в нем ее важнейший, на наш взгляд, обобщающий типобразующий социальный признак — общественная опасность.

тивация преступного поведения. Горький, 1974. 158 с. 7. Карпец И. И. Проблема преступности. М., Юрид. лит., 1969. 166 с. 8. Криминология /Под ред. И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева и др. М., Юрид. лит., 1976. 433 с. 9. Кузнецова Н. Ф., Лейкина Н. С. Криминологический аспект соотношения социального и биологического. — Сов. государство и право, 1977, № 9, с. 102—111. 10. Личность преступника /Под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М., Юрид. лит., 1975. 268 с. 11. Маграбян А. А. Личность и сознание. М., Медицина, 1978. 178 с. 12. Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социального типа личности. М., Политиздат, 1973. 415 с. 13. Стручков Н. А. Изучение обстоятельств, обуславливающих преступность в СССР. — Сов. государство и право, 1971. № 12, с. 98—103. 14. Яковлев А. М. Некоторые теоретические вопросы изучения личности преступника. — В кн.: Проблемы искоренения преступности. М., Юрид. лит., 1965, с. 26—57.

И. Л. Петрухин, д-р юрид. наук

Институт государства и права АН СССР

ПОНЯТИЕ ОПТИМАЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Право — мощный регулятор социалистических общественных отношений. Эффективность права определяется степенью его полезного воздействия на эти отношения, оптимальным соотношением правовых и иных рычагов в механизме социального управления. Органы государства, объединенные в сложные подсистемы, проводят в жизнь определенные политические установки: руководят экономикой, обороной страны, ведут идеологическую работу, выполняют другие ответственные задачи, в достижении которых важную роль играют право и деятельность по его применению.

В настоящее время можно считать сложившимися два основных направления той части юридической науки, которая разрабатывает проблему эффективности. Одно из них — изучение эффективности юридических норм, отраслей права и всего механизма правового регулирования. Основная задача этого направления — вычленив правовой компонент в системе управляющих воздействий, измерить его вклад в достижение широких социальных целей и разработать меры повышения эффективности правового регулирования. Другое направление — условно говоря, государствоведческое — ставит перед собой задачу определить эффективность деятельности тех или иных государственных органов, выявить систему разнообразных факторов — социально-экономических, идеологических, психологических, организационных, правовых и др., влияющих на эту деятельность. Для данного направления право — лишь одно из средств, условий (причем далеко не всегда главное, решающее) повышения эффективности деятельности органов государства, принятия оптимальных государственных решений. В рамках указанного направления основным объектом изучения является деятельность отдельных органов государства (включая выработку решений) как правоприменительная, так и организационно-

обеспечительная, а равно все существенные факторы, влияющие на нее, среди которых определенное (иногда не самое видное) место занимает право. Конечно, непроходимой грани между двумя направлениями нет. Такие категории, как оптимальность, эффективность, критерии, показатели эффективности и др., разрабатываются и применяются в рамках обоих направлений. Первое направление, изучая норму права, учитывает факторы, влияющие на механизм ее действия, а второе, анализируя деятельность органов государства, принимает во внимание правовой компонент в системе социального управления.

Настоящая работа тяготеет больше ко второму направлению, поскольку в ней изучаются особый вид государственной деятельности — правосудие по уголовным делам, а также система условий эффективности деятельности суда, среди которых определенную (но не единственную) роль играют нормы уголовного, уголовно-процессуального права и нормы, определяющие организацию судебной системы.

Сформулировать теоретическую конструкцию эффективности правосудия трудно из-за существенных разногласий между юристами различных научных направлений относительно размежевания категорий «оптимальность», «эффективность», «социальная ценность» права, правового регулирования, государственных институтов. В советской правовой науке наметились три основных подхода к определению понятия «эффективность».

Первый подход. Эффективность определяется только как результативность норм и институтов государства. Она измеряется степенью достижения поставленных перед ними целей. Этого считается достаточно, чтобы оценить все стороны деятельности изучаемых институтов государства либо функционирования исследуемых норм права, в связи с чем вопрос о соотношении понятий «эффективность», «оптимальность», «социальная ценность» в рамках данного научного направления не решается.

Соглашаясь с тем, что определение эффективности включает в себя степень достижения целей «на выходе» системы, отметим, что эффективность в этом смысле — лишь один из аспектов (правда, очень существенный) всесторонней оценки правовых явлений и оптимального управления ими. Поэтому необходимо конструирование более широкой категории, которая включала бы в себя и эффективность в указанном смысле, и другие важные аспекты всесторонней оценки права и государственных институтов.

Второй подход. Признается правильным приведенное определение эффективности, однако считается, что его недостаточно. Сторонники этой точки зрения не без основания вводят эффективность в содержание более широкой и емкой категории «оптимальность». И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров, модифицируя и углубляя некоторые соображе-

ния, высказанные польскими учеными, в частности А. Подгурецким, полагают, что понятие оптимальности включает три элемента: 1) эффективность, определяемую по степени достижения цели, независимо от того, какова эта цель; 2) полезность, под которой понимается разница между результатом действия нормы права (института) и различного рода побочными последствиями такого действия, из которых одни положительно, а другие отрицательно влияют на смежные, не регулируемые данной нормой общественные отношения (для определения полезности необходимы всесторонняя оценка, «взвешивание» пользы и вреда); 3) экономичность нормы, т. е. количество материальных затрат, необходимых для ее функционирования [4, с. 70—78].

Эта точка зрения является более правильной по сравнению с предыдущей, поскольку она учитывает необходимость оценки норм права по ряду не вполне совпадающих критериев, дающих достаточно полное представление о степени совершенства этих норм. Рассматриваемая концепция предназначена для оценки нормативного материала, однако она может быть использована и для характеристики работы различных государственных органов, т. е. ей может быть придан государствоведческий аспект.

Многие положения, сформулированные И. С. Самощенко, В. И. Никитинским, А. Б. Венгером, могут быть использованы для обоснования концепции эффективности правосудия. Однако позиция этих авторов в ряде отношений оказалась для нас не вполне приемлемой. Укажем в общем виде уязвимые положения в концепции И. С. Самощенко, В. И. Никитинского и А. Б. Венгера.

1. Категория оптимальности сформулирована недостаточно полно, так как вне ее осталось целеполагание — задание системе целей, согласование их между собой и с целями более высокой системы. Эта сторона оптимальности не охватывается ни эффективностью, как ее понимают указанные авторы, ни полезностью, ни экономичностью.

2. Абстрагируясь от характера цели, поставленной перед нормой права, И. С. Самощенко, В. И. Никитинский и А. Б. Венгер считают норму эффективной и в тех случаях, когда цель достигается, хотя бы она была социально вредной. Оговорка авторов, что в данном случае имеет место эффективность со знаком минус и что достигаются узко юридические цели, не спасает положения. При таком подходе понятию «эффективность» придается формально-правовое значение, юридическое отрывается от социального и даже противопоставляется ему.

3. Категорию «полезность» названные авторы понимают узко, связывая ее лишь с побочными непредвиденными последствиями действия нормы (института). На самом деле полезным должно быть прежде всего целеполагание. Таким образом, по-

лезность охватывает как целеполагание, так и целедостижение. Эффективность нормы (института) — проявление их социальной полезности. При необходимости широкая трактовка полезности ставит под сомнение целесообразность употребления этого понятия наряду с понятием эффективности. Кроме того, следовало бы говорить не только о непредвиденных, но и о предвиденных побочных результатах. Их предвидение входит в целеполагание.

4. Вне понятия оптимальности осталась социальная ценность нормы (института), т. е. соответствие нормы (института) действительным потребностям общества. Ценность не охватывается понятием эффективности, полезности и экономичности в том виде, как они сформулированы указанными авторами.

5. В рассматриваемой концепции понятие экономичности тоже понимается слишком узко, охватывая лишь материальные затраты на функционирование нормы (института). На наш взгляд, экономичность — это стремление израсходовать для достижения поставленных целей как можно меньше социальных усилий (материальные затраты, человеческая энергия).

6. Авторы рассматриваемой концепции не включают в понятие оптимальности совершенство внутренней организации системы. Это понятно, так как говорить об организации отдельной нормы права не приходится. Но уже на уровне института, отрасли права и тем более всего права проблема совершенства организации системы становится весьма актуальной. Она возникает и при попытках системного анализа различных взаимодействующих регуляторов социального поведения. Такое взаимодействие, если в нем участвует правовой регулятор, авторы исследуемой концепции называют «механизмом действия нормы права». По сути дела речь идет о сложной организации управляющих воздействий, об упорядочении управляемого объекта на основе сигналов прямой и обратной связи. Указанные авторы не рассматривают это сложное взаимодействие в свете теории организации. Но если бы они даже это делали, то понятие организации относилось бы к «механизму действия нормы» и по-прежнему исключалось бы из понятия оптимальности самой нормы. В этом трудно упрекнуть авторов, характеризующих с помощью категории оптимальности норму, а не деятельность по ее реализации. Применительно к нашей проблеме организация достижения целей правосудия приобретает значение самостоятельного чрезвычайно важного элемента категории «оптимальность», не сводимого к понятиям эффективности и полезности и лишь отчасти отражающегося в понятии экономичности.

Третий подход к определению понятия эффективности обнаруживается в трудах многих авторов, не приемлющих категорию оптимальности. Все элементы, из которых, как считают И. С. Самощенко, В. И. Никитинский и А. Б. Венгеров, состоит

оптимальность, включаются этими авторами в понятие эффективности; к ним иногда добавляются еще некоторые элементы (например, ценность права).

Дискуссия между двумя последними группами авторов, по нашему мнению, в значительной мере носит терминологический характер. В конце концов все участники ее признают, что необходимо оценивать нормы права и институты государства по разным критериям, а именно: с точки зрения достижения поставленных перед ними целей, их обоснованности, степени причинения вреда смежным подсистемам, степени социальных затрат на поддержание и функционирование норм (институтов). Правда, оппоненты И. С. Самощенко, В. И. Никитинского и А. Б. Венгерова «нащупали» несколько уязвимых пунктов в их конструкции и подвергли их критике, которая, надо полагать, будет способствовать уточнению и развитию этой концепции. Со своей стороны, они сами допустили ряд неточностей, которые мы постараемся показать.

Категория «оптимальность» больше, чем категория «эффективность», подходит для всесторонней характеристики и оценки сложных систем. Понятие эффективности «привязано» к достижению целей. Для характеристики уровня организации системы наиболее приемлемой категорией является «оптимальность», выражающаяся, в частности, в соотношении результатов «на выходе» системы и вводимых ресурсов, в характеристике работы системы с учетом состояния среды, информационной обеспеченности системы. Все эти свойства больших систем в кибернетике и теории организации охватываются наиболее емким понятием оптимальности, тогда как эффективность обычно связывается лишь с целевым подходом к системе. Математик В. Д. Рудашевский проводит совершенно четкое различие между оптимизацией системы и эффективностью как результатом данного процесса [3, с. 2, 4].

Рассматриваемая концепция уязвима еще по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, она стремится к соединению в понятии эффективности разнородных элементов, из которых одни относятся к области социальных ценностей, целеполаганию, степени достижения целей, а другие — к организационным усилиям, обеспечивающим достижение целей. В данной концепции такая и вообще какая-либо классификация элементов, образующих понятие эффективности, отсутствует; они просто перечисляются, рассматриваются как рядоположенные.

Во-вторых, эффективность любой нормы права и любого государственного института характеризуется авторами исследуемой концепции через видовые, а не общие признаки. В частности, свойства норм и государственных институтов, имеющих экономический характер и предназначенных для получения материальной выгоды, неосновательно приписываются таким отраслям права и государственным установлениям, которые

имеют совершенно иные задачи. Правосудие по уголовным делам в отличие, например, от деятельности хозяйственных органов государства не ставит своей основной задачей получение максимальной прибыли, обеспечение рентабельности предприятий, снижение себестоимости, увеличение валового продукта, рост национального дохода (уголовно-правовые запреты, касающиеся, пожалуй, только имущественных преступлений, непосредственно способствуют решению этих экономических задач).

Отсюда вытекает недопустимость характеристики эффективности правосудия по уголовным делам и всей системы уголовной юстиции через показатели снижения затрат на эти виды государственной деятельности. Наоборот, расходы на правосудие по уголовным делам, возможно, следует еще более увеличить, чтобы обеспечить более полное достижение его целей. Если это так, то формула исчисления показателя эффективности, предложенная А. С. Пашковым, Л. С. Явичем и некоторыми другими авторами (числитель — разница между результатом действия правовой нормы и состоянием общественных отношений до ее применения, знаменатель — материальные затраты), не вполне применима к правосудию по уголовным делам: увеличение знаменателя в формуле (при неизменном или слабо увеличивающемся числителе, представляющем разницу между идеальными и достигнутыми целями) в течение продолжительного времени может характеризовать процесс повышения, а не снижения его эффективности. Увеличение расходов на правосудие может дать эффект улучшения качества судопроизводства не сразу, поэтому числитель приведенной формулы может долгое время не изменяться.

Бряд ли есть смысл экономить на правосудии. Давно известно, что «дешевое» правосудие в конечном счете дорого обходится государству, обществу. Поэтому увеличение расходов на правосудие до определенных пределов — средство повышения его эффективности. С другой стороны, размер ассигнований на правосудие должен устанавливаться с учетом интересов других подсистем (здравоохранение, народное образование и т. д.) с тем, чтобы обеспечить гармоничное их развитие.

В правосудии по уголовным делам «окупаемость» вложений определяется через степень достижения указанных в законе целей, в основном не поддающихся денежной оценке [2, с. 111]. Правда, в сфере отправления правосудия действует общая тенденция в сторону повышения производительности труда, совершенствования организационных форм судебной работы, что в определенной мере сокращает сроки пребывания граждан в судах, облегчает деятельность судей и технического персонала судов, т. е. создает условия для экономии социальных усилий (в том числе материальных средств) при отправлении правосудия. Однако усиление процессуальных гарантий, введение новых более сложных форм судопроизводства по ряду

дел связаны с дополнительными расходами. Таким образом, здесь одновременно действует несколько тенденций, требующих всестороннего учета. Но главное, что хотелось бы еще раз подчеркнуть, состоит в следующем: экономичность в смысле сокращения денежных ассигнований не характеризует эффективность правосудия.

Для экономии важны как можно больший объем продукции при ее высоком качестве и как можно меньшая ее себестоимость. Эффективное правосудие, наоборот, стремится к меньшему объему продукции, т. е. снижению числа уголовных дел за счет сокращения преступности, вызванному отчасти превентивным воздействием судопроизводства [5, с. 21—25].

В-третьих, авторы рассматриваемой концепции неосновательно расширяют понятие эффективности, включая в него средства достижения целей правовых норм и государственных институтов. Вопрос ставится так: улучшение качества работы должно достигаться при минимально возможных для данных условий затратах времени, сил и средств; одни и те же показатели качества могут быть достигнуты ценой разных затрат и социальных усилий — чем меньше эти затраты, тем эффективнее норма или правоприменительная деятельность. Разумеется, эффективными или неэффективными могут быть и средства достижения целей. Но, применяя понятие эффективности в этом смысле, мы неизбежно смещаем угол зрения, опускаемся в своем анализе на уровень подсистем (забывая, что объект исследования — система в целом) и при этом от финального (целевого) подхода незаметно переходим к организационно-техническому.

Оба подхода важны, но они не тождественны. Учитывая это, необходимо выделять и разграничивать две группы критериев, а именно: критерии качества работы судов, связанные с достижением целей правосудия, и критерии организации судебной работы, определяемые через иные показатели (служебная нагрузка судей в соответствии с оптимальной; время, затрачиваемое на рассмотрение одного дела в соотношении с объективно необходимым; подбор и расстановка судебных кадров; стимулирование труда судей; техническая оснащенность судов и др.). Существует тесная связь между уровнем организации судебной работы и ее качеством. Но организация не проявляет себя исключительно в показателях качества. Она имеет и собственный набор характеристик.

Если эффективность связана с достижением системой целей, то оптимальность включает в себя, кроме того, организационное совершенство системы, ее внутреннюю «сбалансированность», нахождение наиболее подходящих средств для достижения поставленных целей, ранжировку целей с учетом меняющихся потребностей системы, погашение «эгоизма» отдельных

подсистем, стремящихся иногда решить свои специфические задачи в ущерб интересам всей системы [1, с. 17].

Таким образом, ни одна из трех рассмотренных выше концепций эффективности права и государственной деятельности не может быть использована без существенных поправок и оговорок для определения оптимальности и эффективности правосудия по уголовным делам.

Критическое рассмотрение указанных концепций позволило изложить ряд позитивных соображений, дающих основания для того, чтобы предложить следующую теоретическую конструкцию.

Оптимальность правосудия по уголовным делам

I. Обусловленность правосудия социальными потребностями (социальная ценность правосудия).

II. Целеполагание (задание правосудию полезных целей).

III. Целедостижение (эффективность правосудия в узком смысле).

IV. Организация достижения целей правосудия средствами данной системы (рациональное использование ресурсов — людей, денежных фондов, техники, информации и др.).

V. Организация достижения целей правосудия средствами «внешней среды» (предоставление ресурсов и оказание управляющих воздействий).

Особенность этой конструкции — в соединении эффективности правосудия с организацией достижения его целей на уровне системы и среды; в признании плодотворности категории «оптимальность», позволяющей оценивать правосудие не только по степени достижения целей, но и по другим критериям; в расширении понятия оптимальности правосудия за счет указания на социальную ценность этого института и полезностьдвигаемых перед ним целей; в признании подчиненного характера понятия «эффективность» по отношению к категории «оптимальность», в отказе от того, чтобы считать полезность самостоятельным компонентом оптимальности, поскольку полезность относится и к целям правосудия, и к средствам их достижения, а также характеризует правосудие как институт, имеющий определенную социальную ценность; в признании того, что экономичность входит в более широкое и более точное понятие социальной экономии, которая достигается благодаря рациональной организации системы; во введении понятия ресурсов системы правосудия, образующих материальный субстрат ее организации.

Список литературы: 1. *Волин Л. Я.* Проблема оптимальности в теоретической кибернетике. М., Мысль, 1968. 2. *Кудрявцев В. Н., Журавлев М. П.* Конкретные методы правовых исследований. — В кн.: Проблемы методологии и методики правовеждения. М., Наука, 1974. 3. *Рудашевский В. Д.* Проб-

лемы системного анализа принятия государственных решений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1973. 4. Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. К методике изучения эффективности правовых норм. — Сов. государство и право, 1971, № 9. 5. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Экономическая обоснованность (целесообразность) правовых решений и экономичность их действия. — Сов. государство и право, 1976, № 5.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Каждый вид обвинения осуществляется конкретным субъектом. Без субъекта обвинение не может выполнить своего функционального назначения. Это утверждение справедливо и для государственного обвинения, являющегося одним из основных видов публичного обвинения, которое возникает в советском уголовном процессе в связи с его возбуждением компетентным государственным органом — прокурором¹ [1, с. 112].

Субъектом, осуществляющим государственное обвинение, выступает лицо, выполняющее функцию прокурорского надзора. Хотя такого рода функция реализуется не только прокурором, но также его заместителями и помощниками, лишь прокурор имеет право утвердить обвинительное заключение и тем самым возбудить государственное обвинение, а другие лица правомочны только поддерживать его в судебных стадиях процесса. В связи с этим возникает необходимость классификации всех субъектов государственного обвинения на две группы. К первой относятся лица, возбуждающие государственное, ко второй — лица, поддерживающие его. В п. 6 ст. 32 УПК УССР (п. 6 ст. 34 УПК РСФСР) дается разъяснение термина «прокурор». К прокурорам закон относит Генерального прокурора СССР, прокурора республики, области, города, района, военного прокурора, их заместителей и помощников. Сопоставление этой нормы закона с другими статьями УПК, в частности со ст. 228—233 УПК УССР, указывает на то, что возбуждать государственное обвинение может только прокурор и что таким правом помощник прокурора не наделяется. По этому пути идет и следственно-прокурорская практика.

В связи со сказанным п. 6 ст. 32 УПК УССР, равно как и соответствующие нормы УПК других союзных республик, где содержится разъяснение термина «прокурор», нуждается

¹ Такого рода решение прокурор должен принимать в стадии возбуждения государственного обвинения при наличии необходимых и достаточных оснований [1].

в приведении в соответствие с другими нормами закона. Как показывает практика, помощник прокурора согласно действующим приказам и инструкциям Генерального прокурора СССР имеет право наряду с прокурором поддерживать государственное обвинение в суде [7, с. 294]. В этих нормативных актах не говорится о праве названных лиц утверждать обвинительное заключение и тем самым возбуждать государственное обвинение против лица, совершившего преступление.

Изложенное позволяет классифицировать всех субъектов государственного обвинения на основных и дополнительных. К основным субъектам относятся прокуроры всех рангов, имеющие право как возбуждать государственное обвинение, так и поддерживать его в различных стадиях судебного процесса, а к дополнительным — помощники прокурора, которые правомочны лишь поддерживать обвинение в суде.

Вопрос о субъектах, поддерживающих государственное обвинение, уже был предметом самостоятельного исследования [2; 3; 6]. Однако подавляющее большинство авторов исследовало проблемы поддержания государственного обвинения в суде применительно к деятельности прокурора. Что касается аналогичной деятельности его помощника, то она еще недостаточно изучена. Рассмотрим вопрос о государственном обвинении, поддерживаемом помощником прокурора, и лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики данного лица как субъекта государственного обвинения.

Когда мы говорим о возбуждении и поддержании государственного обвинения, то в основном имеем в виду осуществление названных видов деятельности по одному и тому же уголовному делу. При таком подходе представляется возможным проследить взаимосвязь деятельности различных субъектов процесса. Отметим, что деятельность субъектов, возбуждающих и поддерживающих государственное обвинение, находится не только во взаимосвязи, но и в объективном диалектическом единстве. Нередко лицо, возбудившее обвинение, его же и поддерживает в судебных стадиях процесса. Но чаще всего это осуществляют помощники прокурора. В связи со сказанным возникает вопрос о взаимоотношениях субъектов, возбуждающих государственное обвинение, и субъектов, поддерживающих его в суде. Поставленный вопрос имеет непосредственное практическое значение, поскольку речь в обоих случаях идет об осуществлении обвинительной деятельности по конкретному уголовному делу.

Предлагаемая в ряде работ отдельная процессуальная стадия — возбуждение государственного обвинения — призвана обеспечить доброкачественную подготовку прокурора к его деятельности в суде, где он должен осуществлять надзор и поддерживать государственное обвинение [1]. Готовясь к этой деятельности в суде, прокурор в стадии возбуждения государственного

обвинения обязан обсудить и лично принять решение по той группе вопросов, перечень которых изложен в ст. 228 УПК УССР (ст. 213 УПК РСФСР). Это вытекает хотя бы из того, что прокурор, его заместитель или помощник, пришедший в суд, уже должен быть подготовлен к поддержанию государственного обвинения. Это значит, что субъект государственного обвинения обязан знать все материалы уголовного дела, быть убежденным в виновности подсудимого. Убеждение в виновности лица, равно как и по другим вопросам, должно сформироваться лишь в результате собственной мыслительной деятельности, образующей содержание процесса познания, осуществляемого в стадии возбуждения государственного обвинения.

В данной стадии процесса нередко складываются специфические ситуации, отражающие деятельность различных субъектов, поскольку одни из них вправе возбуждать государственное обвинение, а затем и поддерживать его в суде; а другие — только поддерживать. В связи с этим и возникает необходимость выяснить, является ли деятельность, связанная с подготовкой нового субъекта обвинения к поддержанию его в суде, процессуальной и относится ли она к стадии возбуждения государственного обвинения. Если на этот вопрос ответить положительно, то в каком соотношении находятся результаты познания, достигнутые прокурором, возбудившим государственное обвинение, с результатами познания, полученными лицом, которому поручено поддерживать обвинение в суде?

Практическая значимость рассматриваемого вопроса очевидна, особенно в случаях возникновения коллизии между результатами познания, достигнутыми прокурором, возбудившим государственное обвинение, и тем лицом, которому поручено поддерживать его в суде. Как показывает практика, при возбуждении государственного обвинения прокурор иногда приходит к одним выводам по делу, а лицо, которому поручено принять на себя поддержание обвинения в суде, — к другим.

В связи с возложением обязанности поддержания обвинения между прокурором и соответствующим лицом возникают определенные отношения. Не вызывает сомнения, что такого рода отношения носят правовой характер, и поскольку они основаны на решении прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, принятого в соответствии с нормами УПК, могут и должны рассматриваться как процессуальные. Следовательно, у прокурора и лица, на которого возложена обязанность поддержания государственного обвинения, возникают как права, так и обязанности.

Прежде всего такое лицо обязано принять дело к изучению. Однако реализация данной обязанности не влечет автоматического принятия им обвинения к поддержанию в суде, так как для этого необходимо наличие убеждения о виновности того лица, в отношении которого возбуждено государственное обви-

нение. Мы полагаем, что лицо, на которое возложена обязанность поддержания государственного обвинения в суде, имеет право на самостоятельное формирование своей позиции по существу обвинения, которую он будет осуществлять в суде. Очевидно, что само поддержание государственного обвинения может иметь место, если помощник прокурора принял на себя обязанность его поддержания. Это обстоятельство должно получить свое внешнее выражение в соответствующем процессуальном акте в виде самостоятельного решения, копия которого должна направляться прокурору, возложившему на соответствующее лицо обязанность поддержания обвинения. Такое решение может быть принято в случае совпадения результатов познания и формирования в принципе одинакового внутреннего убеждения у лица, возбудившего государственное обвинение, и лица, принявшего его к поддержанию в суде.

Представляется возможным говорить об основаниях принятия обвинения к поддержанию его в суде. Среди них следует выделять: 1) материально-правовые (наличие в действиях обвиняемого состава преступления, предусмотренного нормой УК); 2) процессуальные (законность и обоснованность обвинения, отсутствие нарушений закона, препятствующих направлению уголовного дела в суд и т. п.); 3) социально-психологические (наличие убеждения в виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности). Наличие всех этих оснований обуславливает согласие лица, которому поручено поддержание обвинения в суде, с выводами обвинительного заключения, с решением прокурора о возбуждении государственного обвинения и возложением на него обязанности поддержания его в суде. В случае существенного расхождения результатов познания между лицом, на которое возложена обязанность принять обвинение к поддержанию в суде, и прокурором, возбудившим государственное обвинение, первое обязано вынести постановление об отказе в принятии обвинения к поддержанию в суде, а второй — рассмотреть его законность и обоснованность в установленный законом срок. Полагаем, что такая проверка должна быть осуществлена в течение одних суток.

В этой связи мы предлагаем дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство нормой, в которой следовало бы отразить: 1) основания принятия государственного обвинения к поддержанию его в суде; 2) основания отказа от принятия государственного обвинения к поддержанию его в суде; 3) процессуальную форму решений, принимаемых в двух названных случаях; 4) срок, в течение которого прокурор обязан проверить законность и обоснованность отказа от принятия обвинения к поддержанию его в суде.

Целесообразность вынесения на практике особых процессуальных решений при наличии указанных выше оснований очевидна. Закрепление в законе этих оснований и вынесение в по-

добных ситуациях особого процессуального решения (например, о принятии или отказе в принятии государственного обвинения к поддержанию его в суде и т. д.), во-первых, конкретизируют процессуальные правоотношения между лицом, возбудившим государственное обвинение, и тем, кому было поручено принять его к поддержанию в суде; во-вторых, поскольку при отказе в принятии государственного обвинения к поддержанию в суде возникает коллизия между процессуальными позициями двух должностных лиц, то, естественно, следует и разрешить ее в процессуальном порядке, подобно тому, как это сделано для случаев несогласия следователя с указаниями прокурора (ст. 114 УПК УССР, ст. 127 УПК РСФСР).

Вынесением постановления о принятии обвинения к поддержанию в суде соответствующее должностное лицо индивидуализирует себя как субъект государственного обвинения по конкретному уголовному делу и, следовательно, создает необходимые процессуальные основания для своего участия в судебных стадиях процесса. При отсутствии такого процессуального акта основанием для его участия в судопроизводстве является решение служебного характера, которое не относится к числу процессуальных и поэтому не может оказывать какое-либо влияние на процессуальную деятельность, какой является судопроизводство.

О необходимости четкой правовой регламентации процессуальных отношений между лицом, возбудившим государственное обвинение, и лицом, которому поручено его поддержание в суде, а равно между лицами, осуществляющими государственное обвинение в суде первой инстанции и решающими вопрос о законности и обоснованности приговора в кассационном порядке, свидетельствует прокурорско-следственная практика.

Известны, например, случаи, когда противоречия во взаимоотношениях прокурора и его помощниками при решении ряда процессуальных вопросов, связанных с поддержанием государственного обвинения, обуславливают недовольство некоторых прокуроров позицией их помощников в суде, которая в той или иной степени не согласуется с позицией прокурора, выраженной им в его решении об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Но такого рода недовольство вряд ли можно признать этически допустимым, если позиция помощника прокурора базируется на тех данных, которые получены в судебном разбирательстве или при изучении уголовного дела.

Можно с уверенностью утверждать, что подобных последствий возникших противоречий между указанными лицами не наступило, если бы в законе был установлен процессуальный порядок разрешения такого рода процессуальных споров, о чем говорит следующий пример из судебной практики.

Прокурор М был осужден по ст. 114 УК Грузинской ССР (ст. 109 УК РСФСР) за то, что «допустил злоупотребление служебным положением, исправив предварительно согласованное со своим начальником заключение о передаче дела на следствие, дав в коллегию заключение о прекращении дела». 15 мая 1944 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР приговор по настоящему делу отменила, указав при этом в своем определении следующее: «Признав его (прокурора. — В. З.) виновным в том, что, исправив свое заключение, он не согласовал вопроса со своим начальником, суд, не считая, что М. в данном случае действовал из каких-либо преступных побуждений, осудил его за то, что он допустил нарушение внутреннего распорядка, установленного в прокуратуре Грузинской ССР в области дачи заключения по делу М.

Закон нигде не указывает, что прокурор, выступающий в кассационной инстанции, обязан при всех условиях поддерживать априорную установку, данную ему начальником и основанную на предварительном ознакомлении с данными дела. Наоборот, из содержания ст. 409 УПК Грузинской ССР видно, что в кассационной инстанции прокурор дает заключение после доклада судьи и объяснений сторон. В своем заключении прокурор не может не учесть обстоятельств и соображений, изложенных в докладе и в объяснениях, которые не могли быть известны при предварительном ознакомлении с делом, тем более, что, согласно ст. 15 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, стороны вправе представить в кассационный суд новые материалы.

Поэтому прокурор не только не может во всех случаях придерживаться полученной установки, но обязан по закону в своем заключении изменить ее, если новые неучтенные обстоятельства требуют такого изменения. Таким образом, и М. мог изменить ранее составленное заключение. Вопрос же о том, что после этого он не доложил об изменении им заключения, мог быть в лучшем случае разрешен в дисциплинарном порядке» [8, с. 26—29].

А. Г. Лякас, обращая внимание на необходимость правового регулирования взаимоотношений между названными лицами, обоснованно указывает на то, что «прокурор района (города) не имеет права давать указания своему заместителю или помощнику занимать определенную линию во время их выступления в качестве государственных обвинителей» [5, с. 75]. Прав в этой связи М. С. Строгович, акцентирующий внимание на том, что, «поддерживая на суде обвинение, прокурор пользуется независимостью в определении своей позиции, выражении своих выводов и предложений, которые он представляет суду» [4, с. 234]. Какие-либо консультации помощника с прокурором по поводу обстоятельств дела вполне возможны. Однако в суде он должен высказывать лишь свою собственную позицию. «Когда происходит судебное разбирательство уголовного дела, вышестоящий прокурор, даже тот, который поручил данному прокурору выступить в качестве обвинителя, не может обязывать выступающего в суде прокурора занять именно такую позицию, настаивать перед судом на таком-то разрешении дела, требовать осуждения подсудимого и требовать какой-то меры наказания и т. д. Все это прокурор, выступающий в суде, решает сам, исходя из того, что выяснил во время судебного разбирательства, основываясь на своем убеждении» [4, с. 234]. В этой связи представляется обоснованным утверждение М. Л. Шифмана, который считает «недопустимым, чтобы вышестоящий

последовательный переход от общей теории борьбы с преступностью к системе частных теорий, показана не только их связь, диалектическая взаимосвязь, но и раскрытие в процессе изложения частных теорий основных принципов, положений, содержания общей теории борьбы с преступностью, показано функциональное назначение каждой из них. Таким образом в преподавании системы названных дисциплин будет обеспечиваться не только объективно необходимая преемственность, но и комплексный подход к изучению завершенной системы одноплановых теорий.

В заключение отметим, что общая теория борьбы с преступностью должна отражать политику советского государства в области борьбы с преступностью, а также большую по объему, сложную по содержанию и важную по своему социальному назначению деятельность как специальных органов, так и трудовых коллективов, всего общества по борьбе с преступностью, ее причинами и условиями. Улучшению организации и повышению эффективности названной деятельности в полной мере способствовали бы разработка и принятие единых Основ законодательства о борьбе с преступностью и другими антиобщественными явлениями в советском социалистическом обществе. Эти Основы должны представлять собой комплексный нормативный акт, создающий единую юридическую базу для системы взаимосвязанных отраслей законодательства, регламентирующей деятельность компетентных органов по борьбе с преступностью и другими нарушениями законности.

Список литературы: 1. *Зеленцкий В. С.* Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе. — Проблемы правоведения. Вып. 33. Киев, 1976, с. 132. 2. *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде. М., Наука, 1971. 344 с. 3. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора. М., Наука, 1975. 384 с. 4. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., Наука, 1970. 516 с. 5. *Лякас А. Г.* Некоторые аспекты деятельности государственного обвинителя. — В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. М., 1975. 6. *Шифман М. Л.* Прокурор в уголовном процессе. М., Юриздат, 1948. 346 с. 7. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М., Юрид. лит., 1966. 523 с. 8. Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 7. М., Юриздат, 1948. 327 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Харьковскому юридическому институту им. Ф. Э. Дзержинского — 60 лет	3
Сташи с В. В., Павловский Р. С. Совершенствование процесса подготовки юристов	12
Горшенев В. М. О преемственности в советском праве	20
Рогожин А. И. Интернационализм в военном строительстве в УССР в первые годы Советской власти	28
Рослов П. Н. Местные Советы и межхозяйственные организации	38
Бару М. И. Вопросы трудового права в произведениях В. И. Ленина	47
Процевский А. И. Участие трудовых коллективов в регулирова- нии условий труда	54
Азимов Ч. Н. Классификация договорных обязательств в области научно-технического прогресса	62
Маслов В. Ф., Пушкин А. А., Проккопенко И. Ф. Хозяйствен- ное законодательство развитого социализма	69
Шелестов В. С. Правовые формы межхозяйственного сотрудниче- ства с участием колхозов	77
Кац С. Ю., Носко Л. Я. Конституционное право граждан СССР на судебную защиту	89
Загородников Н. И. Конституция СССР и дальнейшее развитие советской уголовной политики	95
Бажанов М. И. Конституция СССР и вопросы совершенствования основ уголовного законодательства	102
Таций В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления по УК УССР 1922 г.	110
Даньшин И. Н. К вопросу о понятии личности преступника	117
Петрухин И. Л. Понятие оптимальности и эффективности право- судия	126
Зеленецкий В. С. Классификация субъектов государственного об- винения и характеристика их взаимоотношений в советском уголовном процессе	134